

В ИЗДАТЕЛЬСКОМ ДОМЕ «ГУМАНИТАРИЙ»

Академии гуманитарных исследований

вышла в свет монография

«Национальная политика в Российской Федерации.

Реалии. Проблемы. Прогноз».

М.: Гуманитарий, 2010. – 710 с.

Международная правозащитная ассамблея

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РЕАЛИИ. ПРОБЛЕМЫ. ПРОГНОЗ

Сборник материалов
Первой (Московской) и
Второй (Всероссийской)
конференций

Составитель сборника Михаил Георгиевич Арутюнов, руководитель конференций по проблемам национальной политики в Российской Федерации. В 1990 г. был избран народным депутатом РСФСР. С 1993 по 1996 гг. работал в Администрации Президента РФ заместителем председателя Комитета по правам человека.

М.Г. Арутюнов — президент Международной правозащитной ассамблеи. Ассамблея имеет отделения, филиалы, представительства и собственных корреспондентов в ряде регионов РФ и в некоторых странах ближнего и дальнего зарубежья. Ассамблея несколько раз в год проводит «Круглые столы» и конференции по актуальным правозащитным проблемам.

М.Г. Арутюнов — автор более 100 публикаций по правозащитной тематике и соавтор четырех коллективных изданий, в выпуске которых

участвовал как ответственный редактор и руководитель проектов.

В сборник включены материалы двух научно-практических конференций, посвященных рассмотрению национальной политики в РФ и связанных с ней проблем свободы совести в РФ и миграции (внутренней и внешней) с учетом ее влияния на демографическую ситуацию в стране.

Первая из конференций состоялась в Москве, в Общественном центре «Мир, прогресс, права человека» при Музее им. А.Д. Сахарова.

Вторая конференция состоялась в Домбае (Карачаево-Черкесская Республика). В ее работе участвовали представители общественности и государственных структур из 19 регионов Европейской части России.

В приложениях к сборнику приведены документы, принятые на конференции и материалы, представленные участниками конференции.

Книга может представить интерес для региональных и федеральных законодательных и исполнительных структур, общественных, в том числе правозащитных, организаций и широкого круга читателей.

Подписной индекс журнала «Философские науки»
в Объединенном каталоге «Пресса России» — 45490

Подписка в редакции — по электронному адресу: academyRH@list.ru

1'2011

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФН

- ◆ МНОГОЭТАЖНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
- ◆ УПРАВЛЯЕМЫЙ ХАОС
- ◆ ЭКСПАНСИЯ АНТИПОВЕДЕНИЯ
- ◆ СИСТЕМНЫЙ РЕГРЕСС
- ◆ СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСКЛЮЗИЯ
- ◆ МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ
- ◆ ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИСТОРИЮ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ 1/2011

МОСКВА
ГУМАНИТАРИЙ

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

1/2011

Москва
Гуманитарий

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года

Редакционный совет:

Алексеев П.В., Апресян Р.Г., Губин В.Д., Гусейнов А.А.,
Доброхотов А.Л., Журавлев А.Л., Кристиан Д., Кузнецова Т.Ф.,
архимандрит Макарий, Мариносян Х.Э. (председатель),
Миронов В.В., Павлов А.Т., Пивоваров Ю.С., Розин В.М.,
Рыбаков Р.Б., Рябов В.В., Солонин Ю.Н., Степанянц М.Т.,
Степин В.С., Толстых В.И., Турбовской Я.С., Фельдштейн Д.И.

Редакция:

Аршинов В.И., Водолазов Г.Г., Пантин В.И., Порус В.Н.,
Розин В.М., Северикова Н.М., Сиземская И.Н.,
Тульчинский Г.Л., Шевченко В.Н.

Научный редактор Комиссарова Л.Б.
Ответственный секретарь Пружинина А.А.
Верстка: Шевченко Е.М.

Шеф-редактор: Мариносян Х.Э.

<http://www.academyRH.info>
E-mail: academyRH@list.ru

Журнал включен в «Реферативный журнал»
и в базы данных ВИНТИ РАН.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся
изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПН № 15513 от 20 мая 2003 г.
Изд. лиц. ИД № 03821 от 25.01.2001 г.

Подписано в печать 20.12.2010 г. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0.
Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1-500 экз.). Заказ 4183

Отпечатано в ФГУП
«Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

ISSN 0235-1188

© Философские науки, 2011

© Академия гуманитарных исследований, 2011

© Издательский дом «Гуманитарий», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Доминанта ■

Х.Э. МАРИНОСЯН Императивы модернизации
национального государства
в эпоху глобализации 5

**Будущее России: стратегия
философского осмысления ■**

В.М. МЕЖУЕВ Российская модернизация
и культура 18

А.Г. ГЛИНЧИКОВА Либеральные ценности
и проблемы российской
модернизации 32

**Социокультурные векторы
цивилизационного развития ■**

ОТ РЕДАКЦИИ Философия и политические
стратегии российской власти 44

В.Н. ШЕВЧЕНКО Модернизация
или национальный путь
развития России? 46

В.И. СПИРИДОНОВА Революционный лик
русской модернизации 60

Р.И. СОКОЛОВА «Мужская» и «женская»
цивилизации: теории
и реальность 72

ЧЕЛОВЕК И МИР

Грани цивилизации ■

В.А. ШУПЕР Россия между Западом
и Китаем 86

А.М. РУТКЕВИЧ Католический реакционер
Н. Гомес Давила 98

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

Школа философствования ■

ОТ РЕДАКЦИИ Философию – в школу! 111

С.С. ГУСЕВ
(Санкт-Петербург) Начала философии
Раздел II. Что я могу знать?
Глава 6. Искусство как путь
к пониманию
§ 11. Особенности
художественного познания
§ 12. Образное представление
и художественная картина мира 113

НОВОЕ В ФИЛОСОФИИ

Проективный философский словарь ■

Словарные статьи (Выпуск 12)

<i>В.Л. ЛЕХЦИЕР (Самара),</i>	Автополюмос	
<i>Ю.В. ШИЧАНИНА</i>	Переживание	
<i>(Ростов-на-Дону)</i>	Антропологическая мера	120

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Неизвестное прошлое. ■

Из истории философских форумов

<i>С.Н. КОРСАКОВ</i>	О Всемирных философских конгрессах начала XX века	124
<i>Ю.И. АЙХЕНВАЛЬД</i>	Международный философский конгресс в Париже	129

Архивные публикации ■

<i>С.Н. КОРСАКОВ</i>	Профессор В.Н. Ивановский и его воспоминания	137
<i>В.Н. ИВАНОВСКИЙ</i>	Воспоминания	144

Обзоры, объявления, сообщения ■

<i>Л.Г. ТИТАРЕНКО</i>	Социология в глобальном мире: ее прошлое, настоящее и будущее сквозь призму международного конгресса	150
-----------------------	--	-----

■
Наши авторы 159

■
Contents 160

От редакции

Редакция принимает для рассмотрения только материалы, отправленные по электронной почте с обязательным указанием Ф.И.О. автора полностью, места работы, ученой степени и звания, домашнего адреса, телефона и e-mail.

Объем материалов не должен превышать 40 тыс. знаков с пробелами вместе с примечаниями и приведенными на русском и английском языках названием, аннотацией и ключевыми словами. В тексте должна обозначаться лишь надстрочная сплошная нумерация ссылок, а примечания и цитируемая литература, оформленная в соответствии с ГОСТ 7.1-2003, – приводиться в конце текста. Авторы материалов несут ответственность за точность приведенных цитат и сведений.

Публикуемые материалы могут быть отредактированы, разумеется, с сохранением основных идей автора.

Позиция редакции и автора не всегда совпадают.

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Доминанта

ИМПЕРАТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Еще в последней четверти XX века некоторые искренне верили, что вековые надежды на достижение человечеством стадии толерантного единства, верховенства разумности и гуманности начинают сбываться. Эти надежды связывали с процессом глобализации, который представлялся многим ученым и политикам важнейшим фактором устранения постоянных конфликтов и интеграции человечества. Казалось бы, формирование международных рынков, «свободное движение» капиталов (экономических, политических, символических), увеличение потоков информации, мигрантов и туристов, образование «транс», «интер» и «над» национальных финансовых, экономических и политических институтов должны были бы сплотить народы и страны в некую глобальную целостность. Однако обретя небывалую власть над природой в результате достижений научно-технического прогресса, народы и государства в подавляющем большинстве так и не научились строить социально-политическое и естественное пространство собственного обитания и взаимоотношения на основе разума и нравственности, предвидеть пагубные последствия своих действий.

И вскоре выяснилось, что глобализация не только не разрушает сложившуюся планетарную иерархию народов и наций, но во многих случаях ее усугубляет. Противоречия же между различными этносами, нациями, государствами, между национальными государствами и международными властными структурами не исчезают, а только обостряются.

Процессы глобализации в финансово-информационной сфере вторгаются в область прерогатив национальных государств, а ее очевидные, прежде всего экономические, преимущества для нескольких развитых стран в отношении многих других оборачиваются значительными потерями. В свою очередь, и в

странах «первого мира» почти повсеместно растет недовольство инокультурными иммигрантами, наплыв которых даже в США рассматривается как угроза «национальной идентичности»¹.

Становясь все более взаимосвязанным, человечество продолжает оставаться разделенным по многим параметрам. Тем самым национализм как форма выражения национального (государственного) суверенитета и как политический принцип суверенизации этносов в статусе «наций» остается тенденцией (и фактором) современного исторического развития, реализующейся в сложном взаимодействии с глобализацией человечества.

Каким же образом исторически связаны между собой «национальное государство» и «глобализация», какова их диалектика в прошлом, настоящем и обозримом будущем?

Быть может, как считают многие отечественные и зарубежные исследователи, в условиях современной глобализации у национального государства нет будущего?

Или, быть может, человечество вступает в эпоху формирования новых форм глобализации на базе национальных концепций (программ) модернизации?

Уже глобальный финансовый кризис 1997 – 1998 годов показал проблематичность надежд на устойчивое развитие в условиях глобализации. По мнению некоторых исследователей, именно «с идеей устойчивого развития связана наиболее реалистическая альтернатива неолиберальной глобализации»². Следует отметить, что западноевропейская форма глобализации человечества оказалась самой успешной в ряду других, способствовала обретению историей качества всемирности и объединению значительной части человечества **на основе европейской модели модернизации**. Помимо либеральных принципов организации экономической жизни, в состав этой цивилизационной модели входили демократические нормы общежития (права и свободы человека и гражданина), адекватной политической формой существования которых и институтом считалось демократическое национальное государство. Интересно, что именно крупнейшие европейские империи оказались проводниками западноевропейской формы глобализации, ее трансформации, по мере распространения, в евро-атлантическую модель цивилизационного развития, которая остается доминирующей вплоть до наших дней.

Нации, добившиеся в XVI – XVIII веках успехов на пути модернизации, объективно осознали свой потенциал и стали счи-

тать себя в XVIII – XIX веках вершителями судеб мира. Однако традиционные империи не выдержали столкновения с новым типом империй, ядром которых были национальные государства, а объединительной основой – национализм.

Не опасаясь преувеличения, можно утверждать, что национализм, отражающий устремления наций (в социокультурном и гражданско-политическом понимании этого термина), представляет собой в современном мире наиболее универсальное и распространенное явление, не сводимое лишь к его идеологической и социально-политической составляющей. С одной стороны, народы и государства оказались еще более тесно связанными новыми системами транспортных и информационных коммуникаций, неправительственных и государственных международных финансовых, экономических и политических организаций. А с другой, поделенный когда-то на сферы влияния между несколькими империями и военно-политическими блоками мир после распада колониальной системы, Советского Союза и мировой системы социализма оказался политически и экономически более чем прежде дифференцированным, включив в мировое сообщество более сотни новых национальных государств, в свою очередь разделившихся на страны «золотого миллиарда», страны «второго», «третьего» и «четвертого» мира, которым было предложено жить по неолиберальным рецептам МВФ и Всемирного банка, контролируемых США. Так, 500 из 53 тыс. ТНК контролируют до 50% мирового промышленного производства, 63% внешней торговли, 80% патентов и лицензий на авангардные технологии. 5 супер-ТНК контролируют до 50% мирового выпуска товаров длительного пользования. Уже к 1993 году в 10 продвинутых странах было сосредоточено 84% мировых НИОКР. В 2000 году в державах G-8 (плюс Китай, Индия) проживало 88% пользователей Интернета. 90% сайтов в мировой паутине – американские.

По мнению некоторых исследователей, само решение о либерализации финансовых рынков не являлось следствием естественной экономической необходимости, а было политическим³. Оно было инициировано правительствами США и Великобритании, которые хотели таким образом обеспечить проникновение своих банков и корпораций на рынки других стран. Глобальные корпорации выходят из США, менеджеры ТНК стажировались в США решающая часть виртуальной экономики базируется в США⁴. Поэтому скроенная по неолиберальным лекалам **глобализация конца XX – начала XXI века оказалась для США способом соб-**

ственного национального развития, т.е. развитием национального государства США.

А что же с национальным развитием других стран? Ограничимся приведением лишь нескольких данных, опуская их (и без того очевидную) интерпретацию. 3,3 млрд. живущих на планете недоедают. 1,2 млрд. не в состоянии получать медицинские, образовательные услуги. Это на фоне того, что 10% населения потребляет 90% природных богатств. 20% жителей планеты контролирует 70% глобальной торговли товарами и предоставление услуг. Из 80% мирового экспорта доля 5 беднейших стран составляет только 1%. США, представляя 4% населения мира, используют 40% мировых потребительских ресурсов, дают 25% выбросов CO₂ (Германия, имея 0,3% лесов и 1% населения мира, суммарно выделяет 4% окиси углерода). Уровень неграмотности взрослого населения (от 15 лет) в Южной Азии – 51%, в Африке – 43%, на Ближнем Востоке, Магрибе – 39%.

В этой связи колоссальный диспаритет доходов выглядит чем-то само собой разумеющимся. **358 миллиардеров владеют таким же объемом средств, что и 2,5 млрд. людей.**

Таким образом, современная стадия глобализации человечества амбивалентна: становясь все более взаимосвязанным, человечество продолжает оставаться разделенным по многим экономическим, политическим и социокультурным параметрам. Современная глобализация не только не нивелирует, но и усугубляет планетарную иерархию народов и цивилизаций. Противоречия между различными этносами, нациями, государствами, между национальными государствами и международными властными структурами не исчезают, а обостряются. Процессы глобализации в финансово-информационной сфере вторгаются в область прерогатив национальных государств, а ее очевидные, прежде всего экономические, преимущества для нескольких развитых стран для многих других оборачиваются значительными потерями, вызывая естественную защитную реакцию противодействия.

На этом фоне особенно актуальными становятся проблемы глобального политического регулирования межгосударственных отношений и глобального управления. Кем и как это должно осуществляться? Многие считают ответ на этот вопрос очевидным – США. Вот, например, С. Хантингтон абсолютно не сомневается в реальности имперской перспективы для США и не желает такой перспективы лишь по той причине, что при этом сама «Америка утрачивает свою национальную идентич-

ность и становится метрополией всемирной империи»⁵. Просто в данном случае для Хантингтона сохранение национальной идентичности важнее имперского будущего.

Впрочем, как обратил внимание на это обстоятельство Ю. Тютюнник, если ранее бывшие в истории экспансии всегда имели этнически окрашенный имперский центр, то вненациональный характер глобализации приводит к тому, что центром ее может стать лишь вненациональная империя⁶. И лучшего кандидата на эту роль, чем США – не найти. А эта империя, считает он, в свою очередь, борется с амбициями миниимперализмов, базирующихся на своих национальных интересах (евразийство в России, боливаризм в Венесуэле, идеи чучхе в КНДР, имперские амбиции Японии, Китая и пр.). Так сталкиваются два типа имперскости – старый национальный и новый вненациональный.

Социально-экономические изменения, вызванные глобализацией, обнажили острую проблему новых форм управления. Если реальность, подлежащая управлению, представляет собой не национальные народно-хозяйственные комплексы, а транснациональные сети, возникает вопрос о пределах способа управления, связанного с национальным государством. В качестве альтернативы выдвигается принцип сетевого самоуправления, управление, осуществляемое транснациональными структурами, а также управление через ТНК. **Но в таком случае возникает принципиальный вопрос – адекватны ли эти постнациональные – постнациональные хронологически, а по сути наднациональные, вненациональные, – формы управления современной стадии глобализации?**

Широкие дискуссии ведутся также по поводу Всемирной торговой организации. Ведь общеизвестно, что требование либерализации торговли вступает в противоречие с национальными требованиями контроля качества продукции, особенно в части торговли продуктами с добавлением генетически-модифицированных компонентов. Решения данной проблемы пока еще нет. Это – характерный, но далеко не единственный пример противоречия интересов национального государства и глобализационных процессов. Само собой ясно, что такого же рода противоречия могут обостриться в результате либерализации торговли в сфере природных ресурсов, земельного фонда, средств массовой информации. Проблема иностранного инвестирования переходит здесь из экономического разряда в политический. Кроме того, могут быть ущемлены интересы социальных инфраструктур, культурных

объектов, существующих условий труда и состояния окружающей среды. А сами государства в таком случае неизбежно оказываются в неравноправном положении.

Анализ процессов, происходящих с национальными государствами в условиях глобализации, требует комплексного подхода. В. Наварро верно пишет, что термин «глобализация» используется ныне для обозначения целого комплекса явлений: глобализация торговли, производственных инвестиций, финансового капитала⁷.

Безусловно, под воздействием финансово-экономической, политической и социокультурной глобализации эрозии подвергается основное — духовная скрепа наций и национальных государств, в итоге и определяющая национальное самосознание образующих их народов, основой которого была и остается национальная идентичность каждого из нас. Из-за «прозрачности» границ и роста миграционных потоков, способствовавших образованию в пределах национальных государств инокультурных диаспор, не желающих или не могущих по каким-либо причинам интегрироваться в национальную культуру и овладеть национальным самосознанием, почти повсеместно, отмечает Самюэль Хантингтон, идет процесс «фрагментации национальной идентичности», которой «пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым и религиозным»⁸. И с этой фрагментацией, в результате которой происходят многие современные негативные и даже опасные социокультурные и социально-политические процессы, нам приходится считаться.

В этой связи актуализируется вопрос о формировании «глобальной культуры» и «глобального этоса». Действительно, нынешний рубеж веков также стал временем широкомасштабного распространения универсальных методов мышления и способов коммуникации с помощью новейших информационных инфраструктур. Это принципиальная особенность современной стадии глобализации.

Сочетание или своеобразное сосуществование глобального и локального выражается с помощью понятия **мультикультурализма**. Не следует однако забывать, что мультикультуральная среда — вовсе не пространство свободы. «Неолиберальный “плюралистический” мультикультурализм создает обманчивую картину гармоничного разнообразия, не имеющую ничего общего с реальностью, не учитывающую подавления и неравенства, которые по-прежнему во многом определяют культурную ситуацию в мире»⁹.

Массовое сознание дезориентируется и в настоящее время лучше соответствует теориям «массового общества», чем в то время, когда эти теории создавались. З. Бауман прав, когда характеризует становящуюся «глобальную цивилизацию» как внешне фрагментированную, но по сути подконтрольную¹⁰. Как показал Ж. Бодрийяр, в условиях фрагментизации культуры гражданская и культурная идентификация осуществляются через потребление¹¹. Н. Стивенсон уточняет принципиальное отличие культурной идентификации, присущее современной стадии глобализации: она идет не через идеологическую мобилизацию и политическое участие, а через доступ к удовольствиям¹². Сам доступ контролируется, а потребитель получает во фрагментированной культурной среде «специфическую» идентичность, которая не является результатом его внутреннего развития, но сошла с «конвейера», поставлена на поток. По мнению К.К. Шварцман, множественность самоидентификаций (религиозная, этническая, экологистская) снижает степень политической мобилизованности граждан, превращая их в демократически индивидуализированную массу¹³. «Массовая культура» так или иначе находится в руках элиты и превращена в современный механизм символической интеграции, *формирующий новую идентичность глобального потребителя*, в которой сочетаются нивелировка и допущенная, более того, «изготовленная» мера своеобразия. Экономическая, а следом, естественно, и политическая борьба становится все в большей степени борьбой информационной, борьбой за сознание, отсюда стремление ТНК при помощи правительственных органов контролировать сбор и распространение информации. Свобода предпринимательства оборачивается насаждением определенных культурных моделей ради усвоения потребителем именно этих моделей и, соответственно, роста прибылей.

Добиваться экономических и политических успехов, воздействуя на сознание, оказалось значительно эффективнее, чем с помощью известных до сих пор технологий. Здесь и таятся социокультурные угрозы национальному государству. Интеграционные процессы по формированию глобальных транснациональных идентичностей идут в массовом сознании как через воздействие «информационного империализма», так уже и через самоорганизацию. Эталоном здесь выступает транснациональная идентичность глобальной буржуазии, которую тот же З. Бауман назвал космополитизмом «туриста». В результате социокультурное развитие человечества сегодня идет как противостояние транскультурной

идентичности и идентичностей этнокультурных и гражданских, имеющих привязку к национальному государству¹⁴.

В этих условиях национальные культуры по-прежнему остаются мощным фактором мирового развития. Но это уже не просто мультикультурализм, а позитивное многообразие. И здесь велико значение национального государства, которое должно, как пишет А.А. Галкин, «не только оборонять свою идентичность от культурной и псевдокультурной экспансии, но и способствовать реализации объективно возрастающего стремления народов к сохранению своеобразия и самобытности»¹⁵. Н. Стивенсон совершенно справедливо пишет, что работа правительства, направленная на укрепление у населения чувства единой судьбы и культуры, является одной из центральных задач¹⁶. Отсюда следует важность культурной политики национального государства, по крайней мере, в отношении действительно элитных образцов, символов национальной культуры. Примером позитивного сохранения культурной идентичности в условиях давления космополитической культуры является, благодаря помощи своего национального государства, французская культура. Зрелые национально-культурные идентичности приобретают непреходящую ценность в глобальном мире. Следует согласиться с Ю. Хабермасом в том, что поддержание национального в глобальной культуре имеет сегодня не угасающее, а, напротив, усиливающееся значение¹⁷.

В конечном счете, формирование и тех и других зависит от темпов и характера разворачивания двух противоположных по направленности, но тесно взаимосвязанных процессов — макро и микрорегионализма.

Национальное государство испытывает давление глобализации как «сверху» в виде тенденции к объединению государств в рамках более или менее масштабных соглашений, предполагающих создание надгосударственных структур управления, так и «снизу», в виде сепаратистских настроений, питаемых, помимо прочего, тем же самым процессом «раскрытия» национального государства сверхнациональными структурами. Оказавшись между ними, государство пытается переосознать свою идентичность.

Макрорегионализм может быть признан формой позитивного дерегулирования, когда ответственность за развитие не сбрасывается, а передается на наднациональный уровень, благодаря чему осуществляется более разумное регулирование наличных ресурсов в рамках сообщества государств.

В этом заключается огромный общекультурологический (культурологический в широком значении слова, т.е. охватывающий все сферы человеческой жизнедеятельности — искусство, науку, образование, экономику...) потенциал современной глобализации, принципиально меняющий направление преобладающего в настоящее время вектора «окультуривания планеты» как одностороннего движения массовой культуры (в основном американизированной) к национальным культурам (по существу — навязывания неких штампов этого масскульта) на многосторонний, разноплановый процесс взаимного действительного обогащения.

И здесь должны обнаружить себя особенности модернизации национального государства на современном этапе глобализации.

По нашему убеждению, национальные государства просто обязаны воспользоваться раскрывающимися в этом процессе возможностями. Им следует провести как своими силами, так и с привлечением соответствующих иностранных и международных организаций ревизию региональных культурных традиций для выявления истинно элитных образцов и символов собственных национальных культур в целях определения путей более достойного дальнейшего их развития на благо своих локальных сообществ, и, в то же время, создания возможностей для обогащения культур других сообществ, делая, тем самым, свой частный культурный опыт в итоге достоянием глобального человечества.

Принципиальная новизна в предлагаемом нами алгоритме развития национальных культур заключается в том, что **современным национальным государствам следует не слепо-догматично противостоять** влиянию инородной культуры как «чужой» и, только в связи с этим, чуждой, якобы вредной для своей культуры и даже угрожающей собственной национальной безопасности, но в то же время **не безоговорочно воспринимать** «масскультировские плоды глобализации». Им необходимо проводить свою новую национальную культурную политику, создавая — на основе своего уникального историко-культурного наследия и используя все богатство мировой культуры — современный облик своей культуры, именно современной собственной национальной культуры.

Процесс этот, безусловно, крайне сложен в своей реализации. Однако, на наш взгляд, **на данном этапе глобализации, на стадии обострения противостояния локального и глобального, — это единственно конструктивный подход к решению проблемы, рас-**

крывающий возможности для гармоничного сочетания интересов различных государств.

Макрорегионализм не случайно стал, начиная со второй половины 1980-х годов, повсеместно распространенным феноменом (АСЕАН, ЕС, НАФТА, а теперь и ЕВРАЗЭС). В макрорегионализме можно усмотреть поиски государствами форм приспособления к новой ситуации, хотя ряд авторов видит в нем напротив тенденцию к закату национального государства¹⁸. Но, все же, совершенно очевидно, что региональная интеграция осуществляется для повышения конкурентоспособности участников в борьбе с глобализацией более высокого порядка — глобальным доминированием какой-либо одной державы, в настоящее время США. Вместе с тем сами США являются участниками региональных интеграционных союзов: инициировали НАФТА, взаимодействуют с АСЕАН. Так или иначе, регионализация способствует укреплению мирового баланса сил и делает ситуацию в мире более стабильной. В этом смысле большие надежды мы связываем с проектом единой Европы, которая является пока еще единственным реалистичным ответом на вызовы глобализации в ее современном воплощении.

Как пишет У. Хаттон, «одним из важнейших вкладов ЕС в жизнь государств-членов могло бы стать возрождение веры в то, что деятельность государства может быть результативной, а активное участие в публичной сфере — делом стоящим и полезным»¹⁹.

Оценки перспектив европейской интеграции у социал-реформистски настроенных исследователей в мире очень позитивные. Эту позицию разделяют эксперты из России и из стран «третьего мира», видящие в европейской альтернативе прежде всего геополитический смысл. А. Моханти пишет, что «европейский дрейф в сторону автономности от американского проекта вполне может пойти быстрыми темпами и превратить Европу в независимый центр силы в ближайшем будущем»²⁰. А М.Г. Делягин и его коллеги из Института проблем глобализации вообще проводят идею об «углублении региональной интеграции до уровня, превосходящего интеграцию глобальную» в качестве «единственной альтернативы нестабильности финансовых рынков, вызванной глобализацией последних» и называют европейскую интеграцию первым реальным примером такой альтернативы²¹. Хотя, впрочем, существуют и другие мнения, в том числе и такие однозначно резкие, как мнение лауреата Нобелевской премии Ж. Сарамату: «Противовеса американскому доминированию не существует. Европа не играет никакой роли»²².

И, тем не менее, десятки миллионов алжирцев, марокканцев, индийцев, турок — выходцев из Африки и Азии, уже в нескольких поколениях интегрированные в социокультурное пространство национальных государств (Франции, Испании, Италии, Германии, Бельгии и др.) и искренне ощущающие себя **Европейцами** — убедительное тому подтверждение.

В условиях эскалации глобализационных процессов и катастрофического оскуднения природных запасов укрепление национальных государств остается единственным условием, позволяющим осуществлять в настоящее время и гарантировать в перспективе контроль над природными и человеческими ресурсами — всеми богатствами страны, что в совокупности только и может обеспечить выживание и дальнейшее развитие собственных народов.

И для сохранения своей государственности наступило время (особенно для России) осмыслить свои геополитические интересы, выработать адекватные геостратегические векторы развития страны и начинать жить в соответствии с собственными национальными интересами.

Россия — уникальное своим природным богатством, колоссальностью территории национально-государственное образование. Однако доля освоенных территорий у нас ничтожна. Наша интеграция в мировое хозяйство выглядит как практика сырьевого расточительства, тем более нелепого, что экспорт необработанного сырья убыточен. Очевидно: мировой финансово-экономический кризис-2008 не только сохранил, но и усугубил сырьевую структуру отечественного экспорта. Доля топливно-энергетического комплекса в общем объеме поставок 2008 г. составила около 50%, тогда как доля машин и оборудования — приблизительно 9%. Принятая нами экспортная политика сбивает мировые цены и способствует перераспределению доходов не в нашу пользу. При таком развитии событий в мире установится новый порядок: без великой России, но с Россией — сырьевым донором.

Перспектива строительства «общего дома» — в последовательном методичном утверждении новой политики, проводимой национальными государствами, рациональной и реалистичной, направленной на сохранение национальной идентичности и обеспечение национальных интересов, с одной стороны, и гармоничную интеграцию в наднациональное, глобальное пространство, с другой стороны.

Мир подошел к черте, когда при неизменных темпах эксплуатации природного потенциала обнажились пределы роста: запросы на сырье не могут удовлетворить ни расточаемые естественные запасы, ни заменители. Будущее за теми, у кого ресурсы. Так что в ближайшее время стремительно повысится роль перенаселенных стран – обладателей территорий (недра, фауна, флора, водные ресурсы): Монголии, Канады, Аргентины, Австралии, Бразилии. Первое место в этом ряду занимает Россия. Однако, к сожалению, это не позволяет делать однозначно радостные выводы о безмятежном будущем российского государства. Это всего лишь означает, что территория современной России будет яблоком раздора для многих, и не только соседних, государств.

И роковой вопрос можно сформулировать таким образом: сможет ли Россия создать свою долгосрочную программу геоэкономического, геополитического и социокультурного развития, разумно сочетающую общечеловеческие и собственные национальные интересы?

В этом и заключается парадигма модернизации России как современного национального государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М., 2004.

² Вебер А.Б. Взгляд на политику неоллиберальной глобализации // Глобализация и столкновение идентичностей. – М., 2003. – С. 210.

³ Navarro V. Neoliberalism, «globalization», unemployment, inequalities, and welfare state // Intern. Journ. of health services. 1998. Vol. 28. № 4. – P. 671.

⁴ Многоликая глобализация. – М., 2004. – С. 370.

⁵ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М., 2004. – С. 568.

⁶ Тютюник Ю. Антиглобализм и тоталлология // Альтернативы. 2001. № 4. – С. 53 – 55.

⁷ Navarro V. Neoliberalism, «globalization», unemployment, inequalities, and welfare state // Intern. Journ. of health services. 1998. Vol. 28. № 4. – P. 658.

⁸ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – С. 36.

⁹ Глобализация и мультикультурализм. – М., 2005. – С. 185.

¹⁰ Бауман З. Индивидуализированное общество. – М., 2002. – С. 178.

¹¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М., 2006.

¹² Stevenson N. Globalization, national cultures and cultural citizenship // Sociol. quart. – Berkeley (Cal.), 1997. Vol. 38. № 1.

¹³ Schwartzman K.C. Globalization and democracy // Annual revue of sociology. – Palo Alto, 1998. Vol. 24. – P. 176.

¹⁴ Журавский А.В., Садов О.В., Фетисов А.В. Субъекты миропорядка XXI века // Глобализация и столкновение идентичностей. – М., 2003. – С. 77.

¹⁵ Галкин А.А. Национальное государство в изменившихся условиях // Транснациональные процессы: XXI век. – М., 2004. – С. 18.

¹⁶ Stevenson N. Globalization, national cultures and cultural citizenship // Sociol. quart. – Berkeley (Cal.), 1997. Vol. 38. № 1.

¹⁷ Хабермас Ю. Политические работы. – М., 2005.

¹⁸ См.: Waters M. Globalization. – L.; N. Y.: Routledge, 1996. – P. 14.

¹⁹ Хаттон У. Мир, в котором мы живем. – М., 2004. – С. 404.

²⁰ Моханти А. Альтернативы однополярному миропорядку // Глобализация и столкновение идентичностей. – М., 2003. – С. 232.

²¹ Практика глобализации. – М., 2000. – С. 174.

²² Сарамату Ж. Почему я поддерживаю антиглобалистов // Россия в глобальной политике. 2003. № 1. – С. 179.

Аннотация

В статье показано, что характерной особенностью современного этапа глобализации является не только нарастание недовольства стран «второго» и «третьего» мира вестернизацией (в первую очередь, американизацией), но и настороженность самих стран «первого» мира и даже США наплывом инокультурных иммигрантов, что рассматривается как угроза их собственной национальной идентичности. Предлагается разработка принципиально новой Культурной политики в качестве основного императива модернизации национального государства.

Ключевые слова:

модернизация, национальное государство, императив, формы глобализации, национальные интересы.

Summary

This article showed that the special feature of the present stage of globalization is not only the growing unrest in the «Second» and «Third World» countries by westernization (in the first place by americanization), but also alertness of the «First World» countries themselves (including the USA) by influx of immigrants representing another cultures considered to be a threat of their national identity. The article suggests a principally new cultural policy as a main imperative of national state modernization.

Keywords:

modernization, national state, imperative, globalization forms, national interests.

*Шеф-редактор журнала «Философские науки»,
Президент Академии гуманитарных исследований
Х.Э. Мариносян*

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА

В.М. МЕЖУЕВ

Прежде чем что-то сказать о культуре, в которой нуждается российская модернизация, необходимо определиться с самим понятием «модернизация». Под ней часто понимают любое новшество или усовершенствование в сфере техники и хозяйственно-управленческой деятельности. Придумали более совершенную технологию – вот тебе и модернизация. Но в таком случае переход от скотоводства к земледелию на заре человеческой истории также следует считать модернизацией, а все учебники по истории переименовать в учебники по истории модернизации. Можно, конечно, любую техническую и научную инновацию называть модернизацией, но это не совсем то, что понимает под ней социальная наука.

Теория модернизации, как известно, возникла в 50 – 60-е гг. прошлого века в лоне университетской науки США под прямым влиянием работ Т. Парсонса и Р. Мертона. Ее создателями были известные американские специалисты по так называемому третьему миру (С. Липсет, Ф. Ригге, Д. Энгер, Р. Уарт, С. Хантингтон и др.). Посредством данной теории они хотели как-то обозначить происходящие в странах этого мира экономические и политические процессы, взрывающие традиционный порядок и способствующие их переходу к индустриальному и демократическому обществу. Чуть позже теория модернизации была взята на вооружение государственными ведомствами США с целью обоснования их политики в отношении этих стран. Это были преимущественно страны Азии, Африки, отчасти Латинской Америки, но никогда СССР, в отношении которого более уместным считался термин «конвергенция», а не «модернизация».

Все изменилось с распадом СССР, отбросившим Россию в разряд слаборазвитых стран («Верхняя Вольга с ракетами»). Теперь уже, не стесняясь, можно было говорить о ее модернизации. Термин прижился и в среде российских политиков, взявших на себя миссию реформирования России с целью «ее вхождения в современную цивилизацию». В дальнейшем этим термином стали

обозначать все происходившие в русской истории реформационные процессы. В таком истолковании российская модернизация охватывает собой по крайней мере три столетия – начиная с петровских преобразований и вплоть до наших дней.

Как бы то ни было, под модернизацией в науке принято понимать переход от традиционного общества к современному, или от общества домодерна к обществу модерна (или модерни, как его называют на Западе). Следующий переход – от модерна к постмодерну – это уже другая стратегия развития, отличная от модернизации. Ее разрабатывают преимущественно те, кого сегодня называют постмодернистами. Если граница, отделяющая модерн от домодерна, признается практически всеми и не вызывает серьезных разногласий, то граница между модерном и постмодерном либо оспаривается в своем существовании, либо по-разному трактуется. Где же проходит первая граница?

Думаю, не погрешу против истины, если определю домодерн как общественное состояние, в котором господствует традиция (или обычай), его потому и называют традиционным, а модерн – как господство разума, или *ratio*, как рационализацию всех форм жизненного поведения человека. Хронологически эту границу обычно связывают с переходом от Средневековья к Новому времени, хотя отдаленным провозвестником модерна была уже греко-римская Античность. Традиционное общество – это не просто общество, в котором существует традиция – традиция существуют в любом обществе – а общество, в котором традиция, освященная именем мирового бога или племенного божества, господствует над всеми проявлениями жизни, не позволяет выйти за ее пределы.

Традиция существует не сама по себе, не просто как привычка или личная прихоть, а как неизбежный на определенном этапе способ регуляции общественной жизни, получающий, как правило, мифологическую или религиозную легитимацию. Переход от традиционного общества к современному – это одновременно переход от религиозного типа сознания к рациональному, причем не только в теоретической, но и в практической (экономической и политической) жизни. Чтобы осуществить такой переход, Европе потребовалось пройти весь путь от Античности до Нового времени. Россия же, которую по известной констатации ее поэта, *умом не понять*, в которую можно только *верить*, так и не смогла полностью (в общенародном масштабе) выйти за пределы традиционного сознания с его преимущественно религиозным

восприятием жизни. Даже в период гонений на православную Церковь и православную религию со стороны «воинствующих атеистов» присущая русскому сознанию внутренняя религиозность давала знать о себе в своеобразной сакрализации верховной власти, в культе вождей, в придании господствующей идеологии характера чуть ли не религиозного учения, принимаемого исключительно на веру.

Нельзя, конечно, отрицать происшедшего за годы существования советской власти разрушения традиционного для старой России общинного уклада жизни, слома всей традиционной системы поземельных отношений, что стало причиной огромной миграции сельского населения в города и промышленные центры. Но ведь помимо традиционного (преимущественно деревенского) уклада жизни существует и традиционализм мышления, преодолеть который намного сложнее, чем просто разрушить общину. В эти годы крестьянин, переезжая в город, становился не буржуа или гражданином, а тем, кого еще в Древнем Риме называли городским плебсом, требовавшим от власти лишь хлеба и зрелищ. Его социальный статус наемного работника на службе у государства мало чем отличался от образа жизни и способа мышления типичного представителя традиционного общества.

В отличие от традиционного рациональный тип поведения и сознания прямо зависит от способности человека жить в свободе. Человеческая свобода была впервые открыта греками, считавшими себя «свободнорожденными», а затем по-новому осмыслена в христианстве с его учением о свободе воли. Правда, христианство, как и любая другая религия, не освободила человека от власти традиции, хотя и придала ей характер не принудительно навязываемого, а добровольно принимаемого решения. И только после того, как человек осознал себя разумным существом, способным самостоятельно решать проблему своего личного и общественного бытия, полагаясь исключительно на свой, а не на чужой разум богов или предков, можно говорить о наступлении эпохи модерны. Переход к ней потребовал, следовательно, определенных предпосылок не только в экономической, но и в духовной и культурной сферах.

Обычно переход к модерну связывают с формированием так называемого третьего сословия и с выходом на историческую сцену буржуазного класса частных собственников и предпринимателей. При этом не всегда учитывают особую роль в этом переходе тех, кого принято называть интеллектуалами. Европейских

интеллектуалов следует отличать как от мудрецов и пророков Востока, вещавших непосредственно от имени Бога, так и от средневековых богословов и схоластов, бравших на себя функцию интерпретации текстов Священного Писания. Хотя Жак Ле Гофф называет их «средневековыми интеллектуалами», они имеют мало общего с интеллектуалами Нового времени. К ним относятся в первую очередь гуманисты эпохи Возрождения, религиозные реформаторы, просветители. При всех различиях между ними они все вместе подготовили наступление эпохи разума, поставив под вопрос всякую идущую из прошлого традицию, сделав предметом рациональной критики понятия и представления, основанные на авторитете предания или писания.

Собственно, в этом и состояла функция интеллектуала в Новое время, сделавшая возможным переход к модерну. Интеллектуал взрывал любую традицию, не отвергал ее, но делал предметом критической рефлексии. Все, что было основано на иррациональной вере, на суеверии и предрассудке, теряло в его глазах всякую ценность. Отсюда не следует, что интеллектуалы пытались поставить себя на место прежних авторитетов: не себя, а разум, присущий каждому человеческому существу. «Имей мужество доверять собственному разуму!» — так когда-то Кант сформулировал суть Просвещения, а вместе с ним и основное кредо эпохи модерны. Иное дело, что разум у всех людей один. Они могут иметь разный опыт, но мыслят по одним и тем же законам логики. Так думала вся классическая философия. С опровержения данного тезиса — трансцендентального единства разума — и начинается постмодерн.

Современным (или модерном), с этой точки зрения, следует считать все то, что пропущено через разум, имеет характер рационально установленной истины. Быть современным — значит, мыслить и действовать рационально («целерационально», сказал бы Макс Вебер), полагаясь исключительно на доводы разума. Правда, сам разум можно трактовать по-разному. Установить, в чем именно заключается разумность человека, и составляло главную задачу классической философии, которую с полным основанием можно было бы назвать философией разума.

Пока речь шла о природе, ведущая роль разума, как он представлен в науках о природе, не вызывала сомнения. Но можно ли быть столь же разумным в постижении и организации общественной жизни людей — далеко не рациональной в своих основаниях, базирующейся на конфликтующих между собой интересах

и целях. Модернизация, понимаемая как рационализация, не может оставить без ответа вопрос о том, в чем состоит рационализация общества, как она затрагивает его основные социальные институты — от семьи до государства, от экономики и политики до образования и культуры. Модернизация какого-то одного сегмента общества (например, производственно-технологического), не затрагивающего все остальные, порождает уродливый симбиоз традиционализма и рационализма, отличающийся крайней неустойчивостью, нестабильностью, чреватый серьезными социальными взрывами и потрясениями. История дореволюционной и послереволюционной России служит тому достаточно ярким примером.

От наших экономистов можно порой услышать, что российская модернизация предполагает в первую очередь переход к экономике рыночного типа. Ее называют также инновационной, эффективной, социально ориентированной экономикой, но в любом случае видят в ней главную цель нашей модернизации. Можно подумать, что все остальное в России уже существует по критериям самой строгой рациональности. Вызывает, однако, серьезное сомнение, что целью модернизации, даже экономической, является переход к рынку. Рынок, как известно, возник задолго до всякой модернизации, а капитализм стал его естественным продолжением. Это, если угодно, объективный и стихийный процесс, который нельзя декретировать никакими указами. Вообще считать модернизацией переход к капитализму (как до того к социализму и коммунизму) столь же нелепо, как думать, что Античность и Средневековье также возникли в результате кем-то предложенного и сознательно осуществленного модернизационного плана или проекта. Об их существовании люди узнали *post factum*, после того, как эти эпохи уже сошли с исторической сцены.

В отличие от объективных процессов, протекающих, как правило, за спинами людей и осознаваемых задним числом, модернизация означает достижение заранее известной и сознательно планируемой цели. Политическая воля, основанная не на традиции, а на рациональном расчете, играет здесь решающую роль. Неслучайно все попытки модернизации России инициировались сверху. Хотя сама идея модернизации может разделяться и поддерживаться разными группами людей, вкладывающими в нее разное содержание, реальной программой общественного развития и обновления она становится в руках политической элиты, находящейся у власти. Последняя не только инициирует

процесс модернизации, но и ставит ему на службу всю мощь государственной машины.

На эту сторону дела не всегда обращают должное внимание, видя в модернизации нечто вроде естественно протекающего и объективного процесса. В действительности модернизация — это, прежде всего, сознательно осуществляемая властью политика, т.е. нечто весьма искусственное и субъективное. Политика эта продиктована, несомненно, вполне реальными обстоятельствами (например, отсталостью страны), является как бы ответом на объективный вызов истории, но далеко не факт, что, будучи сознательным выбором власти, она содержит в себе адекватный ответ на этот вызов. Здесь и возникает необходимость корректировки модернизационной политики с позиции научной теории модернизации. Наличие такой теории — необходимая предпосылка любой успешной модернизации.

Так, модернизация, понятая как строительство социализма в одной стране, не прижилась на русской почве, дала сбой, приведший к распаду государства. Ее заменили в 90-е гг. прошлого века на либерально-рыночную модель модернизации, заимствованную у западных идеологов экономического монетаризма. Но и она оказалась столь же болезненной, как и предыдущая, породив среди значительной части населения тоску по советскому прошлому. Обе модели — социалистическая и монетаристская — были субъективным выбором власти, не очень считавшейся с тем, какой реально может быть модернизация в условиях России. Понятно, что и навязывались они обществу чисто насильственным путем.

Уже с Петра I принуждение и насилие становятся главным инструментом модернизационной политики власти. По словам В.О. Ключевского, «реформа, как она была исполнена Петром, была... делом беспримерно насильственным и, однако, необходимым... Уже люди екатерининского времени понимали, что обновление России нельзя было предоставлять тихой работе времени, не подталкиваемой насильственно»¹. Большевицкая модель модернизации также была предельно репрессивной, осуществлялась усилиями тоталитарного государства. Модернизация, осуществляемая насильственным путем, свидетельствует не об ошибочности самой модернизации, а о ложном истолковании ее смысла и целей. Неправильно поставленная цель порождает и сугубо репрессивные методы ее осуществления. Чем же в действительности является модернизация?

Делая модернизацию своей политикой, государство, видимо, не может быть непосредственным исполнителем всего комплекса проблем, касающихся развития страны. Вряд ли от него прямо зависит техническое перевооружение промышленности и сельского хозяйства, замена устаревшей техники более современной, создание новых производственных мощностей и пр. Не чиновники являются двигателем экономического прогресса. Это дело людей, прямо заинтересованных в нем — предпринимателей и бизнесменов. Но чтобы такие люди появились и могли самостоятельно действовать, государство должно освободить их от излишней административной опеки. И уж тем более не заботой государства является формирование класса частных собственников. Оно должно гарантировать каждому *право частной собственности*, но не саму собственность, которую можно приобрести только на рынке, за счет собственного труда. Власть как источник собственности (что отчетливо проявилось у нас в ходе проведенной приватизации) никогда не будет открытой и прозрачной. Сращивание власти и собственности есть наиболее очевидный рецидив старой, архаической системы власти.

Модернизация, проводимая властью, может быть, с этой точки зрения, только одним — *модернизацией самой власти, всей системы государственного управления*. Модернизация, не меняющая идущую из прошлого систему власти, сохраняющая в неизменном виде ее основные параметры, является модернизацией только по видимости. В этом и состоял основной порок всех предшествующих модернизаций — как петровской, так и большевистской. Они могли затронуть все, что угодно, но только не саму власть. Место, занимаемое властью, в любом случае оставалось неприкосновенным: как только волны модернизации доходили до него, все откатывалось назад. Могли меняться правящие элиты, эмблемы и титулы власти, но сам принцип централизованной и единоличной власти оставался неизменным. Это и есть наша традиция.

Модернизацией, способной прервать эту традицию, мог быть только переход к *правовому государству* с его обязательным признанием приоритета права над всеми иными формами государственного управления. Быть рациональным в политике — и значит руководствоваться в ней не личными или корпоративными интересами, а обязательными для всех нормами и принципами права. Не право власти, а власть права на всех уровнях государственной жизни — вот что служит главным вектором политической модернизации, открывающей простор и для всех ее остальных

проявлений, в том числе и в сфере экономики. Формы государственного устройства в современном мире могут располагаться в самом широком диапазоне — от конституционной монархии до президентской или парламентской республики — но в любом случае они должны базироваться на общих для всех принципах конституционного права. Разделение властей, состязательность партий, выборность и сменяемость власти, легальность оппозиции — без этого любая конституция превращается в простую видимость правового документа. И никакая отсылка к исторической «матрице» народа, к его обычаям и традициям не должна служить оправданием отступления от этих принципов. На ум приходит следующее сравнение: живя в России или в Европе, человек, решая математическую задачу, должен придерживаться одних и тех же правил математики: никакой суверенной математики не существует. Сказанное верно и по отношению к государственному устройству общества: при всех возможных различиях оно в своем современном виде должно базироваться на общих для всех принципах права. Никакой суверенности здесь также не существует. «Право — математика свободы» — так называлась книга покойного академика В.С. Нерсисянца, изданная еще в 1996 г. Во всяком случае, право не менее рационально и логично в своем систематическом изложении, чем любая математическая теория.

Но как заставить власть жить в правовом пространстве? Может ли она модернизировать саму себя? Это как раз то, что в России никогда не получалось. И объясняется это отсутствием в обществе развитого правосознания, причем даже среди профессиональных юристов. Наличие юридического образования само по себе еще не гарантирует наличия правосознания. В подтверждение такого мнения сошлюсь на статью выдающегося русского правоведа Б.А. Кистяковского «В защиту права (Интеллигенция и правосознание)», опубликованную более ста лет назад в знаменитом сборнике «Вехи».

Среди многих обвинений в адрес русской интеллигенции, выдвинутых авторами сборника, в этой статье особо выделяется крайне низкий уровень ее правосознания, недооценка и даже принижение ею роли и значения права в культурном обиходе русского человека. «Русская интеллигенция, — писал Кистяковский, — никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться и прочного правосознания, напротив, послед-

нее стоит на крайне низком уровне развития»². Подобное отношение к праву, по его мнению, является результатом «отсутствия какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни русского народа»³.

Многие русские умы, включая даже Герцена, не говоря уже о славянофилах и народниках, усматривали в слабости правовых норм и отсутствии правового порядка положительную, а не отрицательную сторону русской жизни, находили в этом известное преимущество русского народа перед народами западноевропейскими. Те заняты устройством внешней жизни, тогда как русские более озабочены жизнью внутренней — религиозной и нравственной. Зачем право, если такая высокая духовность? «Основу прочного правового порядка, — считает Кистяковский, — составляет свобода личности и ее неприкосновенность»⁴. Постоянная озабоченность русской интеллигенции вопросом о том, в чем состоит «идеал личности», ее бесконечные искания «критически мыслящей, сознательной, всесторонне развитой, самосовершенствующейся, этической, религиозной и революционной личности», никогда не включали в себя «идеал правовой личности». «Обе стороны этого идеала — личности, дисциплинированной правом и устойчивым правовым порядком, и личности, наделенной всеми правами и свободно пользующейся ими, — чужды сознанию нашей интеллигенции»⁵.

Сказано сто лет назад, но и сегодня призывы к духовности и морали отодвигают на второй план, а то и вовсе упускают из виду важность правовой организации общественной и государственной жизни, вне которой и без которой никакая духовность выжить не может. Разве не о том свидетельствует вся последовавшая после «Вех» русская история? Разве не с этим же мы сталкиваемся и сегодня?

Пренебрежение правом свойственно, разумеется, не только русской интеллигенции, но в равной мере и остальным слоям русского общества, включая тех, кому, казалось бы, по самой их функции предписано стоять на страже закона и правового порядка — государственным и судебным чиновникам. Произвол и беззаконие в системе государственного управления и судебной деятельности — исконная беда России. Интеллигенция несет за это особую ответственность, поскольку, будучи мыслящей частью российского общества, так и не смогла внедрить в его сознание представление о первостепенной значимости права в общественной жизни, ничем не уступающего по своей культурной ценности

религии, морали, искусству и науке. Казалось бы, никто у нас на словах не сомневается в необходимости правового порядка, но в бесконечных рассуждениях о современной России, вопросы права и правосознания, если и затрагиваются, то в самую последнюю очередь. Русская культура, как бы высоко ее ни ставить, так и не смогла выработать противоядия от правового нигилизма, оборачивающегося на практике правовым беспределом. А то, что не стало органической частью национальной культуры, не имеет шанса и на превращение в юридически закрепленную норму общественной и государственной жизни.

В чем причина равнодушия нашей культуры (даже в ее лучших образцах) к вопросам правового устройства жизни? Прежде всего, как я думаю, в том, что гражданское общество не стало для нас повседневной реальностью, не втянуло в себя основную массу населения. В категориях права мыслит ведь тот, кто осознает себя гражданином, наделенным неотъемлемыми от его личности человеческими правами и свободами. Много ли у нас сегодня таких? Некрасовское «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» пока так и остается пожеланием: поэтов у нас и сейчас больше, чем граждан. И далеко не все наши поэты, т.е. в широком смысле деятели культуры, осознают себя гражданами, предпочитая строить свои отношения с государством на традиционной основе признания любой власти в обмен на ее высочайшее покровительство. Что уж говорить об остальных. Становление правосознания начинается с признания свободы и достоинства каждого индивида в качестве важнейшей культурной нормы и ценности. Достигается это усилиями не только юристов и правоведов, но и всей интеллектуальной элиты общества — в первую очередь философов, внесших в разработку идеи права возможно, самый значительный вклад.

Главным признаком сохраняющегося традиционализма в общественной жизни является преобладание людей с консервативным мышлением. В России такие люди всегда составляли подавляющее большинство, причем не только среди так называемого простого народа, что вполне естественно для аграрной, крестьянской страны, но и среди политической и культурной элиты. Интеллектуал, стремящийся до всего дойти собственным умом, не очень доверяющий традиции, восстающий против нее — в России не столько правило, сколько исключение. Его судьба по большей части трагична — он либо изгой, либо лишний человек, либо просто чудак — человек не от мира сего (вспомним хотя бы Чаадаева).

Россия — страна очень талантливых людей, тут и спорить не о чем. Но талант у нас не всегда сочетается с умом, хотя в обычной жизни мы склонны отождествлять то и другое. Талант без ума — это опора на чувство, на эмоцию, на то, что подсказано сердцем, но не на строгое и доказательное суждение. Талантом мы восхищаемся, а ум часто недооцениваем. Ум (или интеллект) в России был востребован значительно меньше, чем талант. Недаром лозунгам и хлестким фразам мы доверяем больше, чем аргументам. В наших действиях больше экзальтации и слепой веры, чем трезвого расчета и разумной мысли. Поэтому в роли «властителей дум» у нас и подвизаются обычно писатели, актеры, режиссеры, сейчас — журналисты, но не мыслители и ученые, не интеллектуалы в точном смысле этого слова. Только в России могла появиться комедия «Горе от ума». Отсюда же: «умом Россию не понять», «История города Глупова», «две беды — дороги и дураки» и пр. Редко встречающийся в нашей литературе положительный герой, и тот «идиот». Мы часто говорим о ком-то: «безумно талантлив», полагая, видимо, что талант в уме не нуждается. А ум — это, прежде всего, отказ от слепого следования старине, от бездумного подражания прошлому.

Не отрицание традиции, а критическая рефлексия над ней — вот что характеризует мышление современного человека, способного жить в модерне. Без такой рефлексии нельзя преодолеть тяжесть, инерцию былых времен, увидеть в реальности не только то, что в ней уже устоялось, стало привычным и обыденным, но и то, что требует пересмотра, дальнейшего изменения и преобразования. Если он и придерживается какой-то традиции, то только той, которая идет из эпохи Просвещения, а в своем истоке восходит к античному рационализму. Несомненно, и эта традиция нуждается сегодня в переосмыслении. Отношение к Просвещению с его «проектом модерна» раскололо интеллектуальное сообщество на Западе на два лагеря — на тех, кто стремится в современных условиях продолжить начатую Просвещением линию развития, как бы продлить состояние модерна, и тех, кто справляет «поминки по Просвещению» в поиске новой социальной и мыслительной парадигмы. Последние и составили лагерь постмодернистов.

Не то в России. Мы живем с Западом как бы в разные исторические времена. Если Запад уже давно живет в модерне, то мы до сих пор в него никак попасть не можем. Предпринимаем для этого огромные усилия, но какая-то более мощная сила выталкивает нас из модерна обратно. Уже триста лет мы модернизируемся, но

не можем довести этот процесс до конца. Такое впечатление, что Россия — страна перманентной модернизации, которая временами то вспыхивает, то угасает.

Что же мешает России стать современной страной, войти в модерн? Европе, как известно, потребовалось для этого пройти через три «двери». Первая из них называется Возрождением, вторая — Реформацией, третья — Просвещением. Все вместе заняло примерно лет пятьсот. Мы не прошли ни через одну. У нас не было своего Возрождения, своей Реформации, ну, а Просвещение остановилось где-то на полпути, затронув лишь верхний слой российского общества. Дальше не пошло. Если ранние славянофилы еще как-то пытались сформулировать русский проект модерна, получивший впоследствии название «русской идеи», то, начиная с Данилевского и вплоть до евразийцев, идея «русского модерна» перерастает в идею «антимодерна», отрицающую все европейское. Именно в таком виде эта идея стала оплотом русского консервативного национализма. Сегодня эта или подобная ей идеология все более овладевает массовым сознанием (по социологическим опросам, около 70% россиян не считают себя европейцами) и берется на вооружение частью нашей культурной и политической элиты.

Невосприимчивость к модерну видна даже по нашей литературе, не принявшей ренессансного гуманизма. Бердяев считал, что если у нас и были гуманисты этого типа, то только Пушкин. Остальная литература от Гоголя до Достоевского и Толстого пошла не по пушкинскому пути. Негативное отношение к Возрождению характерно для большинства русских религиозных мыслителей и философов, вплоть до Лосева. Аналогично обстоит дело с Реформацией. Отношение к протестантизму и его этике в русской мысли хорошо известно. Исключение составляют, конечно, русские западники (включая либералов и социал-демократов), но все знают, какова их судьба в России. Сегодня весьма модно ругать тех и других. Критика модерна в России тяготеет не к новому, а к старому — традиционному — миру, находящемуся под властью церковного и государственного авторитета, т.е. православия и самодержавия.

Я не хочу ставить антимодернистский дискурс ни в упрек, ни в заслугу России. История, в конце концов, рассудит, куда он ведет — к победе или поражению. Но ясно, что антимодернизм есть отрицание модерна с несколько иной позиции, чем постмодернизм. Для постмодерниста модерн неприемлем в силу

тяготения последнего к рационализации и унификации жизни, логоцентризму, идеологическому монизму, для антимодерниста — в силу его излишнего антропоцентризма и индивидуализма. Прямо скажем, взаимоисключающие позиции, хотя в своем противостоянии они и вскрывают неспособность модерна сочетать индивидуальное и универсальное, духовное и материальное, многообразие и единство, свободу и порядок. Попытка модерна на путях разума снять эти противоположности оказалась в глазах тех и других несостоятельной. Но если первые на этом основании справляют «поминки по Просвещению», то вторые стремятся предотвратить его роды, так сказать, абортировать его. Не потому ли наша модернизация более напоминает, по выражению Стивена Коэна, «демодернизацию», возврат к прошлому с его политической и духовной архаикой.

Любую попытку возродить предшествующие модерну формы сознания — миф, языческие культы, оккультные науки — я и называю антимодерном. Когда повсюду открываются церкви (против чего я, конечно, ничего не имею), но при этом сокращаются и закрываются научные институты, становится ясно, что мы не столько приближаемся к модерну, сколько еще больше погружаемся в домодерн, т.е. в состояние, когда свободная мысль находилась под властью традиционных авторитетов. Не потому ли многие, кто сегодня приветствует такое развитие событий, смахивают более не на современных мыслителей, а на средневековых схоластов с тем лишь отличием от них, что соединяют принятые ими на веру старые и новые мифы с современными информационными технологиями?

Казалось бы, никто из них, за редким исключением, не отрицает необходимости для страны экономической и технической модернизации. Но как это сочетается у них с антимодернистской политической и идеологической риторикой? В отличие от интеллектуалов на Западе, являющихся если не модернистами, то постмодернистами, наши в своем большинстве — антимодернисты, не приемлющие модерн ни в его гуманистической, ни в протестантской, ни в просветительской версиях. В политике они — консерваторы, пытающиеся говорить от имени православного Бога, только им ведомой «народной души» или власти, которая всегда права. Россия для них — предмет не столько теоретического анализа, сколько разного рода пророческих предсказаний и мессианских упований. Пока таким людям принадлежит ведущее место в образовании, культуре, средствах массовой информации,

экспертном сообществе, пока при поддержке власти они задают тон в политических и идеологических дискуссиях, российская модернизация будет тем же, чем и была до сих пор — кружением на одном месте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. III. — М., 1993. — С. 125.

² Вехи. Из глубины. — М., 1991. — С. 123.

³ Там же. — С. 126.

⁴ Там же. — С. 128.

⁵ Там же.

Аннотация

В статье обосновывается тезис, что главным препятствием на пути модернизации в России является господствующий в ней тип политической культуры, базирующийся на культе (сакрализации) верховной власти и отсутствии развитого правосознания. В свою очередь это объясняется незавершенностью перехода к современному (рациональному) типу поведения и сознания, характеризующемуся повышенной критической рефлексией по отношению к традиционно сложившейся системе ценностей.

Ключевые слова:

модернизация, культура, правосознание, традиция, рационализм, консерватизм.

Summary

The main thesis is proving by the author in this article is that the barrier impeding the process of Russian modernization is a special type of the political culture dominating in Russian society. This type of the political culture is based on cult (sacral) of the authoritarian power and failing of the legal conscience. The main reason for it is non - accomplishment of transit to the modern (rational) type of social behavior and conscience characterized by critical reflection towards the system of traditional values.

Keywords:

modernization, culture, legal conscience, tradition, rationalism, conservatism.

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

А.Г. ГЛИНЧИКОВА

Прежде всего, хотелось бы отвергнуть все разговоры о неукоренности принципа и ценности частного интереса в российском национальном сознании вообще и современном сознании, в частности. Более того, можно утверждать, что именно частный интерес является *доминирующей, если не единственной, ценностью современного российского общества*. Как же так, спросите вы, почему же тогда не защищены у нас права человека и частная собственность? Да именно поэтому и не защищены. Наш с вами частный интерес и частная собственность не защищены... *от другого частного интереса именно потому, что у нас сегодня не осталось никаких иных ценностей, кроме ценностей частного интереса!* В самом деле – если мой частный интерес является единственной оставшейся ценностью, то чем (какой ценностью) я буду ограничивать его, когда он упрется в нос моего соседа? Правильно – ничем! И мой сосед тоже не имеет оснований возражать против того, что я не буду с ним считаться. Ведь у него тоже нет никаких других ценностей, кроме ценностей его частного интереса. Просто я оказался сильнее, а он – слабее. Но завтра, когда кто-то окажется сильнее меня – и мне придется отдать все.

Частная собственность не защищена у нас не потому, что у нас частный интерес не является ценностью, а по прямо противоположной причине – потому, что у нас разрушены все ценности, способные внутренне ограничивать частный интерес одного перед интересом другого. Эта недостающая ценность, признающая не только твой частный интерес, но и ценность *другого* частного интереса – есть ценность *общественного интереса*, который должен *ограничивать* частный. Поэтому если от чего-то мы с вами и страдаем сегодня в плане модернизации, то уж никак не от отсутствия ценности частного интереса, а, напротив – от его переизбытка, тотальности, от полного разрушения, эрозии ценности общественного интереса и общественного начала взаимной ответственности. В результате люди могут стремиться к власти для реализации своих частных интересов, которые естественным образом могут не иметь ничего общего (по крайней мере, не обязаны иметь ничего общего) с частными интересами всех остальных, кто не у власти. И точно по этой же

причине *тотального* господства ценности частного интереса общество не имеет никаких оснований возражать, когда власть используется в ущерб его интересам. Ведь мы сами на своем уровне тоже живем по этому же принципу. Во имя чего же тогда мы будем критиковать тех, кто у власти?

Но тогда возникает другой вопрос – а откуда же тогда в России, развивавшейся сотни лет в условиях патерналистской монархической системы и еще 70 лет в условиях так называемого социализма и так называемой общественной собственности взялся вдруг этот частный интерес как базовая ценность, причем до такой степени, что вытеснил напроцуж вообще все остальные ценности?

Для ответа на этот вопрос достаточно вспомнить, что представляла собой наша система: по трое не собираться, никаких публичных обсуждений и дискуссий, никакой политической или экономической самостоятельности. Мы все были частными лицами, только частными лицами. У нас не должно было быть никакой внутренней потребности и, тем более, возможности самостоятельно действовать как лицам публичным. Общественные вопросы и действия не в компетенции населения. Для этого были соответствующие органы – государство, спецслужбы и т.д., которые, кстати, тоже состояли из таких же частных лиц, которые лишь выполняли предписанные им системой действия. Эта система, полностью выродившаяся и утратившая в ходе открытого политического, а позднее более тонкого, но не менее жестокого антиобщественного террора к концу XX в. все последние следы того общественного импульса, который был заложен революцией, за 70 лет превратила нас всех... *в частных лиц, способных иметь и понимать только один вид интереса – частный интерес*.

Парадоксальная, но абсолютно естественная вещь – тоталитарная система все больше вырождалась в систему, основанную на тотальной ценности частного интереса, планомерно разрушая и вытесняя самостоятельное общественное начало и общественные ценности из сознания людей, при этом лицемерно продолжая прикрываться общественными лозунгами, под конец уже прямо презираемыми всеми.

Что же удивляться тому, что, когда, наконец, эта система и эти лозунги рухнули, все кинулись «реализовывать свой частный интерес»? В этих условиях на любом уровне в принципе могут доминировать и, увы, зачастую доминируют все те же... частные интересы. И естественно, наиболее полно и защищенно эти

интересы могут удовлетворяться при осуществлении именно... общественных функций.

Все это свидетельствует в пользу того, что режим, который мы имеем сегодня, есть не что иное, как режим тотальной частной собственности, захвативший абсолютно все уровни общественной жизни, включая политические, и опирающийся на ценность частного интереса как единственно возможный тип ценностей.

Но тогда возникает вопрос, а почему же тогда на Западе все не так или не совсем так?

Для того, чтобы институт частной собственности в обществе стал уважаемым и неприкосновенным, нужны два условия. Первое действительно состоит в реабилитации и утверждении частного, индивидуального интереса как важной общественной ценности. Но этого недостаточно. Нужен еще один момент, еще одна очень важная ценность — в обществе должна укорениться *ценность частного интереса другого, т.е. ценность интереса, противоположного моему частному интересу. Признание этой ценности и важности для тебя частного интереса другого или других и называется ОБЩЕСТВЕННЫМ интересом, который в определенном смысле не только противостоит твоему частному интересу, но, что самое важное — ограничивает твой частный интерес.* Без второго этапа, без формирования такого ограничителя в виде признаваемой и разделяемой всеми членами общества ценности общественного интереса, ничем не ограничиваемый частный интерес фактически пожирает сам себя. Либеральная свобода и конкуренция очень быстро превращаются в криминальное право сильного подмять под себя всех и диктовать всем свою волю. Причем наиболее сложным моментом здесь становится именно второй этап трансформации — этап *формирования ограничителей*, т.е. формирования ценности *общественного интереса*.

В самом деле, какой бы возвышенной и одухотворенной ни была та или иная культура, в любом случае природа человеческая будет диктовать ценность физического выживания и самосохранения индивида. Но вот второй части, а именно, признания ценности общественного интереса как ценности частного интереса или интересов *других* нам действительно не хватает. Поэтому наша проблема связана со сбоем в процессе формирования *внутренних* ограничителей частного интереса *каждого* во имя интересов другого, других, т.е. во имя общественных интересов. Если мы действительно хотим сформировать социально-экономическую систему, в которой частные экономические и социально-полити-

ческие интересы были бы защищены, нам необходимо *реабилитировать и развить ценность общественного интереса*. Именно этой ценности общественного интереса нам не хватает для построения цивилизованного либерального общества.

При этом я вовсе не провозглашаю такую цель. Я просто проясняю это для тех, кто искренне хотел бы, чтобы в нашей стране сформировался так называемый цивилизованный институт частной собственности с относительно гарантированными экономическими и политическими правами личности. Без ценности общественного интереса, ограничивающего частный, нормальные либерально-демократические отношения частной собственности будут невозможны.

Получается, что для укоренения отношений частной собственности нам необходимо определенное *сочетание сразу двух противоположных ценностей — частного и общественного интереса*. Но разве они не противостоят друг другу, не вытесняют друг друга? Как соединить эти две противоположные ценности? И почему у нас в нашей обозримой истории они не столько соединялись, сколько боролись и подавляли друг друга?

Причина в том, что наше общество шагнуло от традиционного крестьянского прямо к современному, индустриальному, минуя фазу гражданской трансформации системы ценностей, существенным моментом которой стало формирование морального механизма внутренних ограничителей частных интересов. Изначально этот процесс *интериоризации* моральных ценностей (ограничивающих норм) в Европе имел религиозную форму и осуществлялся в ходе Реформации. А позднее получил философскую интерпретацию и правовое воплощение в системе демократических политических институтов и правовых норм.

Однако такое своеобразие развития нашего общества вовсе не означало, что к периоду индустриальной трансформации оно не выработало в своей культуре норм, ограничивающих частный интерес и не сформировало ценности общественного интереса. Сформировало и еще какую! Именно русская культура конца XVIII — XIX вв. фактически взяла на себя выполнение той исторической задачи, которую не смогла в свое время осуществить церковь, а именно — задачу интериоризации морали и формирования внутренних ограничителей частного интереса во имя признания ценности *другого*. Чаадаев, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Герцен, Хомяков, Киреевский, Белинский, Чернышевский, Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов — освоение их творчества

дает настолько мощный импульс к формированию ограничителей принципа частного интереса и уважения к ценности личности другого человека, что по существу обеспечивает возможность утверждения общественного интереса как важнейшей социальной ценности в нашей культуре.

Почему же, в таком случае — мы переживаем такой период упадка ценности общественного интереса? Я бы даже сказала — период агрессивного отторжения общественного интереса как важной общественной ценности?

«Общественный интерес» как ценность и «общественная собственность» как институт и общественное отношение это не одно и то же. Общественный интерес как ценность неизбежно должен присутствовать в любом обществе и *в той или иной форме* уравнивать, ограничивать частный интерес, если это общество хочет выжить, независимо от господствующих форм собственности. Общественный интерес как ценность может воплощаться в форме религиозных императивов, в форме нравственно-этических принципов, в форме господствующей идеологии. По-видимому, возможны и иные формы воплощения общественного интереса. В любом случае, эрозия ценности общественного интереса всегда приводила к разрушению социума, будь то античные Афины, Древний Рим, позднее Возрождение, Византия, Франция, Англия, Германия или Россия накануне революций.

В этом смысле кризис ценности общественного интереса в современной России, хотя и связан определенным образом с кризисом экономических отношений, ассоциировавших себя с общественной собственностью, но не совпадает с ним. Как институт частной собственности предполагает определенное сочетание общественного и частного интереса как двух основополагающих ценностей, в такой же мере и общественная собственность, как социальный институт, не отрицает, а напротив, предполагает ценность не только общественного, но и частного интереса каждого члена общества. Просто они характеризуются разными формами сочетания. Но если в культуре не сформировалась или не до- сформировалась по каким-либо причинам ценность общественного интереса, или она сформировалась в форме, *несовместимой* с защитой частного интереса, то в такого рода обществе любые отношения собственности будут принимать тотальный неустойчивый характер, независимо от того, будут ли это отношения частной собственности или общественной. При несформированной ценности общественного интереса обще-

ственная собственность легко вырождается в форму тоталитарного подавления права общества на участие в реализации общественного интереса, что мы имели возможность наблюдать в период так называемого социализма. В условиях же провозглашения принципа частной собственности тот же самый процесс просто получает дополнительную институциональную поддержку в виде отказа от лицемерных «общественных» лозунгов «реального социализма». При этом лицемерие этих лозунгов состояло не в их содержании, а в их приложении, в их отношении к реальной жизни.

Проще говоря, социализм рухнул не потому, что общественного интереса как ценности было слишком много, а потому, что революционный запал общественного творчества раннего этапа был почти совершенно вытеснен и искусственно ограничен чисто частным интересом и дискредитирован в ходе последовательного отчуждения граждан от самодеятельного участия в экономической и политической жизни общества. Узурпация государством общественной составляющей индивидуальной активности людей под лозунгами «общественной собственности» привела, с одной стороны, к соединению в сознании людей принципа «общественной ценности» и «общественной собственности», а с другой — к заблуждению относительно главной причины заболевания системы — якобы недостаточного уважения к частному интересу.

Поэтому, если мы действительно хотим преодолеть эту систему и выйти за ее пределы к системе отношений, уважающей человеческое достоинство, экономические, социальные и политические права людей, нам необходимо развитие ценностей, внутренне ограничивающих частный интерес, т.е. ценностей общественного интереса.

Слово «внутренне» — ключевое в данной ситуации. Предыдущая система, практически полностью истребившая ценность общественной самодеятельной активности, оставив людям для забот лишь узкую сферу их частной жизни, разумеется, не могла бы существовать без определенных ограничительных механизмов для этих частных интересов. Но поскольку внутренняя общественная составляющая деятельности людей была под запретом, то частный интерес не мог ограничиваться иначе, нежели извне, внешним образом с помощью политических и идеологических репрессий.

Не всякий частный интерес является гражданским и ведет к формированию либерально-демократических отношений в сфере политики и экономики. До тех пор, пока частный интерес

не трансформировался из патерналистского в гражданский частный интерес, т.е. не обрел внутренних ценностных ограничителей в социальной культуре, он будет вести либо к распаду системы, либо к формированию внешних авторитарных ограничителей¹. Поэтому характер института общественной собственности (авторитарный или демократический) определяется не самим этим институтом как таковым, а тем типом частного интереса, который доминирует в той или иной социальной культуре. Это также справедливо в отношении характера отношений частной собственности, которая в случае наложения на патерналистский тип частного интереса с необходимостью потребует авторитарных ограничителей или также приведет к анархии и коллапсу системы.

Мы умышленно оставляем сейчас в стороне весь круг вопросов о том, является ли общественная собственность необходимостью, как и вопросы, связанные с проблемой эволюции отношений частной собственности с тем, чтобы не выходить за рамки предложенной темы обсуждения. Но один аспект этой темы нам придется затронуть, поскольку без него вопрос о соотношении национальной культуры и модернизации решить будет невозможно.

Самый сложный момент в вопросах взаимоотношений каждого человека и общества состоит в том, что в жизни отдельного человека есть сферы относительно отдельного, сингулярного существования и есть сферы общего существования. К сфере общего существования относится сфера культуры, т.е. та сфера, которая «отвечает» за превращение человекообразного живого существа в собственно человеческого индивида, со всеми его интересами, ценностями, мышлением и всем тем, что именуется громким и модным словом идентичность. Тот факт, что каждый человек осваивает и приобщается к этой сфере индивидуально, не отменяет ни общности культуры как источника, ни общности культуры как продукта, ни, наконец, общности культуры как сферы, пространства интеллектуальной деятельности. Поэтому частное выражение культуры в виде столь модных на сегодня частных вложений в некие отдельные (изначально запланированные) точечные инновации есть дело малоперспективное. То же относится и к другим системным сферам, таким, как здравоохранение, образование, наука, окружающая среда. Хотим мы этого или не хотим, близки ли нам частные интересы или общественные ценности, но если мы хотим развивать эти системные сферы, мы должны искать наиболее эффективные способы поддержания их «здоровья» в целом, не расчленяя их на части. Тут есть свои меха-

низмы определения эффективности развития системных сфер, но их нельзя искусственно разрывать, пытаясь извлекать прибыль из эффективного производства частей, как это происходит в других, менее системных сферах жизнедеятельности, как то — производство продуктов и услуг для частного потребления.

Проблема национального единства напрямую опирается в относительную равномерность доступности системных сфер жизнедеятельности, имеющих общественное значение и непосредственно общественную природу. Самый страшный удар по общественному единству проистекает обычно не от разнообразия идей и подходов в решении тех или иных проблем, а от искусственно создаваемой невозможности для одной части общества систематически подключаться к достигнутому уровню общенациональной культуры как в духовном, так и в экономическом плане.

Независимо от того, какие отношения собственности будут признаны в качестве доминирующих — эти системные сферы жизнедеятельности будут сохранять непосредственно общественную природу.

Итак, сам факт существования и нарастающего значения этой системной сферы в жизни общества предполагает развитие и институционализацию в той или иной степени общественных форм присвоения, как бы это ни называлось и как бы ни оформлялось. Последнее, на мой взгляд, не следует путать с тем типом обобществления, на который вынуждены были вступать страны с колониальным прошлым для форсированного решения задач индустриализации.

Хотя и в том и в другом случае речь идет об обобществлении, тем не менее, в случае с форсированной индустриализацией речь идет об обобществлении сфер, которые в принципе при нормальных условиях более эффективно функционируют как рыночные, т.е. сфер, создающих продукты индивидуального частного потребления. Однако в условиях противостояния с более развитыми системами и необходимости защищаться от их экспансии приходится идти на подобные радикальные меры со всеми вытекающими для такого «необходимо преждевременного социализма» последствиями. При этом важно иметь в виду, что этот путь развития предполагает неизбежную закрытость этих систем в условиях капиталистического окружения. И, следовательно, их неизбежную недолговечность.

Но как бы мы ни понимали общественную собственность, как бы ее ни оценивали, в любом случае для нас важен вопрос

о соединении общественной собственности и частного интереса. Как частную собственность нельзя отождествлять исключительно с ценностью частного интереса, так и общественную собственность нельзя отождествлять только с ценностью общественного интереса. Эпоха Модерна — это эпоха соединения частного и общественного интереса, особого соединения частного и общественного начал как движущих стимулов в деятельности *каждого человека*. Собственно именно этим пред-Модерн и отличается от Модерна. Для пред-Модерна частное и общественное начала разведены в обществе по полочкам социальной иерархии². В деятельности одних воплощено лишь частное начало, в деятельности других нет почти ничего частного, потому что все их действия приобретают общественное значение в силу того места, которое эти люди занимают в социальной иерархии. И сама эволюция от предмодерна к модерну во многом состоит в постепенном соединении частного и общественного начал в каждом в более или менее равной степени. По крайней мере, принцип универсальности человеческой природы предполагает соединение частного и общественного начал в качестве неперемennого атрибута каждого человека. Вначале это реабилитация частного начала в каждом, в деятельности, направленной на реализацию частного интереса. Затем — формирование внутренних ограничителей (религиозно-моральных, рационально-моральных), обосновывающих внутреннюю необходимость для человека добровольно ограничивать свой частный интерес интересом другого, других, общим интересом. Если трансформация от пред-Модерна к Модерну не завершена, то это означает, что какая-то из этих ценностей не сформирована или *недо-сформирована* в обществе по тем или иным причинам и, следовательно, в этом обществе сложатся социальные отношения незавершенного Модерна.

Незавершенный Модерн может выразиться и в форме доминирования принципа общественной собственности и в форме доминирования принципа частной собственности. В любом случае, отличительной чертой такого общества будет его *тотальность*. Это будет либо универсализация принципа общественного интереса, но обязательно с подавлением и запретом частного как ценности, либо, наоборот, форма универсализации частного интереса с подавлением и запретом общего интереса как ценности. При всем внешнем различии систем оба варианта будут неустойчивы, поскольку игнорирование частного начала в жизни людей приведет к такой же дегуманизации общественной жизни, как и игнори-

рование общественного. А дегуманизация общественной жизни всегда оборачивается деморализацией, кризисом общественного доверия и, в конечном счете, распадом системы, ослаблением общественной консолидации. И выход только один — завершение процессов модернизации — формирование или доформирование недостающей ценности, или, точнее, завершение процесса органичного синтеза частного и общественного начал в жизни каждого члена общества.

В России процесс модернизации не был завершен. Мы ступили на путь, по существу, постколониальной индустриализации в условиях абсолютно несформировавшихся внутренних ограничителей частного начала (т.е. ценности общественного начала) в деятельности большинства членов общества. Русское крестьянство при всей своей известной «общинности» никогда не было действительным участником экономического и политического процесса в гражданском смысле. Его общественные функции осуществлялись не в ходе добровольной реализации его частного интереса, а извне по отношению к нему, внешним образом, в форме внеэкономического принуждения к работе «на общее благо», т.е. на благо государства. Поэтому крестьянский частный интерес не имел внутреннего ограничителя и в массе своей либо требовал внешнего полицейско-идеологического ограничения либо порождал «бунт бессмысленный и беспощадный», т.е. вел к разрушению системы. Конечно, этим внутренним моральным ограничителем могла служить религия, вера. Но здесь нужно иметь виду, что и религия в том виде, который она приобрела, в силу сложившихся социо-культурных обстоятельств³ скорее выполняла функцию *внешнего* ограничителя. Эта социальная функция внешнего ограничителя частного требовала от религии усиливать именно *деиндивидуализирующую составляющую* учения, делая упор на идее брэнности земной жизни и частных интересов, подчеркивая значение потустороннего существования и жертвенного преодоления частного начала во имя всеобщего посмертного единения, вообще отрицая ценность индивидуального как отдельного. Индивидуализирующая же составляющая религии в этом случае сознательно приглушалась, уводилась в тень, а иногда и просто открыто подавлялась.

Несмотря на несомненные достижения русской культуры XIX в. в области защиты индивидуального начала как моральной ценности, большая часть общества оказалась вне глубокого влияния этого течения мысли в силу своей фактической отрезанности от

этой культуры безграмотностью и общим уровнем социальной неравномерности. Несформированность внутренних ограничителей частного интереса в соединении с холистскими тотальными ценностями активно насаждаемыми самодержавной системой с помощью церкви сформировали то уникальное сочетание нерасчлененности и неразличимости частного и общественного начал в сознании общества, которое на протяжении семидесяти лет обеспечивало легитимность тоталитарной системы в России. Лукавство этого специфического «слияния» частного и общественного начал порождало трудности противостояния этой системе. Одним казалось (и кажется до сих пор), что этой системе не хватает ценности частного интереса. Другим, наоборот казалось (и продолжает казаться), что эта система разрушается именно от недостатка общественного интереса как ценности. И оба лагеря смутно сознают, что они и правы и не правы одновременно. На самом деле этой системе не хватает именно *разделения* частного и общественного интереса, причем такого разделения, при котором и тот и другой оставались бы реальными стимулами деятельности каждого конкретного человека. В данной исторической ситуации нам необходимо вернуть в нашу повседневную жизнь и наше сознание ценность именно общественного интереса, поскольку мы слишком перегнули с частным и не оставили для себя никаких внутренних стимулов и механизмов к его добровольному самоограничению в целях гражданского согласия и поддержания устойчивости социальной системы. Но вернуть не в той тотальной идеологической форме, в которой он использовался для подавления всего человеческого и личного в человеке, не для вытеснения частного интереса как такового, а для его сохранения и разумного само-и-взаимоограничения.

Разумеется, тема общественной собственности и ее форм не может быть исчерпана этим кратким замечанием. Но рассмотрение ее во всем объеме выходит за рамки данной статьи. Здесь для нас важно было просто зафиксировать, что как частная, так и общественная собственность для своего эффективного функционирования предполагают не только наличие в общественной культуре обоих ценностей: частного и общественного интереса, но и их четкое разделение и сознательное добровольное сочетание в качестве стимулов деятельности каждого отдельного человека, а также легитимацию этого принципа в общественном сознании.

Этот важный вывод дает нам основание по-новому взглянуть на проблему соотношения модернизации и демократической консолидации общества в условиях многообразия национальных культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. – М.: Прогресс-Традиция, 2005.

² Habermas J. The structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. – Cambridge: UK Polity Press. 2005. – P. 5 – 14.

³ Глинчикова А.Г. Раскол или срыв «русской Реформации»? – М., 2008.

Аннотация

Модернизация предполагает рыночную трансформацию. А рыночные отношения невозможны без института частной собственности. Внедрение института частной собственности с необходимостью порождает неравенство. А неравенство становится важнейшей угрозой для общественной консолидации. Социальный раскол общества, подрывая социальную стабильность, препятствует успешной модернизации. Для того, чтобы выйти из этого замкнутого круга попробуем разобраться с тем, как соотносятся частная собственность и общественный интерес.

Ключевые слова:

модернизация, общественный интерес, интериоризация морали, патерналистский частный интерес, гражданский частный интерес.

Summary

Modernization presupposes market transformation. Market transformation is impossible without development of the institute of private property, which involves inequality. Inequality becomes a threat to social consolidation and sustainability and creates problems for successful modernization. To break the closed circle of these problems, we'll have a look at an important problem of correlation between of "private property" and "public interest".

Keywords:

modernization, public interest, interiorization of morality, paternalistic private interest, civic private interest.

ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

Страна постепенно и необратимо вступает в новый этап модернизации, берет курс, объявленный российской властью и в целом получивший поддержку со стороны политической элиты. В ходе острой дискуссии, развернувшейся в отечественной печати, возникло много вопросов, на которые ученым-гуманитариям, публицистам, профессиональным политикам еще предстоит ответить.

Прежде всего, обращает на себя внимание размытость самого понятия «модернизация». С некоторых пор это понятие приобрело поистине всеобщий характер и универсальную применимость для описания деятельности реформаторов в самые разные исторические эпохи. Видимо, по этой причине остается без должного внимания существенная связь этого понятия с европейским проектом «общества модерн» (классическим капитализмом). Необходимы новые глубокие исследования принципиальных отличий культурных оснований европейского «проекта модерн» от культуры российского общества с тем, чтобы яснее себе представить реальные возможности нового этапа модернизации.

Парадоксальная ситуация сложилась в отечественной мысли последнего времени. Средства массовой информации много сделали для того, чтобы изъять из политического языка такие понятия, как «капитализм» и «социализм», если не считать негативных оценок «советского социализма». И это происходит в то время, когда во всем мире существуют весьма влиятельные социалистические движения, ведет активную работу в мировых масштабах Социалистический интернационал и социал-демократия, не говоря уже о более радикальных движениях, в том числе и коммунистических. Кто выигрывает и кто проигрывает, когда из научного и политико-аналитического дискурса выводится соотношение «капитализм – социализм»?

И, наконец, последнее. В недавних дискуссиях важное место занимает вопрос о том, возможен ли для России свой, собственный путь. Речь идет не только о сохранении целостности территории, экономической и финансовой независимости и национального суверенитета. Имеется в виду выдвижение такого проекта устрой-

ства общества и государства, в котором создаются условия для формирования человека культуры, т.е. такого человека, которому принадлежат наука, гуманитарное знание, все духовное богатство общества.

Сегодня в связи с этим все более активно начинает обсуждаться в научной литературе, в публицистике вопрос о новой социалистической перспективе для России, о возможностях становления субъекта, способного к реализации такого вектора развития страны.

Таким образом, сегодня чрезвычайно важен научно беспристрастный сравнительный анализ либерально-консервативной и социалистической интерпретаций нового этапа модернизации российского общества.

Группа сотрудников сектора философских проблем политики Института философии РАН активно работает над исследовательским проектом «Модернизация российского общества или национальный путь развития России». В конце 2010 года вышла коллективная монография «Современное государство, социум, человек: российская специфика» (М., ИФРАН), в которой обсуждается очень важная тема модернизации.

В нижеследующей подборке статей излагаются ключевые положения и некоторые результаты проведенного исследования.

*В.Н. Шевченко,
руководитель проекта*

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ РОССИИ?

В.Н. ШЕВЧЕНКО

Мировой финансово-экономический кризис нанес тяжелый удар по российской экономике. Общим местом даже для правящей политической элиты стало признание хронического отставания страны от передовых стран, чрезмерной сырьевой зависимости экономики страны от экспорта, неразвитости политической системы, высокой степени уязвимости финансовой системы страны для воздействия извне. Стало ясно, что российскому обществу остро нужен мощный рывок вперед.

Новой версией идеологии, на которой базируется объявленная модернизация, становится идеология российского консерватизма как некий уточненный вариант прежнего либерального консерватизма. В объявленном варианте модернизации можно выделить три главных мировоззренческих, идеологических вектора. Назовем их так:

- Больше европеизма.
- Больше независимости.
- Больше свободы и политической демократии.

Больше европеизма

Говоря о будущем страны, правящая элита с 90-х годов прошлого века и по сегодняшний день, особенно подчеркивает необходимость создания в стране «нормального» общества, т.е. такого, как в развитых европейских странах. Конечно, кто же будет возражать против такой «нормальности», особенно когда российским людям постоянно обещают европейский уровень жизни (впрочем, без особых подробностей) для основной массы населения. Можно часто слышать, что страна вошла в мировую экономическую систему, стала ее составной, неотъемлемой частью, и потому все разговоры о каком-то самостоятельном, особом пути России в XXI в. надо оставить.

Мы уверены в том, что при реализации объявленной модели модернизации в краткосрочной перспективе возникнет новая тупиковая ситуация. Больше того, она уже сегодня начинает просматриваться все более отчетливо. Сегодняшняя ситуация в стране и в мире удивительно похожа на ту, что имела место в России и в мире сто лет назад.

Понятию модернизации придается сегодня фактически универсальный смысл. Оно активно используется для характеристики реформаторской деятельности государств в любые исторические эпохи. Типы модернизации в литературе классифицируют по самым различным основаниям: органичная, догоняющая, революционная и т.д. При таком подходе в одном ряду стран, вставших на путь догоняющей модернизации, оказываются, как это и получилось у журнала «Эксперт», Тайвань, Республика Корея, Аргентина, Китайская Народная Республика¹.

В этой позиции мы усматриваем намеренное устранение из общественного сознания, как массового, так и специализированного, формационных оценок существующего в России общественного строя. За фасадом европеизма спрятано настойчивое желание реформаторов сделать Россию «нормальной» европейской капиталистической страной. Но почему либералы так упорно избегают в публицистике слов «капитализм» и «социализм»? Что, они устарели? Кстати, только партия «Союз правых сил» на последних думских выборах в 2007 г. выступила с программой достройки в стране капитализма. Результат голосования за нее на выборах – 1%.

Финансово-экономический кризис мирового капитализма обсуждается в западной мысли в самых различных проекциях. Французский президент Н. Саркози на форуме «Давос – 2010» вновь выступил с резкой критикой современного капитализма как извращения капитализма нормального. «Мы спасем капитализм и рыночную экономику, если преобразуем их, сделав их нравственными». И еще: «Капитализм всегда был неотделим от некой системы ценностей, от проекта цивилизации, от определенной идеи человека»². Позиция высказана предельно ясно и без всяких туманностей. Отечественная официальная идеология, напротив, намеренно вычеркнула связку понятий «социализм – капитализм» из политической лексики, что, на наш взгляд, радикально дезорганизует сознание российского общества на протяжении вот уже почти 20 лет.

Если власть намерена и дальше «совершенствовать» наш уродливый номенклатурно-олигархический капитализм и при этом называет новое, желанное общество просто демократическим и свободным, то, видимо, существуют некие глубокие причины, которые вынуждают ее не называть вещи своими именами. Эти причины глубоко вскрыл в свое время К. Маркс: «Говоря, что существующие отношения – отношения буржуазного производ-

ства — являются естественными, экономисты хотят этим сказать, что это именно те отношения, при которых производство богатства и развитие производительных сил совершаются сообразно законам природы. Следовательно, сами эти отношения являются не зависящими от влияния времени естественными законами. Это — вечные законы, которые должны всегда управлять обществом. Таким образом, до сих пор была история, а теперь ее более нет»³. То есть ее нет именно в том смысле, что история, как она ни развивайся далее, никогда уже не выйдет за поставленные ей границы.

Нынешние наши либеральные идеологи всерьез считают капитализм естественным состоянием, и потому они решительно вычеркивают противоречие «капитализм — социализм» как нечто безнадежно устаревшее. Собственно, этот довод лежит в основе многочисленных их сетований по поводу разрухи в головах российских людей и высокопарных рассуждений о том, что «реформы надо начинать с мозгов». А «дальний» смысл здесь понятен: изменить мозги так, чтобы не осталось в сознании людей даже и словечка «социализм». Капитализм есть естественное состояние общества, а все остальное — от лукавого. Но капитализм был и остается теоретической основой всей сложной конструкции проекта общества «модерн» и конкретных программ модернизации, и отечественной тоже.

Больше независимости

Только на первый взгляд кажется, что стремления к превращению российского общества в «нормальное» европейское общество и к сохранению суверенитета и независимости не противоречат друг другу. Но в исторической перспективе это несовместимые вещи.

В глобализирующемся мире сегодня все взаимосвязано и взаимозависимо. Но есть разные связи и разные зависимости. Китай не считает себя частью мировой капиталистической экономической системы и постоянно думает над тем, как выстраивать равноправные и взаимовыгодные отношения с ней. На мировой арене он оказался полноправным субъектом глобализации и глобальной экономики наряду с США. Положение России прямо противоположно положению Китая. Страна де факто вновь стала периферией (как до 1917 г.) мировой капиталистической экономической системы, в которой и ныне господствуют объективные законы накопления, концентрации и централизации капитала.

Эти законы никто не отменял, и они хорошо показывают причины постоянного оттока капиталов из периферийных стран системы в ее центр. По самым скромным подсчетам за время реформ в России за рубежом оказалось свыше 500 миллиардов долларов, и этот поток не остановлен. В 2009 году из страны вывезено 69 миллиардов долларов.

Вопрос жизни или смерти для России состоит вовсе не в ее многовековой отсталости, а в экономической и финансовой зависимости от Запада. Эта зависимость порождена мировым разделением общественного труда. Именно зависимость порождает отсталость, а не наоборот.

Другая сторона отмеченной выше проблемы состоит в том, как страна включена в мировое разделение общественного труда. Россия существенно отстает от Запада в технологическом отношении. Поэтому на первом плане в модернизационном проекте стоят вопросы ускоренного создания и внедрения новейших, прорывных технологий. Рассчитывать на помощь Запада здесь не приходится, более того, Запад никогда не пойдет на предоставление или продажу России новейших технологий и даже на прямое содействие этому. Нужно рассчитывать на свои и только на свои силы в отношении прорывных технологий. Западу никогда не была нужна сильная процветающая Россия. Это было верно в отношении имперской России, это тем более было верно в отношении Советского Союза. Это верно и сегодня. Европа, весь западный мир по-прежнему видят в нас сырьевой придаток, отсталую страну периферийного капитализма.

Хозяйственная деятельность России как страны периферийного капитализма должна, прежде всего, удовлетворять требованиям внешнего, в первую очередь, европейского рынка. Из этого обстоятельства проистекает и другое, не менее важное обстоятельство: не просто слабая интеграция в стране экономического пространства, а отсутствие его как единого целого. С одной стороны, экономика не ориентирована в целом на формирование и развитие внутреннего рынка, а с другой — экономика должна всячески стремиться к всемерному понижению издержек производства, чтобы быть конкурентоспособной на внешних рынках. Эта ситуация препятствует интеграции экономики в единое целое, затрудняет, а не облегчает проведение в обществе необходимых для дальнейшего развития социальных и политических реформ, обрекает неэкспортные отрасли производства на стагнацию, делает хронической бедность и нищету основной массы населения.

Если страна по-прежнему будет оставаться в рамках мировой капиталистической экономической системы, то в ней будет существовать зависимый и отсталый капитализм — как сегодня, так и в обозримом будущем. Одним словом, страна будет европейской кочегаркой, в лучшем случае, кочегаркой, в которой сделан евроремонт. Для перехода в центр мировой капиталистической экономической системы у России нет достаточных оснований — ни экономических, ни финансовых, ни культурных. Ключевые решения финансового и экономического характера, которые принимаются страной, так или иначе, получают предварительное одобрение на Западе. В 90-е годы прошлого века бюджет страны, прежде чем он рассматривался законодательными органами, получал одобрение со стороны МВФ. И сегодня можно говорить об устойчивом и очень жестком контроле финансовой политики России со стороны Запада.

Либерально-консервативный проект носит верхушечный и избирательный характер. В нем уделяется много внимания развитию современных технологий, их использованию для создания инновационной экономики. Необходимость разработки новейших прорывных технологий в ходе объявленной модернизации более чем очевидна. Но технологии требуют не просто новой инфраструктуры, они требуют людей с определенными социальными качествами, определенного уровня и качества жизни. Поэтому, если говорить о полномасштабной модернизации российского общества, то она должна начинаться с решительных изменений в социальной сфере, в социальных институтах и гражданских практиках. В модернизационном проекте отсутствует глубокий интерес к состоянию российского социума. Видимо, авторы этого проекта уверены в его бесконечной пластичности и податливости к любым способам трансформации независимо от социальных качеств человека.

В объявленной модели модернизации важное место отводится модернизации политической системы, определяются роль и границы участия государства в проведении политики модернизации.

Больше свободы и политической демократии

Истории человеческого общества известны только два типа организации власти государства на принадлежащей ему территории.

1. Объединить страну в единое государственное целое могут торгово-денежные, рыночные отношения между людьми, когда они достигают высокого уровня развития и становятся универ-

сальной формой общественных отношений. Государственные институты власти в этом случае выступают политической надстройкой над сложившимся экономическим фундаментом.

2. При отсутствии рыночных отношений объединить страну может только жесткая авторитарная вертикаль власти с универсальными отношениями непосредственного господства и подчинения между людьми. Отказ от авторитарного устройства власти исторически невозможен, пока не возникнут в ходе истории товарно-денежные отношения и все остальное, что из этого вытекает. Других типов организации государственной власти нет, а конкретно-исторические общества могут сочетать эти типы в различных пропорциях при доминировании того или иного типа.

Авторитарная вертикаль власти по своей внутренней сущности далеко отстоит от классического буржуазного государства, а тем более от любого современного западноевропейского государства. То, что произошло в стране в 90-е годы, можно назвать возвращением к институциональной матрице (инварианту), которая имела в нашей стране несколько конкретно-исторических форм своего воплощения. Авторитаризм есть один из двух главных способов политического управления обществом, поэтому его оценка, положительная или отрицательная, зависит от целей, которые преследует эта власть. Авторитарная модернизация может получить свое историческое оправдание только в контексте провозглашенных национальных интересов и стратегических целей развития.

Нынешний авторитаризм выступает за постепенное реформирование политической системы, которое включает в себя контролируемое участие оппозиции в политической жизни. В таком типе государства всегда есть тяготение к подмене политики, политических методов принятия решений властно-управленческими, авторитарными решениями, к рассмотрению возникающих проблем скорее как административных, чем политических. Во всяком случае, реальная конкуренция партий, соревновательная многопартийность имеют серьезные ограничения и подвергаются довольно жесткому контролю. Но выражаемое радикальными либералами требование немедленного отказа от авторитарной власти и замены ее «республикой западного типа»⁴ означает на практике разрушение, распад государства как такового.

Сегодняшние усилия власти по достижению конкретных экономических и технологических целей имеют важное значение для

упрочения положения страны на мировой арене, однако стране остро необходим качественный поворот политики, когда главным приоритетом станет социальная сфера жизни. Очевидно, что такой поворот можно осуществить только с помощью демократизации политической системы, которая должна заключаться в формировании эффективно работающей многопартийности, состязательности идей, механизма прозрачных и честных выборов, в первую очередь, президента, а также депутатов Государственной Думы, законодательных органов власти всех уровней. Совершенствование, демократизация политической системы не может быть самоцелью, содержание и масштабы демократизации обуславливаются стратегическими целями развития страны. Политические реформы, впрочем, не должны вести к разрушению властной вертикали, значимость которой особенно возрастет, когда в рамках другой стратегии развития, выходящей за рамки сегодняшней модернизации без мобилизации, необходимо будет именно мобилизовать всю властно-управленческую пирамиду и все общество для эффективного и быстрого продвижения по собственному, национальному пути развития.

Социальная направленность политики может стать доминирующей в обществе только в случае выхода за пределы нынешних целей интеграции в мировую капиталистическую экономическую систему, когда власть поставит своей высшей стратегической целью освобождение страны от финансовой зависимости со стороны этой системы. Это должен быть новый для страны вектор исторического развития.

О состоянии современного российского социума

Фундаментальная слабость либерально-консервативной модернизации — отношение к социуму. В объявленном проекте модернизации обойдены самые важные моменты, касающиеся состояния российского социума, путей его трансформации, участия в ней различных сегментов общества. Многие радужные картинки будущего в этой модели модернизации в докладе Института современного развития (ИНСОР) «Россия XXI век: образ желаемого завтра»⁵ никак не связаны с нынешним реальным состоянием российского социума. Главной целью особого, или национального, пути развития должно стать качественное обновление социума. Его современное состояние выступает главным и практически непреодолимым препятствием на пути объявленного проекта модернизации.

Системный регресс — это главное, что нужно зафиксировать при обсуждении вопроса о состоянии российского социума. С.Е. Кургинян в своей объемистой работе подробно разбирает четыре составляющие системного регресса: декультурация, деиндустриализация, десоциализация и дегенерация⁶.

Б. Дубин говорит о том, что российских людей объединяет сегодня процесс понижающей адаптации. Человек понижает требования, с одной стороны, к окружающей его реальности, а, с другой, к самому себе. В итоге его рассуждения выглядят примерно так: «Что ты ко мне пристал? Я что ли все это сделал? Я вообще к этому никакого отношения не имею»⁷. Недостаточная социализация негативно сказывается на поведении, культуре общения и мышлении российских людей, особенно на поведении новых, подрастающих поколений, что выражается в появлении агрессивных «стай» подростков, в аутизме и уходе в виртуальный мир, в резком снижении социальных качеств выпускников школ и вузов.

В условиях серьезных вызовов и опасностей, нависших над нашей страной, господствующая идеология навязывает общественному сознанию гламур как особую философию беспроблемности, направленную на сокрытие всей сложности социальной реальности. «Гламуризация публичной сферы, политики, культуры — еще одна ведущая тенденция социальной и культурной жизни страны последних лет»⁸. С помощью гламура страну пытаются усыпить. Пробриться к реалиям жизни через страницы глянцевого журнала, через хитроумные сплетения слов, через словесный дурман средств массовой информации просто невозможно. А там, где используются привычные слова, много преднамеренного искажения их смыслов. Важной стороной философии гламура выступает культ потребления. В. Мартыанов пишет о том, что «Россия сделала фундаментальный выбор своего будущего в пользу общества потребления»⁹.

Власть предполагает, что с помощью потребительского гламура удобнее управлять страной. Однако последствия такого подхода явно разрушают замыслы власти. Сегодня все более зримыми становятся безразличие масс, низкая политическая и социальная активность, равнодушие ко всему — к добру и к злу, ко всякой истине и ко всякой лжи. Уровень доверия к власти в стране находится на отметке 23 — 24 %, т.е. в 3 — 4 раза ниже европейского. Нет доверия, нет солидарности, а как без них возможна эффективная модернизация?

В первое десятилетие нового века становится все более явным, что огромное большинство населения, с одной стороны, и правящая элита, а также примерно 20 – 25 % населения, тесно связанные главным образом с экспортно ориентированной частью экономики, – с другой стороны, двигаются по жизни по все более обособленным орбитам. Появилось две России – Россия богатых и Россия бедных. Поэтому сокрытие подлинной социальной реальности является для власти желанной, но далекой от осуществления задачей. Социальный раскол на бедных и богатых в российском обществе – поразительно несправедлив. Ничего похожего нельзя обнаружить в развитых европейских странах. Количество долларовых миллиардеров в стране за 2009 год выросло почти в два раза, и власть даже не высказала своей озабоченности по этому поводу. Впрочем, и общественность отнеслась к этому безразлично.

М.К. Горшков пишет о том, что примерно половина общества – люди, живущие ниже черты бедности или на грани бедности. Главное – они «не могут выступать в качестве активных участников наиболее значимых социальных практик традиционных взаимобмен. Примерно 20 % полностью лишены всякого социального капитала»¹⁰.

Отсутствие социального капитала и приводит к тому, что М.К. Горшков называет социальной эксклюзией. Произошло выпадение из социальной жизни огромного количества людей в качестве сколько-нибудь активных участников социальных практик, произошла дезинтеграция и частичный распад социума, социальной ткани общества.

Новый этап модернизации, или особый, национальный путь развития России?

Национальный путь, и в этом смысле особый путь развития страны, – это всегда идея и практика реализации самостоятельного, державного пути развития. Сегодня с национальным путем развития связано стремление самых разных слоев населения и социальных групп к освобождению от финансовой и экономической зависимости со стороны мировой экономической системы капитализма, к выходу за границы влияния американской глобальной империи, к реализации новой социалистической стратегии развития.

Национальный путь развития России как идея и как реальная практика возникли не сегодня. Это не конъюнктура. Они по-

стоянно «пробуют» себя в течение последних столетий. Россия имеет богатый опыт по реализации альтернативного Западу особого пути развития. Петр I как реформатор много сделал для преодоления отставания от Запада и создания отечественной промышленности, утверждения военно-политической независимости российского государства. Сталин как реформатор сделал новую попытку реализации национального пути развития. Это был красный (коммунистический) проект, который активно противостоял европейскому индустриальному капитализму. В итоге к середине 50-х годов XX в. западное общество признало, что сверхдержавы США и СССР представляют собой два различных по виду и параллельно существующих индустриальных общества. В СССР были реализованы важные стороны проекта «общества модерн», особенно в том, что касается развития образования, науки, научно-технического прогресса, но в целом этот путь сделал Советский Союз независимым от Запада в экономическом и финансовом отношениях.

Во всем мире в течение последних десятилетий развертываются и набирают мощь левые, социал-демократические и социалистические движения. Капитализм как общественная система исчерпал или исчерпает в ближайшем будущем свои позитивные возможности. Много говорится сегодня о необходимости разработки новой современной модели капитализма. Но в принципе капитализм как общемировая общественная система не может быть человечным и гуманным.

Именно по этой причине так своевременна постановка вопроса о новом социалистическом проекте для России и для всего мира как реальной альтернативе капитализму в его старой и новой «редакциях». Социалистическая альтернатива для России явится мощным импульсом для дальнейшего роста социалистических и левых движений современного мира.

Актуальность социализма для России состоит в том, что идея социализма как свободного, справедливого и коллективистского (солидарного) общественного строя глубоко укоренена в культуре русского народа, всех народов России. Справедливость выступает стержневой, объединяющей темой во всех духовных исканиях русского человека. Русская культура всегда критически относилась к рыночной выгоде, к индивидуализму, к культу денег и прагматической морали. Вместо идеологии догоняющей модернизации и реформирования периферийного капитализма социалистическая идеология вы-

двигает для России идею своего национального пути развития, необходимости занять достойное место в складывающейся глобальной экономике. Реализация такой цели даст стране более высокое положение на мировой арене, чем положение периферийного, хотя и достаточно сильного (пока!) в военном отношении рядового члена мировой капиталистической экономической системы.

Социалистическая альтернатива для России несомненно включает в себя идею «общего дела», позволяющую каждому человеку почувствовать свою сопричастность к реализации огромного по своей конкретно-исторической значимости проекта.

Отношение к труду всегда было и остается важной составляющей идеологии национального пути развития.

Особый путь России не должен вести к противопоставлению России Европе. Это поиск принципиально нового места и новой роли в отношениях с Европой а, следовательно, и на мировой арене. «Россия была всегда не альтернативой Западу, а альтернативной внутри Запада»¹¹. Уместно напомнить, что Советский Союз в свое время не просто противостоял Европе, а выступал в роли «исполнителя» другого универсального, но также европейского проекта. Особый путь как социалистическая альтернатива — это путь не в сторону от Европы, это другой вариант европейского пути. Или другой, тоже европейский, дополняющий и обогащающий путь, по которому шла и продолжает идти Европа.

Сегодня Россия как страна периферийного капитализма не может быть на равных с Европой по уровню экономического развития, быть страной, входящей в центр мировой капиталистической системы. Формальное вхождение России в Европейский Союз в принципе ничего не изменит. Западно-европейское общество идет по пути медленной, постепенной реализации социалистических ценностей. Установка социал-демократии — никаких утопий, реалистический взгляд на конкретные проблемы европейского общества. Идти эволюционно: от настоящего к будущему. Одним словом, для европейской социал-демократической мысли социализм рождается постепенно в результате внутреннего, естественного самоотрицания и перерождения капитализма. Вынудит ли угроза глобальной экологической катастрофы капитализм пойти на глубокую внутреннюю трансформацию в мировом масштабе? На этот вопрос сможет ответить только время.

От общества модерна к обществу знаний

В проекте социалистической альтернативы выдвигаются цели, выходящие далеко за рамки «общества модерна» и намечающие прорыв к обществу, типологически стоящему выше «общества модерна» — к сверхмодерну.

Сверхмодерн, или общество, основанное на знаниях, — это новый этап в мировом развитии человечества. Человек знаний — это человек гуманный, человек культуры. Человек культуры возможен тогда, когда ему принадлежит наука, все духовное богатство. Другими словами, когда это богатство становится общественным, т.е., «собственностью каждого на все общественное богатство»¹². Только наличие общественного богатства делает человека духовно богатым существом. Поэтому человек культуры и идея социализма неразрывно и органично связаны между собой.

Но сегодня обращение к обществу знаний приобретает иной смысл. Его технологической основой выступает информационно-технологическое общество. В социальном плане на Западе оно приобретает вид информационного капитализма, использующего для утверждения своего господства над миром современный уровень развития научного и прежде всего гуманитарного знания. Глобализаторы из первого мира приступили к реализации проекта, который можно назвать многоэтажным человечеством. Глобализация не только резко разделила человечество по ступеням технологического и социального развития. США и ТНК предпринимают попытки по торможению *развития* в любых формах модернизации за пределами первого мира, т.е. стран золотого миллиарда. Разрывы между уровнями развития в многоэтажном человечестве увеличиваются, и вместе с тем растут масштабы манипулирования сознанием уже целых народов и государств. Примеры успешного применения гуманитарных технологий с целью создания управляемого социального хаоса — Югославия, Ирак, Афганистан, «оранжевые» революции в ряде стран СНГ. Создаются эти технологии с использованием новейших достижений современного знания в области психологии, лингвистики, нейрофизиологии.

Новая модель социализма, социализма XXI века не отменяет ни частной собственности, ни рыночных механизмов, ни наличия прослойки богатых людей, ни демократии, ни конкуренции. Но все эти явления должны быть подчинены решению более высоких и значимых целей *развития*. Сегодня у России нет выбора — либо она обретает социалистическую перспективу,

которая делает ее в обозримом будущем вновь великой державой, либо расколотая по многим параметрам — культурным, социальным, этническим, она медленно, но неизбежно будет и дальше деградировать, уходить на далекую периферию мировой истории. При этом важно иметь в виду, что в борьбе против России используется самое современное организационное оружие, в том числе новейшие технологии по разложению российской государственности, информационные войны и многое другое¹³.

Социализм есть переходное общество, динамически развивающееся и полное противоречий. Сегодня нельзя говорить о какой-то единой, универсальной модели социализма. Нет единственно правильного социализма. Каждая страна, выбравшая социалистическую перспективу как альтернативу капитализму, сама находит формы разрешения внутренних противоречий. Отличительной чертой нового социализма является то, что по мере наступления его зрелости начинает складываться социальное творчество народа, как индивидуальное, так и коллективное, во всех сферах жизни общества и на всех его уровнях. Творчество выступает практическим доказательством участия народа в реализации «общего дела» не только на профессионально-технологическом уровне, но и в социальной и духовной сферах жизни.

Нет достаточных оснований полагать, что, объявив о новом этапе модернизации, власти совершили исторический выбор для страны на многие десятилетия. Несоответствие между затраченными усилиями и полученными результатами будет постоянно возвращать общественное мнение к тому выводу, что страна сделала лишь маленький шаг в правильном направлении.

Особый, национальный путь развития — это возвращение России в Историю. Сегодня главное препятствие для этого возвращения — глобальный капитализм с его жесткой установкой на противодействие, насколько это возможно, всем формам *развития* в незападных странах, в том числе и в России.

В предлагаемой социалистической альтернативе сохраняется высокий уровень преемственности в отношении «вертикали власти». Авторитарная модернизация, «диктатура развития» способны объединить страну в одно прочное единое целое. Но сохранение преемственности предполагает вместе с тем радикальное переосмысление национальных интересов и стратегических целей российского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Эксперт. 2010. № 1. — С. 89.

² Цит. по: Россия. 4 февр. 2010. — С. 19.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Ницета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. — С. 142.

⁴ «Россия сегодня имеет уникальный шанс... стать республикой “западного типа”», — писал Е. Гайдар в начале 90-х годов (*Гайдар Е.* Государство и эволюция. — М., 1994. — С. 153). За это, как и за многое другое, нынешние радикальные либералы считают Е. Гаидара своим учителем и наставником.

⁵ Россия XXI века: Образ желаемого завтра. — М.: ИНСОП, 2010.

⁶ См.: Кургина С.Е. Исаев и Иаков. Судьба развития в России и мире. В 2 т. Т. 1. — М., 2009.

⁷ Дубин Б. Лекция. Культуры современной России. Режим доступа: [www/polit.ru/lectures](http://www.polit.ru/lectures)

⁸ Дубин Б. Режим разобщения // Pro et Contra. 2009. № 1. — С. 13.

⁹ Мартынов В. Шанс для России: выйти из общества потребления // Прогнозис. 2008. № 2. — С. 329.

¹⁰ Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Социологические исследования. 2009. № 3. — С. 16.

¹¹ Соловей В. Русская история: новое прочтение. — М., 2005. — С. 227.

¹² Межуев В.М. Социализм как пространство культуры // Альтернативы. 1999. № 2. — С. 26.

¹³ См.: Якунин В.И., Багдасарьян В.Э., Сулакишин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. — М., 2009; Информационные войны в современном мире / Отв. ред. В.Н. Шевченко. — М., 2009.

Аннотация

В статье дается критический анализ либерально-консервативной интерпретации модернизации российского общества и выдвигается идея социалистической перспективы как наиболее полного выражения сущности национального пути развития России.

Ключевые слова:

модернизация, европеизм, независимость, капитализм, социализм, политическая система, демократия, авторитаризм.

Summary

The article presents a critical analyses of liberal-conservative interpretation of Russian society modernization and promotes the idea of a socialist perspective as the essence of Russia's national way of development.

Keywords:

modernization, europeism, independence, capitalism, socialism, political system, democracy, authoritarianism.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЛИК РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В.И. СПИРИДОНОВА

Гипнотическая имплантация в коллективное сознание такого «мегаобраза» современного мира, как «модернизация» в качестве безусловно прогрессивного затемняет сущностную связь этого понятия с конкретным пространственно-временным явлением **европейского** модерна. Модернизация воспринимается как часть общеэволюционного процесса, игнорируются отличия в исходных посылах европейского **культурного** «проекта модерна» и российского бытия. Однако именно эти коренные расхождения составляют реальные препятствия на пути преобразования российской современности.

Главная черта европейского проекта модерна – объективация структур разума, реализация принципа рациональности в повседневности. Центральное достижение этого проекта состоит в том, что он сформировал особый род субъекта – рационально-волевого субъекта. Его определяющими особенностями стали, прежде всего, индивидуализм и автономия действия. Именно они видятся как субстанциальная основа государства. Однако претензии на своеобразие в структуре такого субъекта тесно сопряжены с добровольной ответственностью за то, что он делает. Моральные понятия эпохи модерна основаны на праве отдельного человека делать то, что он должен, однако при непременном исполнении требования преследовать свое особенное благо только в согласии с благом всех других. И если государство и общество превращаются в модерне в соответствующие воплощения принципа субъективности, то они не превращаются в анархическую мозаику самопроизвольных действий враждебно настроенных и непримиримых субъектов. Сохраняется глубокая интегрированность общества, основой которой становятся структуры разума. Рационален субъект, включенный в общее целое на основе глубоко интериоризированного понятия долга. Рационально действие субъекта, базирующееся на крепком фундаменте интериоризированного понятия закона. Европейский субъект к концу эпохи модерна достигает, таким образом, точки соответствия веберовской целерациональности.

Что же касается российской действительности, то к настоящему времени мы имеем практически полное отступление от описан-

ной европейской «культуры модерна» как на уровне автономных индивидуальных действий, так и в плане ответственности управляющих и консолидации общества в целом.

Для успешной трансформации социума необходимо осознать сущностное различие между модерном как парадигмой и модернизацией и не обольщаться относительно «данайских» даров последней. Модернизация не есть вхождение в модерн, в европейскую цивилизацию модерна. Дело в том, что с модернизацией транслируются вовсе не культурные основания европейских достижений. Да это и невозможно, ведь они суть результат, органически выросший из аутентичной европейской ментальности, на что справедливо указывал еще М. Вебер. Транспортируются **конечные продукты** многовековой внутренней работы стран Запада – права человека, концепция гражданского общества, парламентаризм.

Несмотря на внешнюю сопричастность подобных категорий общим гуманистическим основаниям человеческого сообщества, каждое конкретное социальное пространство созидает особые формулы их воплощения в реальность, нередко значительно смещая акценты. Так, в российском контексте более адекватно воспринимается идея **человеческого достоинства как первичный принцип** и фундаментальное основание прав человека. Ведь именно в России в начале XX в. родилась идея и оформилась концепция «права на достойное человеческое существование»¹. Российские неолибералы-социалисты тем самым вышли за рамки классического европейского либерализма (с его абсолютизацией идеала свободы), выступая за либерализм нравственный, либерализм социально ответственный, т.е. не формально, а реально озабоченный общим благом и интересами всего народа².

Классическая либеральная идея «правового государства» формально признавала приоритет права над нравственностью. Для российского неолиберализма характерна была возвышенная вера в человеческую личность. Распространено было понимание права не столько как порождения силы, сколько как выражения справедливости. Это привело к тому, что сам закон стал рассматриваться не только с социально-политической, но и намного более – с духовно-культурной, нравственной точки зрения.

Именно российские неолибералы в самом начале XX в. почитали, что в демократических декларациях как символах веры нового правосознания не достает заботы о материальных условиях свободы, без которых последняя может остаться пустым звуком, недостижимым благом, необеспеченной средствами

юридической формальностью, которая недоступна и не реализуется фактически.

Такой **этический** ракурс российского либерализма предопределил дальнейшее развитие теории демократического государства в направлении созидания «социального государства» в европейских странах.

Последствия указанного смещения акцентов очевидны. Приоритет принципа достоинства человека никак не мог обернуться тем моральным и физическим беспределом, к которому привело распространение в современной России исторически непревзойденного и анархически понятого концепта прав человека.

Сходная ситуация сложилась и в отношении другого понятия — «гражданское общество». Ядром организации духовно и душевно комфортного человеческого общежития должна быть **идея уважения людей друг к другу**. Однако эпоха «перестройки» конца XX в. ознаменовалась переносом готового европейского лозунга. При этом формула «гражданское общество» в России совершенно неясна, поскольку отсутствует центральный актор такого общества — ответственный, законопослушный гражданин, пекущийся об общественном благе. В таком социальном контексте совершенно естественными стали распад социума и анархическое сосуществование одиночек, живущих по закону городских джунглей или по понятиям уголовного мира под контролем мафиозных структур. Вместо желанной реализации гражданской свободы мы получили бесправие слабого и всевластие коррупционера, главенство грубой силы и «воров в законе». Вместо утверждения «священного права собственности» мы имеем социальную обособленность, замкнутость, замешанные на страхе, и агрессивный имущественный передел.

Все это заставляет нас вернуться в исходную точку и переосмыслить сами принципы инициации социальных новаций. Очевидно, радикальные гуманистические «идеи» суть всего лишь «закваска», которая должна принести различные плоды в разных культурах. Результат «брожения» всегда зависит от состава теста. Конкретные формы социальных преобразований на основе глубинных гуманистических идей достоинства человека, взаимоуважения и духовного общения дают разные всходы в зависимости от той культурно-исторической почвы, в которую падают зерна этих идей.

Заметим, что модернизация прошла успешно в Японии и, возможно, станет результативной в Китае. Но это именно такие стра-

ны, в которых была крепка и монолитна сложившаяся веками и «не поддающаяся на обман» собственная национально-культурная идентичность, в которых чувство национальной исключительности уходило корнями в многовековую культуру.

Социально-философские и естественно-природные основания революционных потрясений

Философской основой «проекта модерн» на Западе были идеи Просвещения, главной из которых обычно называют концепт прогресса. Последний разворачивается преимущественно в координате времени. Недаром экономико-финансовой квинтэссенцией эпохи капитализма стал лозунг: «Время — деньги». Над Россией же довлеет идея пространства, необъятности и обширности ее просторов. Благодаря своей природной весомости идея эта вступает в определенный конфликт с категорией времени, которая главенствует в европейском коллективном сознании. Развернувшись до горизонта, естественного предела, формируя простор для созерцательности, российская огромность завораживает человека и позволяет ему расслабиться. И, как поется в известной песне, прилечь возле старой дороги, свободно раскинув руки, «головой на пригорок, на высокий курган... а ногами — в долину, пусть накроет туман»³.

Вот тут-то и врывается в судьбу страны, народа и государства вектор времени, императив модерна, приносимый западными ветрами, буквально потрясая и взрывая всю ее социальную структуру. Наступают эпохи революций, переворотов и перестроек. При этом важно заметить, что не люди владеют временем, а оно господствует над ними. Гениальный А. Платонов тонко чувствует и на грани кошунства по отношению к человеческой духовности формулирует этот императив: «...дети — это время, созревающее в свежем теле...»⁴. Таков метафизический лейтмотив российских революций. Стремясь наверстать упущенное, обогнать время, революционные прорывы жертвуют целыми поколениями, делая ставку на новое племя, которому суждено воплотить в жизнь, реализовать очередную модель прогресса.

Исторически такая формула повторялась неоднократно. И каждый раз она теснейшим образом коррелировалась с влиянием иноземных идей. Отрефлексированное современной западной философией рождение модерна датируется XVI веком. Именно под влиянием этого феномена, с небольшим временным лагом, Россию накрывает первая волна крутой модернизации. Она

воплощается в деяниях Петра и инициирована энергетикой западных перемен и достижений западного прогресса. Совершив прорыв, наперстив упущенное время, народ вновь погружается в летаргию до следующего толчка – революции начала XX века, которая, в конечном счете, заставляет страну войти в эпоху (временная категория) бурной индустриализации. Ей сопутствует европейская формула промышленной, научной, культурной и социальной революции. Рекорды и подвиги вновь позволяют преодолеть временное отставание, и на смену им приходит отдохновение застоя. И, наконец, недавняя попытка «прорыва» в европейский модерн, «ускорение» конца XX века совпадает с закатом или завершающимся этапом «проекта модерн», переходом его в новое качество – качество постмодерна.

Эти три прорыва европейского модерна в российское пространство не органичны для последнего настолько, насколько сам проект прогресса органичен для Европы. Копируя западные образцы, российские лидеры не задумывались над тем, что фундаментом технической стороны модерна был «культурный модерн» – специфические для Запада ценности и модели поведения, которые, собственно, только и позволяли реально воплотить в жизнь шокирующие нас сегодня экономические и социально-правовые достижения. «Советская власть сильна, а здешняя машина тщедушна, она и не угождает...»⁵, – говорит один из персонажей А. Платонова. И потому спешно и неумело «ломая вековой грунт», не осознав особенностей именно российского «старинного природного устройства», мы реализуем чужую схему и оказываемся в ситуации, когда «время всю пользу съест» (по выражению того же А. Платонова). Но тогда уж, подобно одному из действующих лиц названного романа, нам впору будет чинить лапти, «собираясь отправляться в них обратно в старину»⁶, к истокам нашей традиции, чтобы выстроить свой, органичный вариант модерна.

Все три «попытки прорыва» России в модерн не даром обозначаются в нашей литературе как этапы модернизации. И это крайне существенно, потому что *общественная модернизация* отлична от импульсов *культурного* модерна. Доктрина модернизации разрывает внутренние связи между модерном и историческим контекстом западного рационализма. Теория модернизации отделяет модерн от его истоков – Европы Нового времени, стилизует как образец для социального развития вообще, нейтрализованный в пространственно-временном отношении, замечает Ю. Хабермас⁷. Неорганичность заимствования приводит к тому, что в эпохи

переворотов повторяется психологическая ситуация пореволюционного времени начала XX в. Время «прорыва» России в общество европейского модерна одновременно воспринималось тогда национальным коллективным бессознательным как потеря себя, утрата чего-то центрального, сакрально-ценного в своем бытии. Это характерным образом отражено в прозе того периода. В повести «Котлован» человек, строя и созидая заветное «светлое будущее» (т.е. общество Модерна: для Запада оно – настоящее, для России – будущее), фактически и актуально живет, как пишет А. Платонов, «мимо смысла». Он активно включен в деятельность, безмерно социально ангажирован, но он не становится гражданином, не воспринимается позитивно по-аристотелевски как «политическое животное». Напротив, он, как выражается один из героев повести, «живет благодаря одному рождению»⁸.

Для России, которая прямодушно и открыто стремится приладить социально-политические новации европейского модерна на своей отнюдь не европейской культурной почве, эта операция смерти подобна. Недаром предреволюционная духовная атмосфера в стране в начале XX в. была пронизана веяниями разложения и смерти. Скрещивание с идущими с Запада «новыми настроениями» рождает упоение, зачарованность смертью, отчаянием и небытием у Л. Андреева, И. Бунина, А. Блока, М. Горького и др. Все это было, как замечает Д.П. Святополк-Мирский, предвещением и отражением смерти исторической, смерти культурного тела, рожденных утратой чувства ценности унаследованной культуры. Предчувствие ее в русской литературе 1894 – 1917 гг. было подобно физиологическому предчувствию физической смерти⁹. Импульс коллективного подсознания очевиден: принять европейский проект равноценно отказу от подлинного бытия, от традиции, от национальной родословной.

Важен сам подход к восприятию российским общественным сознанием западных ценностей. С одной стороны, российское сознание оказывается ошеломленным достижениями Запада и желает приобрести их немедленно и в полное пользование, «все и сразу». С другой стороны, оно остается закрытым сознанием в плане впитывания самой матрицы достижения, созидания этих объектов. Другими словами, весь процесс, который предшествует и приводит к созданию продуктов западной цивилизации, выносится «за скобки», а живейший интерес проявляется только к конкретным финальным результатам работы этой цивилизации. Российский индивид приходит «на готовенькое». Последствия

такого явления не заставляют себя ждать. Человек превращается в имманентно развращенного потребителя, который не только не ценит сам труд, но и не заинтересован в том, чтобы перенять или воспринять этические или аксиологические основания трудового процесса. Извращенный вид приобретает гносеологическая картина заимствования. С одной стороны, индивид «нового разлива» стремится полностью слиться с обожаемым образцом и теряет свои собственные, традиционные для него, импульсы и мотивы производства в узком и широком смысле слова. С другой стороны, получив «готовенькое», он упорствует, костенеет в своем нежелании делать какие-либо усилия для собственного развития и изменения трудового процесса. Итог печален. Российский человек оказывается одновременно ненужным нахлебником и целиком зависимым некритически мыслящим нетрудовым субъектом.

Революционное бытие как социально-психологическая реальность

Недооценка культурного своеобразия как фундамента преобразований ведет к тому, что вместо ожидаемого «рая», земного благополучия мы оказываемся в анти-реальности. Революционные эпохи — это периоды переворотов в прямом смысле слова, когда опрокидывается предшествующий порядок. В невероятных масштабах идет «распушение» народа, которое принимает вид так называемого *анти-поведения*, т.е. поведения, сознательно нарушающего принятые социальные нормы: сквернословие, вызывающие одежды, распространение культов, шокирующих общественную нравственность.

Анти-поведение как специфическое явление имело место и в устойчивые эпохи русской жизни, но тогда оно локализовалось во времени и связывалось с сохранением определенных языческих форм поведения. Очень часто оно имело ритуальный, магический характер и соотносилось с календарным циклом. Например, на святки, на масленицу, в купальские дни анти-поведение, или обратное поведение, «поведение наоборот» признавалось уместным и даже оправданным, практически неизбежным¹⁰. В остальные же периоды жизненного цикла народное бытие характеризовалось строгой табуированностью обценной лексики — табуированностью, специфичной для русской культуры.

Важно то, что ненормативное поведение ни при каких обстоятельствах не приобретало самостоятельного ценностного статуса. Оно всегда воспринималось как нарушение принятых норм. Так,

участники святочных и масленичных обрядов осознавали свои поступки как греховные, за ними обязательно следовало покаяние и очищение. По окончании святок участники святочного обряда должны были искупаться в проруби и тем самым искупить свою вину. Все это говорит о том, что в «мирные» периоды четко осознавалась принадлежность «неправильного» поведения к сфере запретного и антиобщественного. Другими словами, допущение такого рода поступков строго регламентировалось в повседневной жизни и никоим образом не делало их *нормой* поведения.

Но самое интересное — это то, что по своему глубинному архаическому смыслу анти-поведение представляло собой заклятие потустороннего мира, который виделся как обратный миру здешнему, как мир с противоположной ориентацией¹¹. Считалось, что все то, что в этом мире аморально, в загробном мире принимает моральные формы. И вот теперь мы наблюдаем, что в переломные эпохи, когда жизнь *переворачивается*, антиповедение становится настолько широко распространенным, что практически обретает императивный характер, становится именно *нормой*. Это рождает страшную символику, ибо наводит на мысль, что сам период переворотов тождествен небытию, смерти, нисхождению в низший мир, мир зла и кощунства, мир анти-человека.

Если проникать далее в мифологику антиповедения, то нельзя не упомянуть о такой стороне проблемы, которая связана с характерной для древнерусской культуры оценкой локуса, географического пространства в *нравственных* категориях. Как показывает Б.А. Успенский, имела место дифференциация пространства на чистое и нечистое как соответствующие раю и аду. Те или иные земли воспринимались как праведные или грешные. Эти представления нашли отражение в многочисленных поверьях о «Рахманском царстве», «Беловодском царстве», «Опонском царстве», с одной стороны. С другой стороны, чужие земли, которые населяли иноверцы, назывались на Руси «заморскими» странами: не только Англия (действительно отделенная от России водной границей), но и, например, Германия или Франция могли обозначаться таким образом. Они назывались так не потому, что реально находились за морем, но прежде всего потому, что они ассоциировались с потусторонним миром.

По архаическим представлениям, широко распространенным и весьма устойчивым, потусторонний мир отделялся от нашего, поюстороннего мира, водным пространством, и путешествие на

тот свет мыслилось именно как преодоление этого пространства¹². Аксиологическое отношение к такого рода мирам в народном сознании было негативным. В связи с этим в русском языке символична этимология русского слова «Запад». Оно отражает «представление о Западе как о том месте, что находится *сзади*, в неправильном месте...»¹³.

Исторически все российские перевороты провоцировались влияниями или идеями, приходившими из этих заморских пределов. Но в таком пространстве оправданными считались некоторые элементы антиповедения, как единственно возможные в нечистых странах. Перевернутость поведения проявлялась, среди прочего, в подчеркнуто неправильном речевом поведении. Считалось, что греховность места и ситуации обуславливала применение заведомо неправильного, «нечистого» языка при изложении событий и впечатлений. В частности, употреблялась странная смесь русского с татарским, персидским или арабским. В этой связи нельзя не вспомнить, что сегодня, наряду с широким распространением обычной лексики, имеет место появление в мире Интернета так называемого *олбанского языка* — нарочитого коверкания правописания и правильной устной речи.

В соответствии с матрицей мифа, входя в контакт с потусторонним миром, нужно вести себя по его законам. Масштабы потрясений в периоды революций порождают экспансию антиповедения. При этом сакральный смысл антиповедения вырождается. Оно приобретает ритуальный характер, когда сохраняется только функция, а фундаментальное обоснование исчезает.

Приобщение к перевернутому миру по традиции осмысливалось как приобщение к «кромешному», потустороннему или бесовскому. При утрате сакральности смысла «бесовского» сама функция бесовщины и ее масштабы в условиях революции разрастаются. При этом в российской ситуации прослеживается дифференциация мотиваций антиповедения для двух социальных мегагрупп — «верхов» и «низов».

Для «низов» характерно отрицание мира, где нарушен порядок, который ассоциируется со справедливостью. Несправедливый мир — это в сакральном смысле грешный мир. Традиционно, исторически «безмолвствующий народ», соответственно, в невысказанной форме полагает оправданным свое антиповедение — ведь оно обличает неправду этого мира. Пусть и неосознанно, но нарочитое антиповедение демонстрирует бунт против «новых порядков» этого мира, решительный отказ подчиняться существую-

щему псевдопорядку. Что касается «верхов», элиты, то в периоды революций она, напротив, видится как осознанно спознавшаяся с нечистой силой, заигрывающая с ней. Коварный исторический путь формирования российской элиты через насильственный отказ от родовой идентичности сделал легким ее отрыв от сакрального начала и обращение к бесовскому.

Революция, с точки зрения социальной и антропологической, есть не только нарушение порядка, его опрокидывание, но и выход за «предел» — понятие едва ли не центральное в понимании социально-психологического типа русского национального характера.

В социальном плане «запредельность» выражается прежде всего в криминализации всех сфер общественной жизни, начиная с грубых форм передела зон влияния, «разборок», «стрелок», рэкета, рейдерства и т.п. до немыслимых масштабов коррупции во всех эшелонах власти. Суть и глубинная подоплека всех видов «беспредела» — нарушение баланса отношений индивида к смерти, которая является высшей и конечной инстанцией и судьей во всех человеческих спорах и разногласиях. Дело в том, что меняется само восприятие факта смерти. Вместо ужаса, который человек бессознательно испытывает и должен испытывать перед ней, распространяется ее интерпретация как обыденности.

В одном телевизионном интервью речь шла о психологии бандита. Выяснилось, что в реальности эти люди ведут беседу, как и все другие, они не используют устрашающих интонаций, не проявляют кошмарных эмоций. Вся сила их воздействия кроется в том, что смерть для них — это повседневная деталь, далеко не самая важная в ряду других. Но собственно это и есть «беспредел», ибо они выходят за пределы того, на чем строится весь социум и вся человеческая экзистенция. Остается добавить только, что особенности русского характера таковы, что русские переходят эту грань легче, чем другие. В этом и проявляется их склонность к лиминальности.

Проблема грядущего развития России, очевидно, заключается в четком осознании недостаточности технологического импульса модернизации. Как показала современная история, он ведет лишь к транспортировке «конечных продуктов» технического прогресса и не способен породить ничего, кроме потерянного поколения-Рерси, поколения без нравственного смысла жизни и больших идеалов. Проблема для России сегодня состоит в том, чтобы

конкретный исторический вызов стал для нее и для ее народа не очередным эталоном, поворотом моды, преходящей установкой, а масштабным **историческим заданием**.

Историческое величие Владимира Святого состояло в том, что он поставил перед Россией колоссальное историческое нравственное задание — новое рождение переосмысленной православной традиции. Неоспоримая позитивность весьма неоднозначной фигуры Петра Великого возникает из успешного осуществления грандиозной исторической имперской задачи государственного строительства, на исполнение которой он поднял страну. Если выражаться в рамках современной терминологии геополитики, то его деяния были воплощением идеи российского «большого пространства». Наконец, нынешние горячие споры вокруг имени И. Сталина, несомненно, проистекают из того, что он создал мощнейший мобилизационный импульс, приведший к реализации исторически своеобразного варианта новой общественной модели — модели социального государства. Идея эта предстает ныне как одно из выдающихся достижений современного мирового цивилизационного развития. Мы стоим перед монументальной загадкой и одновременно задачей — осознать и сформулировать новое историческое задание России. Контуры его только начинают вырисовываться. Ясно одно — оно должно оформиться, в первую очередь, как особый **нравственный императив** для власти и общества в целом.

Сегодня для России важно понять глубокую разницу между имитационной гонкой за технологическими успехами и творческим созданием собственной неповторимой культурной модели развития. Ориентация на инородные культурные образцы — «ex Oriente lux» (свет с Востока) или же «ex Occidente lux» (свет с Запада), как отмечает Б.А. Успенский, является особенностью отечественного развития¹⁶. Однако чужой культурный эталон, функционирующий вне историко-культурного контекста, его породившего, превращает проблему развития — проблему старого и нового — в проблему «своего» и «чужого». Такова специфическая российская диалектика. Очевидно, она может стать плодотворной только в одном случае: когда чужеродные ценности, иностранные концептуальные схемы будут творчески переработаны, получают новое наполнение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование // Общественные науки и современность. 1993. № 5.

² См.: Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX века // Вопросы философии. 1991. № 8. — С. 29; Новикова Л., Сиземская И. Новый либерализм в России // Общественные науки и современность. 1993. № 5; Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6.

⁵ Платонов А. Котлован // Новый мир. 1987. № 6. — С. 54.

⁶ Там же. — С. 75.

⁷ Там же. — С. 58, 75.

⁹ См.: Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. — М., 2003. — С. 8.

¹⁰ Платонов А. Котлован. — С. 51.

¹¹ См.: Святополк-Мирский Д.П. Веяние смерти в предреволюционной литературе // Русский узел евразийства. — М., 1997. — С. 359.

¹² См.: Успенский Б.А. «Заветные сказки» А.Н. Афанасьева // Успенский Б.А. Избр. труды. В 2 т. Т. 2. — М., 1994. — С. 165.

¹³ Считалось, что «тот» мир — это мир с обратными, противоположными, по сравнению с нашим миром, связями. Бытовало мнение, что на том свете все наоборот, т.е. то, что здесь является правым, там оказывается левым, верх соответствует низу и т.д. и т.п. Это отражалось как в верованиях, так и в обрядах, прежде всего, в похоронных. Например, к покойнику принято было прикасаться лишь левой рукой, одежда на нем застегивалась обратным, по сравнению с обычным образом, траурное платье выворачивалось наизнанку, предметы переворачивались вверх дном и т.п.

¹⁴ См.: Успенский Б.А. Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина) // Успенский Б.А. Избр. труды. В 2 т. Т. 1. — М., 1994. — С. 382, 385.

¹⁵ Успенский Б.А. Антиповедение в культуре древней Руси // Успенский Б.А. Избр. труды. В 2 т. Т. 1. — С. 475.

¹⁶ См.: Успенский Б.А. Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). — М., 1998. — С. 5.

Аннотация

Популярность термина «модернизация» затушевывает различие между понятием **общественной модернизации** и европейскими **культурными** основаниями проекта модерна. Однако именно это расхождение составляет основу неудач на поприще успешной трансформации российского социума.

Ключевые слова:

модернизация, проект модерн, революция, государство, жизнеспособность, нравственность, национально-культурная идентичность.

Summary

The popularity of the term «modernization» hide the difference between the concept of social modernization and cultural grounds of the European modern project. But this very difference is a ground of failures in the successful transformation of the Russian society.

Keywords:

modernization, modern project, revolution, state, viability, morality, national-cultural identity.

«МУЖСКАЯ» И «ЖЕНСКАЯ» ЦИВИЛИЗАЦИИ: ТЕОРИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Р.И. СОКОЛОВА

1. Глубинные основания западной и российской цивилизаций

Социальная философия находится в поисках адекватных средств для систематического концептуального освоения изменившейся российской реальности, поскольку многие явления и процессы в государстве и обществе нельзя объяснить в парадигме нынешних знаний. Кроме того, в социальной философии не может быть раз и навсегда заданных решений, ей приходится как бы заново решать вопросы социального бытия людей во всех возможных измерениях в каждый новый период истории.

Целесообразно начать с того положения, что полная картина происходящего, как бы явственно в ней ни были выражены частные тенденции, будет невозможна, если в ней не учитываются универсальные векторы и закономерности. Это предполагает анализ особенностей взаимодействия между такими важными структурами, как цивилизации (в данном случае речь идет о западной и российской цивилизациях).

Сегодня на Западе появляется много исследователей, которые, оставаясь порой на уровне смутных представлений, начинают осознавать, что их цивилизация является односторонней, одномерной. Появилась потребность понять, чего именно недостает западной цивилизации, что составляет ее суть. Одной из известных попыток такого рода является выдвинутое английским ученым Р. Тарнасом определение сути западной цивилизации как цивилизации, пронизанной преимущественно «мужским началом».

В чем же эвристическая ценность данной идеи и почему есть смысл обратиться к ней? Эта идея предполагает, что существует нечто важное, чего нельзя удовлетворительно объяснить словами нашего современного языка. В то же время эта идея содержит в себе в свернутом виде целое мировоззрение, кратко, без перевода открывает глубинный смысл человеческой истории. В таком виде данная идея, выраженная в символической форме, может содержать еще много непознанного, что дает основания каждый раз заново обращаться к ней. А символическая форма позволяет раскрывать ту часть ее содержания, которая становится в определенный момент актуальной, которая созвучна веяниям времени.

Это особый подход, выходящий за рамки нашего обыкновенного рационального познания, с его помощью люди во все времена искали и находили способы сообщать друг другу нечто такое, что превосходит пределы и возможности языка. Необходимость в нем возникает всякий раз, когда появляется потребность объять необъятное, соединить видимое и невидимое, связать между собой прошлое, настоящее и будущее.

Идея о преимущественно мужском характере западной цивилизации в метафизическом плане содержит некий посыл, состоящий в том, что где-то в пространстве и времени существует вторая, дополняющая ее часть, возможность их некоего взаимодействия. Она, естественно, характеризуется как «женское начало» и относится (так сложилось в истории идей) преимущественно к российской цивилизации. Такая интерпретация имеет определенную традицию в русской религиозной философской мысли конца XIX – начала XX вв.

Характеристика обеих цивилизаций в понятиях мужское/женское, с одной стороны, имеет давнее происхождение, а с другой – сохранилась в современности, видимо, потому, что она раскрывает глубинный смысл взаимодействия обеих цивилизаций. Поскольку менталитет людей, относящихся к западной и российской цивилизациям, существенно различается, то оценка этих различий в категориях «мужское/женское» может многое объяснить в сегодняшней ситуации. Такой подход изначально налагает отпечаток на определение характера российской цивилизации как обусловленной взаимодействием с западной цивилизацией. Он более отчетливо выявляет сущность этого растянутого во времени взаимодействия как негармоничного, неравноправного, а иногда и принудительного. Спрессованность во времени приводит к забвению истинных причинно-следственных связей, целостной стратегии того, что во времени разорвано и растянуто.

Гипертрофированная мужественность проявилась в стиле мышления, во всех основополагающих религиозных, научных и философских воззрениях западной культуры: в ее ярко выраженном рационализме, в объективистской науке, возникшей в Европе Нового времени, в просветительском возвеличивании хладнокровного рассудочного «его», полностью отделившегося от внешней природы. «Мужское начало» проявлялось как принцип, мотив, движущая сила организации социальных форм жизни, воспроизводящихся в многократных вариациях и

построениях. Но для утверждения своей доминанты «мужскому началу» понадобилось потеснить и подавить «женское»¹.

Западная цивилизация с ее мужским типом мышления закономерно приняла для себя и мужскую модель поведения. Период социальной эволюции, в который происходило формирование мужского начала, разворачивался в длительном процессе становления общественных форм, оказывавших свое воздействие на последующие эпохи вплоть до настоящего времени. Индивиды выступали как бы вписанными в этот поток мужественной стихии, были элементами воплощенной мужественности. Мужской способ бытия стал реализовывать и модифицировать социальное развитие, выражать ход процессов и определять их логику. Воспроизводство и трансформация социального процесса обеспечиваются соответствующим характером и динамикой человеческих сил. Неслучайно индивидуализм — яркое отражение мужского начала.

В онтологическом и антропологическом смысле природа отдельного человека и отдельного народа действительно содержит мужскую и женскую составляющие. «Мужское/женское» как в своем универсальном, символическом, так в онтологическом и антропологическом смысле имеют некие константы, которые обладают определенным изоморфизмом, неким соответствием сущностных черт. Мужское начало является носителем активности, деятельности, проявляется в тяге к господству, стремлении приказывать, надзирать, сдерживать и подавлять. Мужчина — это воин (первое убийство совершено мужчиной, а не женщиной), строитель, искатель приключений. Мужская модель построена на активном вмешательстве во внешний мир — с помощью орудий труда, оружия, механизмов, бизнеса, образования, науки, изобретений. Мужское поведение включает «Я-принцип», гордость, храбрость, риск, нетерпение, словесное и физическое воздействие.

Западная традиция в понимании «женского начала» коренным образом отличается от российской. Весьма показательным, что присущая Западу женофобия отчетливо коррелируется с «русофобией». Начиная с записок путешественников в Московию, Россия представляется Западу с его инструментальными ценностями, страной, основанной на ценностях альтернативных. Нашей стране, отмечает О. Рябов, инкриминируются те качества, которые в гендерной картине мира устойчиво маркируются как феминные: хаос, непредсказуемость, неспособность к самоконтролю, экстремизм, иррационализм, излишняя покорность, излишнее терпение, слабость воли, неумеренность во всем².

В отличие от Запада Россия ассоциируется преимущественно с «женским началом». На протяжении последних полутора веков отечественная мысль была заинтригована идеей женственности. К ней обращались, в частности, А.И. Герцен, К.Д. Кавелин, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, Н.О. Лосский, И.А. Ильин, Г.В. Флоровский, А.Г. Дугин и др. Идея женственности России была благосклонно воспринята потому, что она соотносилась с мировым женственным началом, трактуемым в космологическом и религиозном плане, имела более сложную структуру, отражающую сущностные характеристики русской цивилизации. Ее маркировка с помощью категории «женское» не является самодовлеющей. Она выступает в качестве ответной, защитной реакции на агрессивное акцентирование мужского начала Западом.

Сегодня в отношении к идее женственности России в отечественной культуре существуют две противоположные позиции. Одну из них выражает яркая фигура российской культуры Б. Гребенщиков, который полагает, что в истории человечества Россия выполняет свою определенную функцию: она оказывается носителем какой-то шемящей духовности, проявляющейся, в частности, в музыке. Такой музыки нет ни в Европе, ни в Америке, ни в Африке, а в России она есть, может быть, потому, что Россия — выразительница великой женственности. И это ощущают все, не только в России, но и во всем мире. Другую позицию представляет поэтесса Алина Витухновская. По ее мнению, ставшие привычными образы: Россия — женщина, Россия — матушка, родина-мать — устарели, а по сути они были навязаны русскому народу как содержащие некое политически подавляющее начало. Витухновская убеждена, что эта «женщина» и эта «мать» — не подлинная Россия.

Полярность данных высказываний (каждого по-своему правомерного) обусловлена тем, что они относятся к разным уровням понимания «женского начала»: один из них выражает космологический, духовный принцип, другой — параллельный ему, онтологический и антропологический. Смешивание этих уровней и проистекающая отсюда постоянная путаница, коренящаяся в их семантической схожести, порождает путаницу понятийную, влекущую за собой разногласия и непонимание сути проблемы.

Как известно, Россия унаследовала от Византии православие, которое очень глубоко вошло в русский быт, культуру и мировоззрение, пронизало всю жизнь страны, всецело определяя ее

сущность и характер народа. Христианское учение пришло в Россию вместе с образом Софии³. По признанию П.А. Флоренского, мы – народ софийный, Россия без Софии – *contradictio in adjecto*⁴. К Софии, несмотря на различные ее понимания, обращались многие русские философы на рубеже XX в. от Вл. Соловьева до П. Флоренского, пришедшие к софиологии, цель которой – постижение бытия как объективной духовной реальности. Интерес к Софии был обусловлен также и тем, что она несла в себе возвышенные, истинно христианские черты, которые находили свое отражение в характере и душе русского народа.

В религиозной православной традиции именно «женское начало» олицетворяет мощь, поскольку порождает большую духовную силу, которая в русской цивилизации проявляется и, в конечном счете, именуется как «мужественность», что и порождает понятийную путаницу. «Завоевание духовности, – писал Бердяев, – есть главная задача человеческой жизни. Но духовность нужно шире понимать, чем обыкновенно понимают. Духовность нужна и для борьбы, которую ведет человек в мире. Без духовности нельзя нести жертвы и совершать подвиги»⁵. «Женское начало» как начало возвышенное, религиозное определяет в духовном складе русского народа и народов России примат долга, его приоритет перед свободой, в то время как «мужское начало» Запада имеет иные приоритеты и ценности (свобода дороже долга). Так понимаемое «женское начало» российской цивилизации формировало русского воина, воина-защитника очага, родной земли. Оно же определяло и особую черту боевого духа российского воинства, для которого характерна не жестокость, а мужество и готовность к подвигу, самопожертвованию.

В этом смысле русская цивилизация принципиально отличается от европейской, которой постоянно угрожает декаданс вечно-мужественного: формализм, заорганизованность, чрезмерная трезвость, жесткая интенсивность, рационалистичность, эмпирический релятивизм, безверие, революционный и воинственный дух (И.А. Ильин). Различие цивилизаций пронизательно подметил и Чаадаев, которому в современной отечественной литературе принято приписывать абсолютное западничество. Он замечал в связи с этим: «Возьмите любую эпоху в истории западных народов, сравните ее с тем, что представляем мы в 1835 году по Р.Х., и вы увидите, что у нас другое начало цивилизации, чем у этих народов... Поэтому нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое, выйти из лжи и

утвердиться в истине. Тогда мы пойдем вперед...»⁶. Чаадаев писал о засилье «чужеземных идей» как о тяжком препятствии, которое необходимо преодолеть для плодотворного развития России.

Как уже отмечалось, семантическое тождество понятия «женского начала» в высшем космологическом и религиозном смысле с пониманием «женского» в антропологическом и природном смысле нередко приводило к сдвигу в сторону последнего. Такой сдвиг происходил прежде всего под внешним воздействием. Как отмечал Бердяев, немцы давно построили теорию, что русский народ – женственный и душевный в противоположность мужественному немецкому народу. Мужественный дух немецкого народа должен овладеть женственной душой русского народа. Вся эта теория была построена для оправдания германского империализма и германской воли к могуществу.

Сдвигу к антропологическому плану способствовало также и то обстоятельство, что, наделяя дух предикатами, возникшими при созерцании вещественного мира, мы тем самым, по мысли Бердяева, не улавливаем самой сути «духовного» и остаемся в плену объективации. Вот тогда и происходит определенное «сооскакивание» с более высокого уровня на более низкий в понимании «женского начала», которое имело место и в высказываниях русских философов. В самом деле, в антропологическом смысле природа заложила в модель женского начала жизненно важные категории охраны и восприимчивости, чистоту, самопожертвование, милосердие, чуткость, гармонию, равновесие, терпеливость. У женщины есть свой способ суждения и мир идей, манера созидать свое отношение к себе и другим. Женщины совершают меньше преступлений, чем мужчины – это всем известный факт, подтвержденный криминальной статистикой и данными повседневной жизни.

Попытки представлять и описывать «женское начало», пользуясь «овеществляющими» понятиями, неизбежно ведут к переходу от более высокого – космологического уровня размышлений о Духе к более низкому – характеристике души народа, что вполне укладывается в онтологический, антропологический или даже гендерный план, присущий также и западной цивилизации. В этом более низком плане уже можно говорить о сопоставимости понятий «мужское/женское» в той и другой цивилизации. У Бердяева, Розанова, Ильина, Леонтьева и других встречаются высказывания о «женском начале», которые относятся именно к этому уровню. Так, например, Бердяев говорил о «вечно бабьем в рус-

ской душе». Розанов отмечал у русских женственную уступчивость и мягкость. Данилевский видел в типических чертах славянского народа идеальное проявление женского характера и т.д. Такой же подход встречается и у некоторых современных авторов.

В целом можно согласиться с тем, что Россия — преимущественно «женская» цивилизация, но «женская» — именно в первоначальном, духовном смысле. Конечно, трагедии и драмы, которыми так изобиловала российская история, неисчислимые жертвы подрывали и истощали духовные силы народа, его истинную мужественность и волю к сопротивлению. Однако это не дает оснований для выводов о России как о стране с «женским началом», понимаемом в сугубо природном, гендерном смысле и, соответственно, наделяемой свойствами аморфности, покорности, безвольности, пассивности как изначально ей присущими родовыми чертами. Такие представления далеко не безобидны, ибо оказываются приглашением для «мужественных» сил в очередной раз проявить на российских просторах свое «дисциплинирующее, организующее и оформляющее» начало.

2. Практическое воплощение «мужского начала» западной цивилизации

«Мужское начало» западной цивилизации очень активно и напористо проявляло себя по отношению к России на всем протяжении истории вплоть до сегодняшнего дня. Но следует помнить, что у России в духовном плане была предшественница — ушедшая в небытие Византия, с которой далекие предки западной цивилизации поступали точно так же, как позднее их потомки действовали в отношении России.

Запад воспринимал и поныне воспринимает иные — даже и самые высокоразвитые — цивилизации планеты как не обладающие собственной безусловной ценностью, как «объекты» приложения своих сил. Это присуще мироощущению и «среднего» человека Запада, и крупнейших его мыслителей. Так, Франческо Петрарка — основоположник ренессансной культуры Запада — по поводу Византии высказывал пожелание, «чтобы позорная их империя и гнездо заблуждений были выкорчеваны»⁷. На чем же основывалось западное неприятие Византии? Во-первых, Византийская империя была идеократическим государством, т.е. государством, в котором была велика власть православных идей, власть идеала. Во-вторых, Запад отталкивала евразийская суть Византийской империи. В Византии никто не усматривал в людях, принадлеж-

ших к народам Азии и Восточной Европы, «недочеловеков». Для западных идеологов XVIII в. был неприемлем многоплеменной евразийский «котел» Византии.

Отторжение византийской «схизмы»⁸ воплотилось впоследствии в стойкое неприятие православной России, которая унаследовала от Византии аналогичные сущностные черты. Россия, подобно Византии, сложилась и как идеократическое, и как евразийское государство, т.е. в ней были воссозданы столь неприемлемые для Запада основополагающие черты государственности. Россия во всех своих ипостасях (Русь, Россия, Советский Союз) унаследовала не только основные черты Византии, но и ее не менее трагическую судьбу, которая прослеживается на всем протяжении ее истории. Перечислить основные драматические моменты этой судьбы в данной работе не представляется возможным. Но отдельные, наиболее значимые факты необходимо отметить.

1348 год — Римский папа издает буллу о Крестовом походе против Руси. Православная вера считается грехом, который искореняют вместе с его носителями.

В дальнейшем были предприняты четыре мощные попытки подчинить себе Россию. В XVII в. во главе этого движения стояла Польша, в XVIII — Швеция, в XIX — Франция. В XX в. дважды пытались покорить Россию немцы.

На рубеже XIX и XX вв. удары с Запада градом сыпались на Россию. Американцы, начиная с 90-х годов XIX в., финансировали все политические группы в России, ведя дело к свержению самодержавия.

Враждебность Англии к России, причем на протяжении не лет, а веков, прослеживается практически и по сей день.

В 1918 году были приняты решения — не просто организовать интервенцию в Россию, а уничтожить ее как государство, расчленив страну на фрагменты, каждый из которых будет зависеть и экономически, и с точки зрения безопасности от благоволения внешних сил. Немцы — официальные противники англичан, французов, американцев. Но англичане, французы и американцы поощряют деятельность Германии по отторжению Грузии, Прибалтики, Финляндии от России. Англичане пытаются оторвать от России Азербайджан, все среднеазиатские республики. А Франция занимается в основном Арменией. Печальное открытие в связи с этим сделал для себя лидер кадетской партии П. Милуков по поводу отношения к его родине союзников белого движения.

Находясь в эмиграции, в письме к руководителям Национального центра он сообщил о настроениях в лондонских высших сферах: «Теперь выдвигается в более грубой и откровенной форме идея эксплуатации России как колонии ради ее богатств и необходимости для Европы сырых материалов»⁹.

Вторая мировая война. Позицию американцев во время войны характеризует известный дипломат и ученый В. Фалин в одном из своих интервью: «В 1942 году комиссия Хэлла, разрабатывавшая американскую послевоенную политику, заключает следующее: “После войны мы должны привести в движение небо и землю, мы должны встать перед немцами на колени, чтобы они стали нашими союзниками в борьбе против Советского Союза”»¹⁰.

18 августа 1948 г. Совет Национальной безопасности США принял директиву 20/1 «Цели США в войне против России», которая была впервые опубликована в США в 1978 г. в сборнике «Сдерживание: Документы об американской политике и стратегии 1945 – 1950 гг.»¹¹. Согласно этой директиве, Россия (СССР) подвергалась тайной агрессии нового типа, где оружием служит информация, а борьба ведется не за территорию, а за целенаправленное изменение общественного сознания для того, чтобы, внедрив в него ложные представления об окружающем мире, манипулировать и правящей элитой, и населением страны. Программные документы холодной войны, полные ненависти к России, сравнимы с ненавистью крестоносцев к Византии в 1204 г., а ведь эту ненависть, как отмечал С.Г. Кара-Мурза, затрудняются рационально объяснить даже фундаментальные монографии по истории.

Итоги подобной деятельности подвел в октябре 1995 г. президент Клинтон на совещании Комитета начальников штабов: «Последние 10 лет политика в отношении СССР и их союзников доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока... В ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем: расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы в Югославии; окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии; установление режимов в оторвавшихся от России республиках, нужных нам. Да, мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна – США»¹².

После победоносной для Запада «холодной войны» плод, столетиями вынашиваемый «мужской» цивилизацией, окончательно созрел, что и констатировал американский ученый Г. Борк в книге

«Сползание в Гоморру: современный либерализм и закат Америки», сразу ставшей бестселлером. Автор подчеркивает, что западная цивилизация на сей раз столкнулась и, как кажется, отступает перед атакой, возглавляемой силой, которая не только находится внутри западной цивилизации, но, возможно, представляет собой ее законное дитя. Это дитя – современный либерализм, который, по мнению автора, влечет за собой культурную и социальную деградацию¹³.

Заканчивая краткий экскурс в историю взаимоотношений российской и западной цивилизаций, можно отметить, что такой большой временной масштаб дает более верное и адекватное представление об основных константах гипермужской западной цивилизации. Вся ее история, начиная с уничтожения византийской империи и кончая уничтожением российской, свидетельствует о том, что для нее западная империя – это то, что достойно существования и процветания, а восточные – не только чудовищны, но и вообще не имеют права на существование.

3. Некоторые черты новой российской социальной реальности

Какие выводы напрашиваются из сопоставления цивилизаций как «мужской» и «женской» для понимания сущности новой российской социальной реальности? Прежде всего, становится ясно, что идущее из далекого прошлого и до сих пор неустрашимое, одностороннее воздействие Запада на российскую социальную реальность оказывается гораздо более значимым, чем это может показаться на первый взгляд. Характер такого воздействия, приобретающего почти метафизический смысл, постоянно воспроизводится в логике отношений Запада и России как модель и как прогноз. Красноречивым примером тому служит гайдаровская реформа, которая осуществлялась при непосредственном участии и идейном влиянии иностранных советников, западных институтов, фондов и структур.

В результате их деятельности в структурах российского социального бытия стали происходить какие-то странные мутации, деформирующие все связи и отношения, начались процессы деградации и деструкции социальности, которые можно рассматривать как проявление инверсии. Сложившаяся под влиянием Запада постсоветская линия развития страны, основанная на радикальном отказе от прошлого экономического, политического уклада, традиционной системы ценностей и смене вектора во всех областях

общественной жизни на обратный, составляет суть такой инверсии. По логике инверсии, все меняется на свою противоположность, т.е. способно превратиться из черного в белое и, наоборот, из добра во зло, из прекрасного в безобразное, из правды в ложь и т.д., подменяя один полюс другим. В итоге человек перестает понимать, где добро, а где зло. В связи с этим интересно вспомнить, что во Франции в начале XX в., когда человек путал понятия добра и зла, это давало основание французским психиатрам ставить диагноз — моральное помешательство как первая ступень шизофрении. Инверсия в России пронизывает всю жизнедеятельность человека, государства и общества, лежит в основе многих социальных преобразований, являясь важнейшим риском для политической стабильности России, ее политического настоящего и будущего.

Большое значение в данном контексте имеет и такое понятие, незаметно и прочно вошедшее в обиход общественной жизни, как «беспредел», которое дополняет общую картину. «Беспредел» — термин, имеющий уголовное происхождение¹⁴, однако в последние два десятилетия он стал символом исключительно постперестроечного времени и часто употребляется в печати. В своем новом воплощении «беспредел» означает игнорирование правовых и социальных норм государства, неограниченный произвол, всепоглощающую коррупцию. Он обнаруживается во всех сферах государственной и общественной жизни.

Негативный сдвиг, произошедший в российском государстве и обществе в связи с возникновением целого ряда деструктивных явлений, катализирует теоретический и практический интерес к «нормальным» формам существования социальной реальности. Потребность в выявлении правильных, нормальных взаимоотношений государства, общества и человека ощущается очень остро. Она отражается в частой фиксации различных социальных явлений в терминах нормальности/ненормальности, а также в повышенном внимании общественного сознания к самому понятию «нормальности», которое в современном социальном контексте является относительно новым. Следует заметить, что понятия абсолютной нормальности нет и не может быть. По большому счету вопрос о «нормальности» не имеет однозначного ответа точно так же, как вопрос о смысле жизни. Однако существуют представления о нормальности и ненормальности, выработанные в различных культурных сообществах.

В отличие от нормальности инверсия, ненормальность стали исходной логической формой познания и одними из ключевых

понятий, отражающих современную социальную реальность России. Следует заметить также, что понятие «нормальность» в России употребляется главным образом в сфере должного, а инверсия, ненормальность — в сфере актуального настоящего. В такой ситуации философии по большому счету делать нечего, поэтому исследователям больше ничего не остается, как констатировать различные варианты ненормальности, чем и заполнено, по существу, большинство работ, посвященных социальной проблематике.

В инверсионном государстве для многих людей наиболее серьезной проблемой представляется сегодня не недостаточность политических свобод и возможностей для выражения своих политических взглядов, а беззаконие, отсутствие в стране порядка и справедливой судебной системы¹⁵. Согласно социологическим опросам, только высокостатусное меньшинство склонно определять современное российское общество как «нормальное». Большинству же населения совокупность множества негативных факторов не позволяет считать свое общество «нормальным».

Ненормальное, инверсионное общество утрачивает интерес к целям — не только великим и возвышенным, но и более скромным. Цель теряет свое значение, поскольку исчезает будущее, которое оказалось как бы украденным. В результате общество все больше превращается в безликий «электорат», в аморфную массу «потребителей» и «клиентов».

В ненормальном обществе быть нормальным ненормально, поэтому человеку стремятся привить пришедшие с Запада представления о «новой нормальности», внедряя понятие «непрерывной патологизации», которая является отнюдь не ненормальностью, а лишь неким механизмом эволюции человека. В результате стали исчезать ясные критерии, помогающие отличить человека «нормального» от «ненормального», границы между ними оказываются размытыми. Исторический опыт свидетельствует, что народ вырождается и исчезает даже не тогда, когда в нем слишком много людей с патологическим поведением (хотя это тоже важный фактор), но тогда, когда падает до некоторого критического уровня понятие «нормы», «должного и ценного», когда исчезает представление о социально приемлемом, осознание ненормальности.

Все это происходит под прямым и жестким воздействием современной западной «мужской» цивилизации, которая оказывает разрушающее влияние на культурную, историческую и духовную идентификацию человека в России, нивелирует исторически сложившуюся защитную, «иммунную систему» в виде ценностей

национальной культуры, традиционного или хоть как-то осмысленного образа жизни.

Какие выводы можно сделать из вышеизложенного? За длительный период существования западной «мужской» цивилизации, с ярко выраженным прозелитизмом и экспансионизмом в отношении России, ее представители весьма преуспели в своих устремлениях: В России сформировалась и созрела достаточно перекошенная, инверсионная социально-политическая реальность. Если когда-то западные завоевания с помощью грубой силы затрагивали людей только телесно, то сегодня они проходят в более тонкой сфере, отравляя умы людей и убивая в них всякую духовность. Правда, в последнее время в стране, кажется, наметилась тенденция к тому, чтобы изменить взгляды на мир и собственное место в нем. Мутагенное, инверсионное, противоречивое, с зигзагами и отступлениями, но все же проглядывается движение современной России в сторону восстановления своего статуса цивилизации. В стране появилось стремление к поиску инструментов для овладения контролируемым хаосом, создания солидарного порядка, вновь начались разговоры о модернизации.

В то же время на самом Западе господство однобокого мужского начала привело к глубокому и всеобъемлющему кризису. Под влиянием сложных проблем современности западная мужская цивилизация начинает формировать новые стандарты взаимодействия. Намечающиеся изменения в лоне западной цивилизации дают робкие надежды и на будущее нормальное развитие России, которой предстоит осознать, что принятая Западом сугубо индивидуалистическая (мужская) парадигма, если и не полностью исчерпала свои потенции, то, во всяком случае, потеряла свое былое преимущество перед органической, женской парадигмой. А значит, у России появляется шанс предпринять переоценку своих возможностей познавать окружающий мир и влиять на него в современных условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Тарнас Р.* История западного мышления. – М., 1995. – С. 378.

² См.: *Рябов О.В.* Идея женственности России в сочинениях В.С. Соловьева (<http://cens.ivanovo.ac.ru/olegria/ideya-zhenstvennosti-rossii.htm> – С. 2, 5).

³ Согласно традиционной православной догматике, под Софией понимается второе лицо Св. Троицы – Бог-Сын. Именно он в православном богословии является ипостасной и живой Премудростью Бога-Отца.

В русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. София отождествляется также с Церковью, Богородицей, Ангелом-Хранителем, иногда рассматривается как особая женственная Ипостась Божества.

⁴ Противоречие в определении (лат.).

⁵ *Бердяев Н.* Экзистенциальная диалектика божественного в человеке. – М., 2006. – С. 320.

⁶ *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избр. письма. Т. 2. – М., 1991. – С. 98.

⁷ Цит. по: *Кожин В.* История Руси. Современный взгляд. – М., 2000. – С. 43.

⁸ Схизма (греч. schisma, буквально – расщепление), разделение христианской церкви на католическую и православную.

⁹ Цит. по: *Ланщиков А.П.* Дар судьбы // *Солоневич И.* Народная монархия. – М., 1991. – С. 506.

¹⁰ Русская линия / Библиотека периодической печати / Второй фронт или Третья Мировая? (<http://www.narodinfo.ru/articles/38913.html>).

¹¹ Цели США в войне против России – Форум Первоуральска (NET// <http://www.pervouralska.net/forum/showthread.php?t=18985>).

¹² Речь Б. Клинтона на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов (<http://www.anti-orange-ua.com.ru/content/view/185/1>).

¹³ *Bork R.H.* Slouching Towards Gomorrah, Modern Liberalism and American Decline. – N. Y., 1996.

¹⁴ Термин «беспредел» появился в 1940 – 1950-х годах во время войны между профессиональными преступниками-ортодоксами и уголовниками, которые не соблюдали неписанные законы – нормы поведения, принятые в воровском мире.

¹⁵ См.: *Козырева П.М.* Правовое сознание и доверие // *Полис.* 2008. № 4. – С. 86.

Аннотация

В статье дается сравнительный анализ исходных глубинных принципов западной и российской цивилизаций, делается попытка показать универсальные закономерности их взаимодействия и их практическое воплощение в современной российской социально-политической реальности.

Ключевые слова:

мужская цивилизация, женская цивилизация, государство, общество, человек, порядок, нормальность/ненормальность.

Summary

The paper represents the comparative analysis of the initial primary principles of the Western and Russian civilizations. It shows regularities of their interactions and their practical realization in the modern Russian social and political reality.

Keywords:

«Male» civilization, «Female» civilization, state, person, order, normality/unnormality.

ЧЕЛОВЕК И МИР

Грани цивилизации

РОССИЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И КИТАЕМ

В.А. ШУПЕР

Профессор Университета Ницца София-Антиполис Жан-Поль Гишар (Guichard) совместно с Антуаном Брюнэ (Brunet) подготовил к публикации книгу под названием «**Экономический империализм. Гегемонистские устремления Китая**» (готовится русский перевод, в котором она предположительно будет называться «Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения»). В этой книге предпринята ревизия фундаментальных оснований экономической науки, которая трагическим образом отошла от идей «Политической арифметики» У. Петти (1623 – 1687).

Петти считал неразрывно связанными экономическое и военное могущество, поскольку в основе первого лежит положительный торговый баланс, а долго сохранять профицит внешней торговли редко удается слабым в военном отношении странам, ибо это вызывает крайнее недовольство тех стран, которые испытывают дефицит. В качестве недавнего примера можно привести японское «экономическое чудо», в основе которого лежал заниженный курс йены по отношению к доллару, обеспечивавший исключительную конкурентоспособность японских товаров на мировых рынках. Под мощным давлением США и стран ЕЭС Япония была вынуждена постепенно ревальвировать йену и это стало одной из главных причин застоя японской экономики 90-х годов, не преодоленного до конца и поныне. Длительное сохранение дефицита торгового баланса способствует экономическому ослаблению страны, что может привести и к ее политическому закабалению. Именно таким образом Франция установила контроль над Марокко и Тунисом.

Наоборот, Англия, как во времена Петти, так и в дальнейшем, вполне успешно проводила экспансионистскую политику на зарубежных рынках и протекционистскую у себя дома, что позволило ей стать мощнейшей мировой державой. Став ей, к середине XIX в. Англия проявила значительно большую заинтересованность в свобод-

ной торговле, нежели в протекционизме, однако еще в конце XVIII в. карались смертной казнью капитаны судов, ввозившие из Индии дешевые ткани. Этот же путь, как указывает проф. Гишар, прошли и США. Война между Севером и Югом, вопреки распространенному мнению, вовсе не была благородной борьбой за отмену рабства. Она была борьбой элиты южан против протекционизма американского правительства, защищавшего покровительственными пошлинами молодую американскую промышленность, бурно развивавшуюся в северных штатах, от удушающей конкуренции «мастерской мира». Южане же поставляли в Англию хлопок и были крайне заинтересованы в свободной торговле.

Миф о конечной победе демократии

Развитие экономической теории в XVIII и начале XIX века прежде всего в ставших классическими работах А. Смита (1723 – 1790), Ж.-Б. Сэя (1767 – 1832), Д. Рикардо (1772 – 1823) пошло по пути отрицания взаимосвязи экономического и политического могущества. Утверждалось, что торговля выгодна всем, и всегда способствует прогрессу. Такая точка зрения восходит к идее Ш.Л. де Монтескье (1689 – 1755), считавшего, что развитие торговли неизбежно способствует смягчению нравов. Едва ли такое мнение великого просветителя подтверждается Опиумными войнами, массовой гибелью от голода ткачей Калькутты в результате наводнения рынка более дешевыми английскими тканями или торговлей между Англией и Португалией, которая еще при жизни Монтескье привела к полному краху португальской промышленности, за исключением виноделия. Только Ф. Лист (1789 – 1846) решительно оппонировал представителям классической теории, считая протекционизм совершенно необходимым для становления отечественной промышленности, а государственное вмешательство в экономику – условием решения не только экономических, но и социальных задач, прежде всего – развития образования, наук и искусств. Лист придавал огромное значение инвестициям в то, что мы сегодня называем человеческим капиталом, и полагал это важнейшей задачей государства.

Заблуждения классической теории еще далеко не преодолены, и по сей день преобладает ошибочное мнение, будто развитие капитализма неизбежно приводит к демократии, хотя наивная вера в неизбежность перехода к демократии на достаточно зрелой стадии развития экономики с очень высокой вероятностью будет опровергнута Китаем. По мнению проф. Гишара, излагающего свои мысли без всяких дипломатических условностей, Китай сейчас совершает экономическую агрессию против Запада, в результате которой он еще более усилится и станет мировым гегемоном. Главный инструмент

этой агрессии — заниженный курс юаня¹. При этом проф. Гишар предостерегает от иллюзий, будто Китай удастся «поставить на место», как это в свое время удалось сделать в случае с Японией. Китай не является союзником США и имеет огромные геополитические амбиции, поэтому возможности оказания на него политического давления минимальны. Неудача попыток Б. Обамы добиться от китайского руководства согласия на ревальвирование юаня в ходе недавнего визита в Пекин была вполне ожидаемой. Меры воздействия экономического характера тоже крайне затруднительны, поскольку, в отличие от Японии, Китай в огромной степени специализируется на поставке комплектующих, а не готовой продукции, поэтому в США у него есть мощнейшее лобби. Что же касается экспорта готовой продукции, то значительную его часть составляет продукция западных фирм².

В этих условиях проф. Гишар настоятельно призывает к укреплению союза между Западом и Россией перед лицом общей опасности и резко критикует Запад за недостаточно дружественную политику в отношении России. Что же касается самой России, то проф. Гишар считает самоубийственным ее возможное сближение с Китаем, уподобляя его Мюнхенской сделке. Запад действительно вышел существенно ослабленным из последнего экономического кризиса, который явно рискует перерасти в затяжную депрессию. Китай же, напротив, существенно усилил свои позиции. Именно эти обстоятельства, если не полностью, то в значительной мере объясняют некоторое потепление в отношениях между странами НАТО и Россией. Тут можно вспомнить и первоначально очень резкую, но затем существенно смягчившуюся риторику по поводу военного конфликта с Грузией и «перезагрузку» американо-российских отношений по инициативе Б. Обамы, а также одновременно и долгожданное, и неожиданное улучшение отношений с Польшей, едва ли явившееся только результатом проявления солидарности после авиакатастрофы под Смоленском. Отметим, что решительное выражение В.В. Путиным солидарности с США после трагедии 11 сентября 2001 г. и целый ряд дружественных шагов в отношении Запада, которые за ним последовали, так и остались без ответа.

Однако осуществление этой прекрасной идеи сближения Запада с Россией неизбежно столкнется с многочисленными препятствиями как на Западе, так и в России. Начнем с Запада, где препятствия следует разделить на краткосрочные и долгосрочные. К первым следует отнести, прежде всего, весьма вероятное изменение реформаторского курса Б. Обамы. Демократическая партия уже утратила большинство в палате представителей после ноябрьских выборов, перспективы переизбрания самого Обамы на второй срок в условиях крайне вя-

лого восстановления экономики весьма туманны. Все это снижает вероятность каких-то новых прорывов в российско-американских отношениях, Слава богу, хоть удалось ратифицировать договор об СНВ в последние дни работы старого состава Палаты Представителей. Возможный приход к власти республиканской администрации, скорее всего, приведет к росту консерватизма в американской внешней политике и к снижению ее интеллектуального уровня. Наиболее наглядным примером поразительной политической близорукости лидеров ЕС стало недавнее заявление Н. Саркози о том, что он ожидает отмены виз в ЕС для россиян через 10 — 15 лет. Даже такой отнюдь не посредственный государственный муж не в состоянии осознать, что лет через 15 китайские визы будут интересовать россиян куда больше шенгенских.

Цикличность интеграционных процессов и «устойчивое» развитие

Важным фактором, который неизбежно скажется на отношениях между Западом и Россией, станет наступление второго глобального дезинтеграционного цикла. Представления о чередовании интеграционных и дезинтеграционных циклов в развитии мирового хозяйства развиваются в Институте географии РАН уже более трех десятилетий: сначала Б.Н. Зимин³ (1929 — 1995), а затем Л.М. Синцеровым⁴. Мировое хозяйство как целостность сложилось к середине XIX в. и его возникновение ознаменовалось первым мировым экономическим кризисом 1857 г. Соответственно первый глобальный интеграционный цикл продолжался с середины XIX в. до 1914 г. Сейчас уже трудно себе представить, что во времена *belle époque* (1870 — 1914) мир был во многих отношениях даже более интегрированным, чем сейчас. Визы были изобретены только после Первой мировой войны, до этого их просто не существовало. Поражает размах трудовых миграций. На рубеже XIX — XX вв. США принимали до 1 млн. иммигрантов в год, что примерно соответствует нынешней иммиграционной квоте, только в 1900 г. население США составляло 76 млн. жителей, а не 308 млн., как сейчас. В начале XX века до 200 тыс. итальянских сельскохозяйственных рабочих, закончив сезон у себя на родине, отправлялись работать в Аргентину, а по весне возвращались обратно. Если сейчас евроэнтузиасты гордятся тем, что в Европе впервые со времен Римской империи введена единая валюта, то в 1913 г. во всех цивилизованных странах, и даже в получившихся, таких, как Россия, существовал золотой стандарт. Разумеется, валютнообменные операции, как всегда, были сопряжены с транзакционными издержками, но волатильность обменных курсов и инфляция, по нынешним меркам, были просто пренебрежимо малы.

По окончании Первой мировой войны были предприняты многочисленные попытки восстановить тот порядок вещей, который представлялся людям, выросшим в мире, где процветала международная торговля, а совершить кругосветное путешествие можно было имея в качестве единственного удостоверения личности свою визитную карточку естественным и разумным. К сожалению, их благородные устремления были заведомо обречены на провал в силу объективных причин, рассмотрение которых выходит за пределы этой статьи. Второй глобальный интеграционный цикл начался только после окончания Второй мировой войны и лишь к 70-м годам экспортная квота США достигла уровня 1913 г. Продолжался он примерно столько же, сколько и первый. Предвестником его завершения стал провал Дохийского раунда переговоров по ВТО. Экономическая интеграция России с ЕС в условиях нарастающего протекционизма будет затруднена, а стремление выйти на рынки высокотехнологичной продукции будет толкать Россию в направлении Китая, Индии и других стран третьего мира. В этом же направлении будет толкать Россию даже экспорт энергоносителей, потребление которых особенно быстро растет в Китае и других бурно развивающихся экономиках третьего мира. Европейский рынок уже сейчас, с точки зрения Газпрома, перенасыщен в результате поставок СПГ из стран Персидского залива. При этом газ может добываться из сланцев не только в США, что и привело к переориентации потоков СПГ, но и в самой Западной Европе.

К долгосрочным причинам следует отнести закат самого Запада, почившего на лаврах своих общественных институтов и совершенно забывшего, что эти институты — как паруса, которые должен наполнять ветер. Без смелости, творческого поиска и даже здорового авантюризма Запад никогда не добился бы своих успехов и сейчас его перспективы вовсе не хороши. Совершенствование общественных институтов с целью повсеместно исключить субъективный фактор, максимально учитывать мнение некомпетентного большинства, приводит к утрате главного — высокой цели, ощущения миссии, будь то «бремя белого человека» или защита демократии в условиях противостояния «империи зла». Идеологическая нищета здесь настолько очевидна, что ее пытаются прикрыть не выдерживающей никакой критики концепцией устойчивого развития.

Наука Нового времени стала, возможно, самым прекрасным порождением западной цивилизации и первой жертвой ее упадка. Финансирование науки с помощью грантов со всей очевидностью разрушает ее этический фундамент, не способствует ни воспроизводству научных кадров, ни поддержанию институтов строгой профессиональной критики. Прагматический подход к науке, пре-

небрежение к фундаментальным исследованиям губят ее в не меньшей степени. Это крайне опасно и для общества в целом, которое в силу стремительного падения интеллектуального уровня не способно осознать, что отсутствие заботы о воспроизводстве фундаментальных знаний куда опасней, нежели отсутствие заботы о воспроизводстве природных ресурсов, поскольку последние хотя бы отчасти обладают свойством взаимозаменяемости⁵. Наука как институт рациональной критики, основанной на высоком принципе равенства всех перед истиной, — последний бастион демократии в современном обществе и этот бастион скоро падет в силу многих объективных причин, будь то неизбежное распространение иррационализма в обществе потребления, на которое указывал Э. Геллнер⁶ (1925 — 1995), или столь же неизбежный закат демократии в условиях постиндустриальной трансформации, о котором писали М. Кастельс, Ф. Уэбстер, В.Л. Иноземцев и не только они.

Следует решительно пересмотреть и представления о благотворности глобализации, явно ставшие отголоском прекраснотушных взглядов Монтескье на международную торговлю. Уже на уровне подсознания принимается, что она способствует развитию всего человечества и, несмотря на некоторые негативные моменты, носящие частный характер, в целом исключительно позитивна. Между тем недавно скончавшийся Морис Алле (1911 — 2010), нобелевский лауреат по экономике, еще в 90-е гг. указывал на крайнюю опасность подобных иллюзий именно для Запада, который обречен все более интенсивно терять рабочие места и снижать темпы экономического роста⁷. Его бывший студент Ж.-П. Гишар подчеркивает наивность надежд на то, что Китай, Индия и другие страны с дешевой рабочей силой будут и далее оставаться исключительно «сборочным цехом» Запада, позволяющим последнему почивать на постиндустриальных лаврах, сосредоточившись на производстве высокотехнологичных услуг. Нематериальное производство также будет все более перемещаться в Азию, как ранее туда переместилась промышленность. Хороший пример — индийский Бангалор, ставший символом исследований в наиболее перспективных областях и массового развития оффшорного программирования. Даже если какие-то виды интеллектуальной деятельности действительно останутся специализацией стран Западной Европы, Северной Америки и Австралии, они едва ли создадут достаточно рабочих мест для жителей этих стран.

Интересен и поучителен анализ концепции устойчивого развития, предпринятый проф. Гишаром в контексте динамики мировой экономики. Три десятилетия после Второй мировой войны ознаменовались достаточно высокими темпами экономического роста — как для стран Западной Европы, так и для США. Эти темпы составляли

4 – 5%. В историю Франции этот период даже вошел под названием «славного тридцатилетия». С середины 70-х годов эти темпы стали снижаться, опустившись до 2 – 2,5%, что было связано в первую очередь с выводом промышленности в страны третьего мира. Именно тогда резко возросло внимание к проблемам качества окружающей среды, а в 1987 г. с подачи Г.Х. Брундтланд появилась концепция устойчивого развития, такого развития, которое сохраняет качество окружающей среды для настоящего и будущего поколений. Между тем выход на первый план экологических проблем стал возможным именно в силу того, что промышленные группы во все возрастающей степени выносили «грязные» производства за пределы высокоразвитых стран.

В том же направлении действовала и другая тенденция – рост благосостояния среднего класса, представители которого приобретали вторые и третьи жилища, предъявляя при этом высокие требования к качеству среды. Таким образом, появился спрос на идеологию, утверждающую необходимость трансформации количественного роста в качественный, избирателей убеждали в том, что они выигрывают в качестве жизни, а не в материальном потреблении. Между тем очевидным следствием такого развития стал продолжающийся рост безработицы, формирование устойчивых групп населения, исключенных из общественного производства и потому имеющих совсем иные представления о качестве жизни. Следует считать трагическим заблуждением признание права на качественную окружающую среду приоритетным по отношению к праву на труд.

Грядущий мировой порядок: что выбрать России

Увы, главный враг западной демократии не снаружи, а внутри. Уже отмеченное стремление все сделать прозрачным и понятным некомпетентному большинству, что стало прямым результатом восстания масс, по редко вспоминаемому сейчас Х. Ортеге-и-Гассету⁸ (1883 – 1955), неизбежно приводит к примитивизации, которая невероятно облегчает копирование. Утверждение материальной выгоды в качестве высшей ценности приводит к тому, что все продается. Трудно было бы сделать лучшие подарки Китаю: он все скопирует или купит. Пройдет 10 – 15 лет, и Китай, который не делает поспешных шагов, поскольку знает, что время работает на него, но при этом продвигается очень быстро, потратит миллиарды долларов на покупку западных СМИ, или, как минимум, «золотых перьев», на гранты европейским и американским ученым. Не изменится ли после этого состояние общественного мнения на Западе? Будут ли там по-прежнему петь «старые песни о главном»: потеплении климата, устойчивом развитии, демократии, правах сексуальных меньшинств

и т.п.? Более вероятно коренное изменение международной повестки дня в том мире, где все тверже будет звучать и голос Индии, несоответствие интересов которой со странами Запада уже приводило к провалу переговоров в рамках ВТО. На первый план выйдут вопросы развития, а не экологии, здравоохранения, а не прав человека, государственного суверенитета, а не международного гуманитарного сотрудничества. Если СССР без единого выстрела проиграл третью мировую войну, то Китай также без единого выстрела может выиграть четвертую и только для Индии реально составить ему какой-то противовес к середине столетия.

Западу, по всей видимости, предстоит серьезная девальвация валют, уже хотя бы в силу невозможности расплатиться с гигантским долгом, как минимум в случае США. Это позволит отчасти репатриировать промышленность, но приведет к серьезному снижению жизненного уровня. Между тем Э. Геллнер указывал на иллюзорность представлений о демократии как об устойчивом состоянии общества даже для самых цивилизованных стран, он связывал ее устойчивость с экономическим процветанием⁹. Снижение жизненного уровня делает, по его мнению, средний класс существенно менее приверженным к демократическим ценностям, в результате чего демократия лишится главной своей опоры. А ведь очевидно, что решение задач экономического выживания должно побудить западные страны не только снизить жизненный уровень населения, но и одновременно поднять его образовательный уровень, т.е. заставить школьников как следует учиться, от чего отвыкли еще их родители. При этом недочкам изрядного возраста придется также сесть за парты, что создаст еще большую социальную напряженность. Ведь в условиях реиндустриализации потребуются включить в современную экономику не 20% населения, а все 80%. Увы, через 15 лет после смерти Геллнера его пророчества звучат еще более серьезно.

Условием выживания Запада проф. Гишар считает выход высокоразвитых стран из ВТО и создание новой организации (рабочее название ВТО-2), в которой будут воплощены идеи Дж.М. Кейнса (1883 – 1946) о необходимости организации, следящей за равновесием в международной торговле. Страны с существенным профицитом торгового баланса будут при этом стимулироваться путем наложения штрафов к ревальвированию национальной валюты, а страны со значительным его дефицитом будут таким же образом стимулироваться к ее девальвированию. Соответственно, против стран, не вступивших в ВТО-2, можно будет вводить заградительные пошлины. Следствием установления подобного мирового порядка станет рост внутреннего потребления в Китае и его снижение в странах Запада, что только подтверждает опасения Э. Геллнера. Между тем такой социальный

мыслитель, как лорд Скидельский¹⁰ также возвращается к кейнсианской идее о том, что дисбалансы в международной торговле могли бы быть устранены при обеспечении полной занятости и создании стабильной резервной валюты¹¹. В сходном направлении мыслит и М.Г. Делягин, считающий, что для России присоединение к ВТО — это вопрос о том, чтобы не опоздать на «Титаник»¹².

Не способствуют достижению великой цели, поставленной проф. Гишаром, и, мягко говоря, довольно приблизительные представления о России на Западе, прежде всего, весьма сомнительная идея, будто расцвет демократии в России сделает ее более дружественной Западу и менее склонной решительно отстаивать свои интересы на постсоветском пространстве. Еще Пушкин сказал, что единственный европеец в России — это правительство, Западу следует отчетливо представлять себе, что его главный союзник в России — коррумпированная элита, у которой на Западе не только собственность, но, как правило, и семьи, а потому работают эти люди в своей стране вахтовым методом, стремясь вывести из нее заработанное или захваченное. Эта элита крайне неэффективна и непопулярна, а дети сильных мира сего уже совсем не привязаны к родине (если Россия вообще является для них таковой), не стремятся в ней жить, вести бизнес и, тем более, принимать на себя ответственность за нее. Очень показательна огромная реклама *на русском языке* в аэропорту Ниццы: «В гостях как дома. Виллы на Лазурном берегу». Контролируемые государством СМИ далеко не так резко критикуют Запад, как западные СМИ — Россию, но когда антизападная риторика все же прорывается на экраны и страницы, она всегда находит широкую и благодарную аудиторию.

Сохранение у власти элиты, которую, строго говоря, даже нельзя назвать разложившейся, поскольку разложилась она еще до того, как сформировалась, обусловлено не жесткостью режима, а отсутствием хоть сколько-нибудь серьезной оппозиции. Тот порядок вещей, который существовал в 90-е гг., никакой симпатии в широких слоях населения не вызывал. Поэтому российское общество очень не дорого продало демократию, заключив с властью контракт по китайскому образцу: невмешательство в политику в обмен на постоянный рост благосостояния. Дальнейшее исполнение этого контракта сейчас под угрозой, но не видно никаких сил, которые могли бы составить конкуренцию нынешней власти. Однако нет и оснований полагать, что так будет всегда. Если к власти придут те, у кого по \$5 — 10 млн., а не по \$50 — 100 млн., и в силу этого нет вилл на Лазурном берегу, в отношениях с Западом многое изменится к худшему, в том числе и в силу значительно большей заинтересованности новой элиты в развитии отношений с Китаем. Этому будет способствовать и перемещение

оси мирового развития из атлантического региона в тихоокеанский, а крайняя слабость России именно на Дальнем Востоке является главным дефектом ее геополитического положения.

Следует хорошо себе представлять, что Россия — страна с быстро сокращающимся и стареющим населением, величие которой осталось в прошлом. Сейчас это 3% мирового валового продукта плюс статус ядерной державы. Российский национализм — скорее постимперский синдром, чем порыв к лучшему будущему. Едва ли такая страна сможет повторить подвиг Финляндии, в одиночку отстаившей свою независимость в борьбе с огромной страной-агрессором, тем более что широкие слои российского общества будут уверены в том, что Запад стравливает Россию и Китай в своих интересах. Между тем для России выбор между Западом и Китаем — это выбор модели развития, демократической или авторитарной. Этот выбор будет сделан в крайне неблагоприятных условиях, характеризующихся как упадком демократии на Западе, проявившимся и в последнем кризисе, так и слабой укорененностью демократических традиций в российском обществе. Напротив, идеи евразийства находят несравненно большую питательную почву и развиваются весьма авторитетными мыслителями, среди которых достаточно назвать Л.Н. Гумилева (1912 — 1992) и С.Б. Лаврова (1928 — 2000). Следует хорошо помнить, что демонтаж демократии в нашей стране, ознаменовавшийся первым делом ЮКОСа (2003), начался практически сразу же после осознания провала очередной попытки сближения с Западом, о чем уже говорилось выше.

Автор не считает, что мир, в котором будет доминировать Китай, окажется лучше, чем мир, в котором доминируют США, однако вынужден признать именно такое развитие событий наиболее вероятным. Что же касается многополярного мира, то он, по-видимому, может существовать только в качестве переходного состояния, к тому же неустойчивого — обе мировые войны разразились в многополярном мире. Самым достойным выбором для России было бы поднять знамя, которое выронил Запад, реконструировать страну на основе тех принципов, благодаря которым Запад достиг своих выдающихся успехов, и, утратив которые, он сейчас угасает. Именно такой путь в наибольшей степени соответствует идеалам просвещенного патриотизма, ибо он предполагает критическое и селективное использование полезного зарубежного опыта при приоритете веры в собственный разум и в свои силы. У нас же руководство исходит из того, что ничто в нашей стране не может и, главное, не должно быть лучше, чем на Западе. Прекрасная идеология для догоняющего развития, которое на практике может быть только развитием обгоняющим!

Примером смелого и мужественного прорыва могла бы служить уже упоминавшаяся Финляндия. Эта маленькая северная страна решительно дала отставку постмодернизму и, вдохновляясь идеалами Просвещения, создала на задворках Европы, возможно, лучшую в мире систему среднего образования¹³. Если сражение у Садовы (1866) выиграл прусский учитель, то именно финский учитель обеспечил не то что расцвет, а взлет в недавнем прошлом очень бедной страны, почти лишенной необходимых для развития природных ресурсов. Коль скоро Финляндию стали называть с конца 60-х годов северной Японией, отметим, что и в японских школах учебный год продолжается 240 дней, в то время как в американских — 180, да и учат в Японии вряд ли хуже. Для нашей страны выбор в пользу просвещенного патриотизма потребует огромной политической воли, высокого интеллектуального уровня и, разумеется, элиты, способной проявить эти качества. Ведь нынешняя не дотягивает не то что до Петра, но даже до Меншикова. Поэтому и мысли у нее совсем не хитрые: надо крепче держать за хвост Запад, а уж он-то знает куда идти. Если эти люди ни на что другое не способны, может, стоит попытаться хотя бы объяснить им, что держаться надо за другой хвост, ставя не на тех, кто заведомо проиграет?

Ведь лет через двадцать начнется третий глобальный интеграционный цикл и его дирижерами будут уже не Великобритания и США, как в случае первого и второго циклов соответственно, а Китай.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Валютный протекционизм значительно эффективнее таможенного и к тому же с 1973 г., когда МВФ перестал заниматься регулированием обменных курсов, совершенно не наказуем.

² Согласно США на вступление в ВТО страны с неконвертируемой валютой, курс которой полностью контролируется Народным Банком Китая, трудно объяснить иначе, как усилиями прокитайского лобби.

³ Размещение производства в рыночной среде. Из трудов Б.Н. Зимина / Сост. А.П. Горкин, Ю.Г. Липец. — М.: Альфа-М, 2003.

⁴ Синцеров Л.М. Длинные волны глобальной интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2000. № 5.

⁵ См.: Шупер В.А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // *Вопросы философии*. 2008. № 12.

⁶ См.: Геллнер Э. Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма. — М.: Московская школа политических исследований, 2003.

⁷ См.: Allais M. La Mondialisation, la destruction des emplois et de la croissance, l'évidence empirique. — Paris: Clément Juglar, 1999. Русск. пер.: Алле М. Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста. Эмпирическая очевидность. — М.: ТЕИС, 2003; Allais M. L'Europe en crise,

que faire? Réponses à quelques questions, pour une autre Europe. — Paris: Clément Juglar, 2005.

⁸ См.: Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. — М.: Весь мир, 1997.

⁹ Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. — М.: Ad Marginem, 1995.

¹⁰ См.: Skidelsky R. The Wars of Austerity // Robert Skidelsky's Website. 18.10.10, 21:06. (<http://www.skidelskyr.com/site/article/the-wars-of-austerity/>).

¹¹ На Бреттон-Вудской конференции (1944), определившей финансовую архитектуру послевоенного мира, Кейнс предлагал создать международную резервную валюту — банкнот, однако в силу ослабления позиций Великобритании в ходе Второй мировой войны и усиления США мировой резервной валютой стал доллар. После окончательного отказа от привязки курса доллара к золоту в 1971 г. это породило многочисленные злоупотребления.

¹² См.: Делягин М.Г. Присоединение России к ВТО: успеем ли мы на «Титаник»? // АПН.ру, 22 февраля 2002 г. (http://www.patriotica.ru/actual/delyagin_vto.html).

¹³ См.: Волков А. Девиз «Поколения Doof»: знание — мыло? // *Знание — сила*. 2008. № 8.

Аннотация

В статье рассматриваются разные подходы к фундаментальным основаниям экономической науки. Ставится задача решительного противостояния валютному протекционизму КНР как средству экономической агрессии против Запада. России предстоит сделать выбор модели развития — демократической или авторитарной — в крайне неблагоприятных условиях, характеризующихся усилением Китая и ослаблением Запада.

Ключевые слова:

демократия, авторитаризм, модель развития, интеграционный цикл, дезинтеграционный цикл, чередование циклов.

Summary

The article considers the fundamental bases of economics. The author puts forward a task to resist protectionism of China as an instrument of its fight against the West. Russia will be faced with the difficult choice of the development model — democratic or authoritarian — in a very unfavourable conditions: the strengthening of the China and the weakening of the West.

Keywords:

democracy, authoritarianism, development model, integration cycle, disintegration cycle, alternation of cycles.

КАТОЛИЧЕСКИЙ РЕАКЦИОНЕР Н. ГОМЕС ДАВИЛА

А.М. РУТКЕВИЧ

Слова «реакционный», «реакция», «реакционер» употребляются сегодня для характеристики самых разнообразных политических и культурных феноменов. Ими пользуются прежде всего «левые» для дискредитации «правых». «Реакционером» может оказаться не только какой-нибудь религиозный фундаменталист, но и папа римский (поскольку является противником аборт и однополых браков), не только ультраправый популист, но и президент Франции, увеличивающий на пару лет время выхода на пенсию, и даже немецкий социал-демократ, выступающий за сохранение атомных электростанций, а потому вызывающий полемические нападки «зеленого» депутата бундестага. «Реакционером» в масс медиа называют тех, кто противится переменам, признаваемым благоговорными, прогрессу; проблема заключается в том, что сегодня практически все партии принесли клятву верности прогрессу, но понимают его по-разному.

Защита существовавшего прежде порядка вещей, сопротивление революции свойственны консерваторам. Некоторых консерваторов XIX в. можно вполне правомерно именовать «реакционерами», однако в целом консерватизм никак нельзя считать «реакционным» противником перемен. Гизо и Дизраэли в XIX в. или Де Голль и Черчилль в XX в. были консерваторами, но никак не реакционерами. Словосочетание «фашистская реакция» применялось и применяется либералами и социалистами без учета того, что как итальянские фашисты, так и немецкие национал-социалисты четко отличали себя от «реакции» и даже полагали себя «революционерами». В гимне НСДАП («Хорст Вессель») поминаются бойцы, павшие в борьбе с «красными» и с «реакцией». Окончательная утрата власти дворянства, падение авторитета церкви в Германии и в Италии произошли в годы фашизма.

В более узком и более строгом смысле слова под «реакцией» подразумеваются политическая деятельность и идеология элит «старого порядка», сосуществующих и соперничающих с новыми элитами. Иначе говоря, это феномен XIX в., когда буржуазия еще не обрела полного господства и делила власть с дворянством и церковью. Либералы, а затем и социалисты в ту эпоху употребляли слова «реакция», «клерикализм», «обскурантизм», имея в виду власть церкви над умами простонародья, привилегии дворянства, монархические воззрения «верноподданных», «черносотенцев» и т.п. «отсталых элементов». Хотя такими отставшими от «передовых» оказывалось более половины населения европейских стран, в ту эпоху, по крайней мере,

было понятно, кого относят к «реакционерам» с некоторыми на то основаниями. Однако в сфере духа и в то время возникали немалые затруднения, поскольку для зачисления в «мракобесы» всех мыслителей, противившихся либеральному или марксистскому прогрессу требуется безоглядная решимость идеологического толка. Станем ли мы считать столь разных мыслителей XIX в., как Кьеркегор, Шопенгауэр или Достоевский «обскурантами» лишь потому, что они отвергали такого сорта прогресс?

В мире политики «реакция» представляла как защита трона и алтаря, в сфере духа она была прежде всего апологией религиозной веры. Отвергалась реакционерами не наука, а мировоззренческие выводы натуралистов, материалистов, позитивистов, все наследие философии эпохи Просвещения. Этим реакционеры отличались от консерваторов, поскольку консерватизм также многое унаследовал от Просвещения¹. Однако вряд ли уместно характеризовать позицию реакционеров как «обскурантизм» или «иррационализм». Ими отстаивались формы знания и образования, предшествующие Просвещению, а к таковым относятся и античная философия, и средневековая схоластика, и великие философские системы XVII в. Наука Нового времени родилась в предшествующую Просвещению эпоху барокко², Паскаля или Лейбница трудно записать в предтечи материализма и позитивизма.

«Реакция» представляла собой защиту тех форм жизни, которые органически развивались с конца Средневековья вплоть до XIX в. Лучше всего это видно по католической реакции. Хотя среди протестантов и православных встречались убежденные реакционеры, но сами эти конфессии допускали и допускают куда большую индивидуальную свободу, нежели католицизм. На протяжении всего XIX в. католическая церковь находилась в непрестанном конфликте с «духом времени». Свидетель той эпохи, великий историк Я. Буркхардт, так характеризовал религиозную составляющую «сегодняшнего кризиса» (т.е. второй половины XIX в.): «Вся Западная Европа обнаруживает конфликт между мировоззрением, рожденным Французской революцией, и церковью, а именно, католической церковью, — конфликт, имеющий своим глубочайшим основанием оптимизм первого и пессимизм последней»³. Именно католические послереволюционные мыслители (Де Местр, Бональд) были первыми европейскими реакционерами. Однако конфликт затрагивал не только область идей, не говоря уж о политических притязаниях папства. Римский католицизм противостоял современности как своеобразная форма жизни, конфликтующая с экономической и технической рациональностью либерального капитализма⁴. С позиций схоластической рациональности именно эта современность «иррациональна»; к тому же она

безобразна эстетически с точки зрения воспитанного эпохами барокко и классицизма человека; наконец, она бесчеловечна, вопреки всем своим речам о «гуманизме».

Этот конфликт католицизма с современностью утратил сегодня острые формы, характерные для конца XIX – первой половины XX вв. Потерпели крушение политические движения, вроде «Action française», исчезли диктатуры Салазара и Франко. Католический интегризм сегодня представлен незначительным меньшинством католиков; куда чаще встречаются представители «теологии революции» или «теологии освобождения». Но та форма католической реакции на современность («Модерн»), начало которой положил Де Местр, не исчезла. А так как сама католическая церковь после II Ватиканского собора пошла на примирение с *Zeitgeist*, то нынешние католические реакционеры оказываются противниками и папского престола. Одним из таких противников «духа времени» является колумбийский мыслитель Николас Гомес Давила (1913 – 1994).

Он родился в семье богатого колумбийского латифундиста, вскоре после Первой мировой войны его привезли в Париж родители, желавшие дать сыну хорошее образование. Учился он в коллеже бенедиктинцев, лето проводил в Англии. Значительную роль в его образовании сыграли два года, проведенных дома за книгами: Николас заболел тяжелой формой пневмонии и был прикован к постели. Его учили в это время лучшие учителя по истории и древним языкам, в результате он превосходно знал древнегреческий и латинский языки. Греческая трагедия и Фукидид останутся для него несравненными образцами – выше них стоят лишь пророки и отцы церкви.

В 1930 г. он возвращается в Боготу, женится, занимается делами семьи. Формального университетского образования он не получил; как и для многих европейских аристократов времен *ancien régime* хорошее домашнее образование было куда более ценным, чем школьные познания и потребный для продажи своей рабочей силы диплом. В Европе он появился еще однажды, уже после Второй мировой войны – за полгода он с женой объехал основные европейские страны и вернулся в Колумбию.

Жизнь помещика-семьянина, беседы на философские и богословские темы в узком кругу друзей, постоянное чтение (библиотека его насчитывала 30 тыс. томов) и неторопливая работа над текстом со странным названием: «Схолии к предполагаемому тексту». Этот последний не существует, но предполагается. А именно, философско-богословский трактат, который не был написан. Зато к первому тому схолий (на деле – ярких афоризмов), изданному в 1970-е гг., добавился в 1991 г. второй том, а посмертно был издан третий. Выходили они в Боготе мизерным тиражом, и предназначались, судя по

всему, узкому кругу читателей. Известности у Н. Гомеса Давилы не было ни в Колумбии, ни за ее пределами – он к ней и не стремился. Учитывая политические и богословские воззрения Гомеса Давилы, удивления это не вызывает. Если бы он язвительно высмеивал только марксизм, которым «болели» латиноамериканские интеллектуалы в 1970 – 1980-е гг., его имя зазвучало бы раньше, но отторжение демократии, либерализма, идей II Ватиканского собора, честное именованье самого себя «реакционером» – все это обрекало его на безвестность. Во франкистской Испании, для нее, вероятно, могли найтись если не единомышленники, то хотя бы читатели, но там после 1975 г. утвердилось демократия. А латиноамериканские латифундисты чаще всего мало читают.

Первыми Гомеса Давилу открыли для себя немецкие консерваторы – в конце 1980-х годов вышло сокращенное издание первого тома «Схолий». Затем был осуществлен его перевод на итальянский и английский языки, а сегодня существует десятка два переводных изданий (включая польское). Стилистически Гомес Давила является наследником французских «моралистов» – Ларошфуко, Лабрюйера, Вовенарга. По своему содержанию афоризмы относятся прежде всего к сфере политической философии и публицистики. Хотя он довольно часто обращается к вопросам религии, искусства, морали, основное внимание уделяется политике. Гомес Давила не комментирует события дня, чаще всего он их игнорирует; полемика ведется не с теми или иными философами или доктринерами – они вообще его не интересуют. Важны доктрины, которые господствуют в сознании масс, определяют ход событий. Так как доктрины эти не просто ложны, но также губительны для человеческой души, они требуют опровержения. Они разрушают ту христианскую цивилизацию, верность которой хранит Гомес Давила.

Для разрушения цивилизации нет нужды в насилии; все цивилизации умирали от безразличия к тем неповторимым ценностям, которые их создали. Для колумбийского мыслителя наша цивилизация создана мыслью эллинов и верой христиан; греческая трагедия и христианская догматика донныне представляют собой совершенные формы осмысления человеческого удела, тогда как уже философия Нового времени предстает как смесь практического интереса с сентиментализмом. Человеческая жизнь есть непрестанная борьба с глупостью и подлостью; последние несколько веков люди глупели, утрачивали нравственность вместе с умом. Аристократические ценности прошлого исчезают под крики о «правах человека». В аристократические эпохи то, что имеет ценность, не имеет цены; в демократические времена правят деньги, а потому не имеющее цены не имеет и ценности.

Два современных мифа — революции и прав человека — порождены французской революцией. «Французская революция кажется чудесной тому, кто плохо знает ее историю, ужасной тому, кто знает получше, гротескной — знающему ее хорошо»⁵. Приведу еще несколько афоризмов Гомеса Давилы относительно революции, ее инициаторов и ее итогов: «Культ человечности питается человеческими жертвоприношениями»⁶; «Всякий освобожденный Прометей в конце концов кончает с собой на груди жертв, казненных по его приказу»⁷; «Революционные интеллектуалы имеют исторической миссией изобретение словаря и тем будущей тирании»⁸; «Демократия празднует культ человечества на пирамиде из черепов»⁹. Революционер обнаруживает «подлинный дух революции» лишь перед осуждающим его самого революционным трибуналом. На революции прошлого ссылаются для того, чтобы оправдать настоящее и указать на желанное будущее.

Ссылки на прогресс и гуманизм в устах как либералов, так и социалистов вызывают ироничные комментарии Гомеса Давилы: «Отвратительнее будущего, которое произвольно готовят прогрессисты, является будущее, которого они желают»¹⁰. Политическая религия «прав человека», «эмансипации», «защиты меньшинств» и т.п. произрастает из совершенно произвольного превознесения «естественного человека», т.е. либо животного, либо совершившего грехопадение существа. Тот «общечеловек», о котором в свое время язвительно высказывался де Местр, теперь с легкостью обнаруживается в офисах, редакциях, кафе; этот массово встречающийся индивид сотворен идеологиями и газетами, но при всем численном росте он остается лишь одной из исторических разновидностей человека. «Первородным грехом либерализма является приписывание каждому индивиду всех возможных атрибутов, относимых к человеку»¹¹. Если брать тот тип человека, который умножается в мегаполисах современного мира, то речь идет о ведущем бессмысленную жизнь, жаждущем чувственных удовольствий и развлечений млекопитающем.

Появление этого животного на сцене истории либералы и социалисты полагают закономерным итогом развития общества. Для Гомеса Давилы «историческая необходимость» вообще есть синоним глупости. Животное нагло утвердило себя на этой сцене, а затем провозгласило свое появление итогом «прогресса». Только критерием «прогресса» в сравнении любых двух эпох или культур оказывается возросшая способность потреблять и убивать. Все прославляемое «господство над природой» разоблачается Гомесом Давилой как «рост способности к гомициду».

Все законы «социальных наук» представляют собой некую «механику», которую задним числом применяют к культурам прошлого.

Если естествознание и традиционные гуманитарные науки он читает, то к социальным наукам относится с нескрываемым презрением — последняя мода в них принимается за «вершину» научного знания. Они насквозь идеологичны и являются изобретением «левых». «Левым» вообще свойственна клевета на прошлое, выступающая как «главный метод творения будущего». Этой механике Гомес Давила, как и большинство консерваторов, противопоставляет органический рост, подчеркивая при этом, что различие между «органическим» и «механическим» в общественных делах является моральным: «органическое» есть итог бесконечных скромных деяний; «механическое» есть результат решительного акта наглости. С наглцами такого рода нет смысла спорить. Того, кто размышляет и молится, ничто не обязывает вступать в диспут со всяким нахватавшимся умных слов болваном.

«Когда мы слышим восклицания: “как цивилизовано!”, “сколь гуманно!”, то не должно быть никаких колебаний: речь идет о каком-нибудь откровенном свинстве»¹². Гомес Давила недвусмысленно осуждает решения Второго Ватиканского собора, в которых ощутим дух примирения со всем этим «свинством». «Слово “человечество” в устах католика означает отступничество, в устах неверующего — предварение убийств»¹³. Если сегодня ссылками на «права человека» готовят не прямые убийства, то наихудшую разновидность рабства — рабство у рабов, ибо «для порабощения индивида нет лучшего повода, нежели “человеческое достоинство”»¹⁴. Объявлять христианство «колыбелью современного мира» — значит выдвигать против христианства суровое обвинение (или просто клеветать на него).

На фоне сегодняшнего политического и культурного убожества в ином свете предстают прежние враги — в них было хоть что-то настоящее. Ненавидевший всю свою жизнь марксизм Гомес Давила пишет: «Современное общество подлеет с такой поспешностью, что каждое следующее утро мы с ностальгией всматриваемся во вчерашнего врага. Ведь марксисты стали казаться чуть ли не последними аристократами Запада»¹⁵. Именно поэтому нередкие в первом томе критические замечания по поводу марксизма постепенно исчезают. Марксистские доктрины — это не диагноз, а симптом. На деле социалисты и коммунисты просто желают иными средствами достичь тех же целей, что и либеральные буржуа. «Когда свобода перестала быть подчинением высшим ценностям эпохи, чтобы сделаться правом на самовыражение нашей незначительной индивидуальности, более ценной кажется и дисциплина социалистического квартала»¹⁶. Как и во многом другом, Гомес Давила опирается на опыт европейских консерваторов и роялистов, готовых признать известную «правду» социалистических требований: уже Доносо Кортес отмечал, что в

сравнении с убожеством либерализма социалистические доктрины содержат в себе «нечто гигантское и грандиозное», так как желают утвердить на Земле царство добра. Французские легитимисты стали вступать в выборные союзы с социалистами еще в 1830-е гг., а «Молодая Англия» во главе с Дизраэли на 1840 год проповедовала ряд социалистических идей. Имелись и более близкие источники: известно, что во время учебы во Франции Гомес Давила интересовался деятельностью Action française и читал Шарля Моррасса, который пытался включить в «интегральный национализм» элементы синдикализма.

Однако главное в оценке марксизма связано не с теориями, а с практикой людей, готовых сражаться и умирать за идеи. Хотя «городские герильерос» в Буэнос-Айресе и Монтевидео 1970-х годов, хоть колумбийские лесные партизаны последних десятилетий выгодно отличаются от *clase discutiadora*, как называл буржуа Доносо Кортес (т.е. парламентских риториков, адвокатов и т.п. «интеллектуалов»), в каковых превратились и их социалистические оппоненты в Европе. Только с интеллектом у коммунистов дела обстоят плохо, а делавшиеся коммунистами западные мыслители совершали жертвоприношение интеллекта. Если с буржуазными и социалистическими партиями у интеллектуала выходит брак по расчету, то брак с коммунистической партией оказывается адюльтером. Марксисты (и социалисты вообще) дают экономические дефиниции буржуазии, чтобы скрыть то, что сами к ней относятся, только принадлежат они мелкой буржуазии, завидующей буржуазии крупной.

Буржуа — это в основном не экономическая категория, а господствующий сегодня тип человека. Буржуазия для Гомеса Давилы есть любое сообщество индивидов, не удовлетворенных тем, что они имеют, и удовлетворенных тем, что они собой представляют. Этот человеческий тип существовал во всех обществах и цивилизациях, но лишь в нашу эпоху сделался господствующим. «Бесклассовое общество» есть общество, в котором нет ни аристократии, ни народа; третье сословие «стало всем». Самодовольство и зависть составляют главные антропологические характеристики буржуа (то, что М. Шелер — вслед за Ницше — именовал *ressentiment*). Античная демократия не имеет почти ничего общего с тем, что ныне обозначается этим словом. Речь вообще должна идти не о власти, тем более не о «народовластии», поскольку правят современными обществами деньги. Еще Токвиль в «Демократии в Америке» определял демократические режимы как те, в которых нет аристократии, т.е. нет лучших. Торжественно провозглашается «равенство возможностей», хотя это никак не соотносится с действительностью. Для Гомеса Давилы тот, кто провозглашает «равенство возможностей», неизбежно приходит

к тому, что начинает преследовать и даже истреблять тех, кому было больше даровано Богом (или природой).

Консерваторы сегодня просто отстаивают буржуазную демократию прошлого в борьбе с наступающей мелкобуржуазной демократией будущего. Поэтому называть себя «консерватором» сегодня означает некую двусмысленность: таковым сегодня оказывается и почитатель де Местра, и сторонник Хайека, вообще любой правый политик, будь он даже рьяным либералом. «Сегодняшние консерваторы — это просто либералы, которым достается от нынешней демократии»¹⁷. Себя Гомес Давила называет поэтому реакционером, а не консерватором: «Реакционер становится консерватором лишь в те эпохи, в которые осталось нечто, заслуживающее сохранения»¹⁸. Сегодняшняя эпоха не такова, сохранять почти нечего.

Как и некоторые предшественники (в России — М. Катков), он обыгрывает слово «реакция» — не реагирует только мертвое. Реакционер воздерживается от идеологических прожектов по поводу будущего, он ясно видит сложность проблем и ищет пути их решения, отталкиваясь от веры в Бога и заданных традицией идеалов. «Быть реакционером — значит не верить в некие predetermined решения, но зорко видеть сложность проблем»¹⁹. Ностальгия по «славному прошлому» чужда реакционеру: в прошлом бывало всякое, в том числе и худое. Реакционер для Гомеса Давилы чем-то родствен революционеру, которому совсем не жаль настоящего. Отличие заключается в том, что именно отвергается в настоящем. Он даже готов брать в качестве образца способ деятельности иных революционеров: войны духа выигрывают не регулярные войска, но добровольцы, партизаны. «Реакционер жаждет не реставрации прошлого, но невероятного разрыва будущего с этим печальным настоящим»²⁰.

Состояние среднего человека западного мира Гомес Давила определяет как глупость и вульгарность. Вульгарность заключается в претенциозности, в желании показать себя не тем, чем ты являешься. Один из афоризмов Гомеса Давилы звучит так: «Жизнь есть непрестанная борьба с глупостью». Глупость не есть психологическая или социальная ограниченность того или иного индивида (или группы) — как только человек признает свое незнание, искренне корит себя за отсутствие понимания, то он уже проявляет разумность. Даже если его IQ низкий, глупцом он не является. Таковым вполне можно считать получившего образование в престижном университете, самоуверенного и преуспевающего индивида, полагающего себя и свое окружение вершиной рациональности и вкуса. Собственно говоря, Гомеса Давила имеет в виду давние слова апостола Павла относительно интеллектуалов времен эллинизма — «называя себя мудрыми, обезумели». В этом он согласен с другими консервативными крити-

ками современности. Замечательную книгу на эту тему еще в 1970-х гг. издал итальянский католический философ М. Шакка²¹, считавший основным признаком глупости отсутствие *pieta*, каковая, будучи прежде всего религиозным чувством благоговения, характеризует также наше отношение к предметам и людям — культура и образование индивида, его добронравие проистекают из понимания человеком своего места в мире. Глупость есть отрицание *pieta* во всех смыслах: не только агрессивное безбожие, но также отсутствие почитания чего бы то ни было, профанация любых идеалов, злобная зависть, стремление «разоблачить» предрассудки тех, кто держится безусловных ценностей. Нигилизм разрушителей прославляется как «эмансипация»; лозунги гуманизма, пацифизма, космополитизма служат прикрытием истребления всех традиций, а крики против авторитаризма скрывают отвержение любых авторитетов — за исключением непрерываемого авторитета пророков и вождей нигилистической революции, а также всякого рода теледив и болтунов из talk shows.

Для Гомеса Давилы «борьба с предрассудками» эмансипированных интеллектуалов также есть проявление глупости. Деятельность по разоблачению ограничивается тем, что констатирует наличие интересов и страстей, стоящих за идеологиями. «Остается выяснить: идет ли речь о благородных или подлых интересах, возвышенных или низких страстях»²². Как показывает история, самые решительные действия в этой «борьбе» ведут лишь к появлению все новых идеологических конструктов, принимаемых на веру догм — опаснее всего задевать предрассудки тех, кто считает, что у него таковых не имеется. Современный человек не любит, но ищет убежища в любви; он не надеется, но ищет убежища в надежде; не верит, но ищет убежища в догмах. Лишенный любви догматик готов к любым преступлениям. «Сегодня всякий индивид “с идеалами” является потенциальным убийцей»²³.

Собственно говоря, Гомес Давила и Шакка повторяют здесь то, что нам много раньше писали о нигилистах Достоевский в «Бесах» или Честертон в «Человеке, который был четвергом». Изменилась ситуация. Если ранее «эмансипированные» одиночки или группы все же были маргиналами, то ныне они стали властвующей элитой, насаждающей свою идеологию посредством масс медиа. Немецкий писатель Бото Штраус (в прошлом — «левак») так описывает нынешнюю ситуацию: «То, что раньше было тупой массой, сделалось сегодня тупой просвещенной массой... режим телекратической публичности является самым бескровным господством насилия в истории; ему нет нужды в том, чтобы слетали головы, он просто сделал их избыточными»²⁴. Эпоха многознания плодит невежд во всем, кроме крайне узких специализированных skills (умений), притязающих на то, что они суть вершина и цель истории. Для Гомеса Давилы со-

хранность нашего интеллекта зависит от аскезы и гигиены в чтении и поглощении информации: «В век, когда средства массовой информации распространяют бесчисленные глупости, культурный человек определяется не тем, что он знает, а тем, что он игнорирует»²⁵. Героями нашей цивилизации стали аморальные лицедеи.

Все говорят о свободах и правах, ущемление права какого-нибудь папарацци вызывает бурные дебаты. Однако полнейшая свобода слова не компенсирует отсутствие таланта. Свобода вообще не является целью, это средство. Тот, кто считает ее целью, не знает, что с ней делать, когда ее получает. Для христианина автономия индивида есть наивысшее благо, поскольку сотворенный по образу и подобию Бога человек своей свободой отличен от бессмысленности скота. «Зависеть только от воли Бога — вот наша истинная автономия»²⁶. Свободой сегодня именуют возможность пустословить, клеветать, творить кумиры и продавать подороже свое перо: «Нынешний человек требует свободы, дабы безнаказанно процветала подлость»²⁷. Это относится не только к журналистам и политикам. Гомес Давила с насмешкой пишет о модах в современном искусстве, роли «экспертов» в оценке того, что вообще может именоваться ныне искусством. Антибуржуазность на словах прикрывает то, что сегодняшние «творцы» решают лишь одну задачу — быстрого обогащения. «Современный художник восстает против буржуазии, чтобы подороже продавать ей свои художества»²⁸. Предложение соответствует спросу: для современной личности характерно восхищение истерическими поделками. Нынешний индивидуализм не имеет ничего общего с индивидуальностью творца, его Гомес Давила именуется «колыбелью вульгарности». Со стороны «экспертов» слышатся похвалы ужасающему китчу, заполнившему стены музеев за последние полвека. Суровым обвинением современному миру является уже его архитектура. Конечно, вкусы в области искусства относительны; только об относительности вкусов чаще всего говорят люди с дурным вкусом...

Гомес Давила не принимает современность эстетически: во многих афоризмах он высмеивает искусство последнего столетия. По существу, он и на политику смотрит эстетически — современная демократия (смесь олигархии с охлократией) прежде всего вульгарна, выдвигает наверх невероятно пошлых болтунов. Такой способ видения политического свойствен далеко не всем мыслителям, относимым к «реакционерам». Более того, он отчасти расходится с католическим интегрисмом Гомеса Давилы. Иные из этих афоризмов напоминают афоризмы Ницше, хотя вряд ли есть смысл говорить о «влиянии». Сходен именно подход, угол зрения на политику. Любому образованному русскому читателю сразу делается очевидным сходство со столь же явным эстетическим неприятием мира либерализма,

парламентской демократии у К.Н. Леонтьева, с трудами которого Гомес Давила, разумеется, никак не мог быть знаком. Он принадлежит к тому направлению мысли, которое вполне уместно называть «политическим романтизмом».

Конечно, Н. Гомес Давила является наследником тех французских католических реакционеров, которые сходным образом отвергали рожденный революцией мир, сменивший ancien régime. Можно ограничиться словами о том, что времена романтизма давно прошли, что все это безнадежно устарело... Только реакционеры иной раз смотрят на современный мир куда более ясным взглядом, нежели приверженцы тех или иных модных теорий. Скажем, то, что прежний консерватизм умер, а социал-демократия выродилась, Гомес Давила писал в 1970-е гг., задолго до того, как это стало понятно хотя бы некоторым профессорам политической философии²⁹. То, что говорит реакционер, никого не интересует, замечает Гомес Давила: ни тогда, когда он высказывается, поскольку его суждения признаются абсурдными; ни через несколько лет, поскольку сказанное им кажется самоочевидным.

Ностальгия редко способствует зоркости, но для европейски образованного реакционера образцовым прошлым являются великие времена Европы, те ранние этапы европейской традиции, на которых были созданы науки и искусства. Никто не доказал того, что эти открытия с неизбежностью должны были вести к сегодняшнему миру. Хотя Гомес Давила почти не ссылается на своих единомышленников, его взгляд на историю последних трех столетий типичен для консервативных католических интеллектуалов³⁰.

Реакционер является как бы историком наоборот. Историк смотрит из настоящего в прошлое и судит его, пытаясь «взять в скобки» все предрассудки своего времени; реакционер живет прошлым и смотрит из прошлого в настоящее. Иногда ему удается разглядеть то, чего не замечают его современники. В том числе комичные и отвратительные черты того мира, в котором они живут, смехотворность идей-однодневок, пошлость вкусов, нелепость затвержденных мнений, принимаемых за что-то само собой разумеющееся... Никто не принуждает нас делаться такого сорта реакционерами. Но читать их полезно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Получивший широкое распространение тезис Мангейма, согласно которому консерватизм представляет собой «романтическую реакцию» на Просвещение и рационализм Нового времени в целом, очевидным образом ложен. Юма и Монтескье можно считать предтечами консерватизма,

Бёрк сам был английским просветителем, а Ю. Мёзер – немецким. Романтическая критика Просвещения, конечно, могла иметь (и имела в ряде случаев) «реакционный» характер, но романтиками были и лица совсем иных воззрений. Блейка или Гофмана трудно зачислить в реакционеры, а Гейне был другом, а отчасти и единомышленником, Маркса и Энгельса.

² Она родилась именно из духовных исканий этой эпохи, а не для того, чтобы произвести на свет экономику, технику и политику буржуазного мира (см.: *Шоню П.* Цивилизация классической Европы. – Екатеринбург, 2005. Ч. III).

³ *Буркхардт Я.* Размышления о всемирной истории. – М., 2004. – С. 177.

⁴ См. по этому поводу работу К. Шмитта «Римский католицизм и политическая форма» // *Шмитт К.* Политическая теология. – М.: Канон-пресс-Ц, 2000.

⁵ *Davila N. Gomez.* Escolios a un texto implicito, Instituto colombiano de la cultura. T. I. – Bogota, 1977. – P. 349.

⁶ Ibid. – P. 353.

⁷ Ibid. – P. 228.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. – P. 232.

¹⁰ Ibid. – P. 30.

¹¹ Ibid. – P. 52.

¹² Ibid. – P. 389.

¹³ Ibid. – P. 427.

¹⁴ Ibid. T. II. – P. 31.

¹⁵ Ibid. – P. 123.

¹⁶ Ibid. – P. 140.

¹⁷ Ibid. – P. 220.

¹⁸ Ibid. T. I. – P. 52.

¹⁹ Ibid. T. II. – P. 166.

²⁰ Ibid. – P. 278.

²¹ См.: *Sciaccia M.F.* L'oscuramento dell'intelligenza. – Milano, 1970. Эта работа интересна и тем, что в ней католический мыслитель обрушивается на «западничество» – с великой историей Запада современное «западничество» имеет мало общего, «западничество» разрушает все культуры, но первой его жертвой является европейская цивилизация.

²² *Davila N. Gomez.* Escolios a un texto implicito. T. I. – P. 322.

²³ Ibid. – P. 325.

²⁴ *Strauss B.* Der Aufstand gegen die sekundaere Welt. Bemerkungen zu einer Aesthetik der Anwesenheit. – München; Wien, 1999. – S. 68.

²⁵ *Davila N. Gomez.* Escolios a un texto implicito... T. I. – P. 283.

²⁶ Ibid. – P. 65.

²⁷ Ibid. – P. 344.

²⁸ Ibid. – P. 346.

²⁹ Достаточно сравнить его характеристики консерватизма и социализма с тем, что в конце 1990-х написал Дж. Грей в «Поминках по Просвещению».

³⁰ В качестве примера можно привести недавно переведенную у нас книгу К.Г. Доусона «Боги революции» (СПб., 2002), в которой можно най-

ти близкие оценки не только французской революции, но и последовавшего за ней «прогресса»: «Никогда за весь ход истории силы человеческой тупости, жадности и эгоизма не проявляли себя на таком широком уровне» (С. 309).

Аннотация

В статье рассматриваются воззрения колумбийского философа и писателя Николаса Гомеса Давилы (1913 – 1994), отдаленного наследника католической реакции XIX в. Эстетическое неприятие вульгарности современной цивилизации сочетается в его «Схолиях к ненаписанному трактату» с критикой «прометеевского мифа революции», либерализма и марксизма.

Ключевые слова:

католическая реакция, клерикализм, критика современности, революция, либерализм, марксизм.

Summary

Nicolas Gomez Davila (1913 – 1994) is good known now in many countries as a brilliant author of aphorisms. He himself had characterized his political outlook as «reactionary», and he had right to do so; this Columbian writer is a descendant of long tradition of catholic reaction to Enlightenment, Liberal and Marxist revolutionary optimism.

Keywords:

catholic reaction, clericalism, critics of modernity, revolution, liberalism, marxism.

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

Школа философствования

ФИЛОСОФИЮ – В ШКОЛУ!

Журнал «Философские науки» считает одной из важнейших своих задач образовательную программу «Философия – детям». В рамках этой программы на протяжении 2009 – 2010 годов был опубликован цикл статей «Школа интеллекта» (автор – доктор философских наук Б.И. Федоров).

В 2010 году коллектив авторов в составе докторов философских наук Б.И. Липского, С.С. Гусева, Г.Л. Тульчинского, Е.М. Сергейчик подготовил учебник «Начала философии». Начиная с № 5 за 2010 год мы последовательно публикуем фрагменты этого учебника. Уже опубликован Раздел I «Что такое философия?», в котором рассмотрены истоки философии, ее соотношение с мифом, особенности философского отношения к миру, специфика и значение философского знания. Начата публикации Раздела II «Что я могу знать?», содержание которого связано с осмыслением природы познания, роли науки, художественного осмысления действительности.

В 2011 году мы завершаем публикацию Раздела 2 и приступаем к публикации Разделов III («Что такое человек?») и IV («Человек и общество»), раскрывающих соотношение культуры и личности, самореализации личности, проблему смысла жизни, виды социальных общностей и их взаимодействие, ценности семьи и т.д.

Учебник предназначен для учителей и старшеклассников средней школы, а также всех интересующихся философскими проблемами образования.

Для более полного и ясного представления содержания учебника «Начала философии» мы предлагаем вниманию читателей его Оглавление.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I. ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ? (Б.И. Липский)

Глава 1. Начало философии

§ 1. Рождение мифа

§ 2. Миф и философия

- Глава 2. Философское отношение к миру
 - § 3. Сочувствие и понимание
 - § 4. Предмет философского знания
- Глава 3. Что значит быть?
 - § 5. Жить и быть
 - § 6. Модусы бытия

Раздел II. ЧТО Я МОГУ ЗНАТЬ? (С.С. Гусев)

- Глава 4. Познание и жизнь
 - § 7. Почему люди хотят знать?
 - § 8. Понятие истины
- Глава 5. Наука и научное знание
 - § 9. Научная картина мира
 - § 10. Науки о природе и науки о духе
- Глава 6. Искусство как путь к пониманию
 - § 11. Особенности художественного познания
 - § 12. Образное представление и художественная картина мира

Раздел III. ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕК? (Г.Л. Тульчинский)

- Глава 7. Человек как личность
 - § 13. Загадка человека
 - § 14. Самореализация личности
- Глава 8. Культура как способ жизни
 - § 15. Социальный опыт
 - § 16. Социальный контроль
- Глава 9. Самоопределение
 - § 17. Успех и самооценка
 - § 18. Жизненный путь и проблема смысла жизни

Раздел IV. ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО (Е.М. Сергейчик)

- Глава 10. Что такое общество?
 - § 19. Социальные общности и их взаимодействие
 - § 20. Природа и цивилизация
- Глава 11. Этнические общности: единство в многообразии
 - § 21. Национальный язык и национальный характер
 - § 22. Свои и чужие или свои и другие?
- Глава 12. Ценности семьи
 - § 23. Мужчины и женщины: равенство в неравенстве?
 - § 24. «Отцы и дети»: гармония или конфликт?

НАЧАЛА ФИЛОСОФИИ*

Раздел II. Что я могу знать?

Глава 6. Искусство как путь к пониманию

§ 11. Особенности художественного познания

С.С. ГУСЕВ

Еще один вид познания, также сложившийся на основе мифологического мышления, но постепенно выделившийся в особую форму культурной деятельности, связан с художественным творчеством. Как и носители религиозного мировоззрения, художники (в самом широком смысле этого слова) не ставят перед собой специальных познавательных задач. Тем не менее, выражая различные оттенки эмоционального и интеллектуального переживания людей в образно-наглядной форме, художники расширяют человеческие знания об устройстве мира и своем месте в нем. Подумайте над тем, как много сведений об окружающем нас мире мы получаем в детстве из первых книг, кинофильмов, при посещении музеев и концертных залов.

Одной из важнейших особенностей художественного познания является образность языка, с помощью которого создатели различных произведений искусства представляют свой взгляд на мир. В образе соединяются объективные черты действительности и способ их восприятия конкретным человеком. И такое единство общего и индивидуального позволяет ощутить неповторимую уникальность внутреннего мира каждого художника. Поэтому художественный образ не является простым зеркальным отражением в сознании людей различных сторон действительности. В каждой культуре формируется своя «картина мира», включающая в содержание не только реально существующее, но и желаемое. Поскольку конкретные особенности жизни могут определять у разных народов различное эмоциональное восприятие одних и тех же характеристик действительности, постольку и потребности у них могут появляться весьма различные.

Поскольку образное мышление по своей природе не разделяет четко «внешнюю» реальность и ее субъективное переживание людьми, воображение часто переносит человеческие чувства и желания на окружающий природный мир, приписывая ему эмоциональные состояния, присущие самим людям. И это находит свое выражение в произведениях искусства. Грусть, отчетливо различимая, например, в пейзажах, изображаемых русскими художниками (осенняя дорога или леса с облетающими листьями, необъятные зимние поля под хмурым небом – распространенные мотивы в отечественной живописи XIX в.) выражает не настроение

* Продолжаем публикацию материалов учебника «Начала философии», подготовленного коллективом петербургских авторов (см.: Философские науки. 2010. № 5 – 12).

отдельно взятого автора, а ощущаемое им эмоциональное отношение народа к условиям своей тогдашней жизни. Картины Васнецова, музыка Мусоргского, Глинки и других замечательных русских композиторов, как и стихи многих отечественных поэтов, передают ощущение неразрывной связи народной жизни с природным окружением.

По своей сущности, художественное познание оказывается промежуточным звеном между религиозным отношением к действительности и оформившимся несколько позже научным познанием. Сохранив идущее от общей мифологической основы стремление выражать результаты своих переживаний и размышлений в наглядно-образной форме, художники направляют свое внимание как на окружающую действительность, так и на внутренний духовный мир человека, воспринимающего и преобразующего то, с чем он сталкивается в процессе своей жизни. *В силу этого художественное познание оказывается средством, с помощью которого потребности и желания общества, до поры лишь смутно осознаваемые, получают наглядное воплощение, в результате чего одни из них становятся явной целью коллективной деятельности, другие же могут быть отвергнуты.*

Многозначность трактовки произведений искусства обеспечивается во многом такой его особенностью, как метафоричность. Позволяя передавать в речи такие оттенки чувств и мыслей, которые не могут быть прямо выражены, *метафора (что значит на греческом языке «перенесение») является одним из основных средств художественного языка.* Еще древнегреческий философ Аристотель придавал большое значение метафоре, поскольку считал, что с ее помощью удается выявлять сходство в существенно различающихся вещах и явлениях. С его точки зрения, обнаруживая такое сходство, люди переносят имя одной вещи на другую. В результате возникает условный контекст, в котором сохраняется понимание различия сопоставляемых предметов и, одновременно, происходит их объединение в мысли.

Например, такие утверждения, как «этот человек — настоящий волк» или «небо хмурится» вовсе не предполагают, что произносящий их всерьез думает о превращении человека в животное или об эмоциях неба. Используя подобные выражения, люди явным образом представляют не просто предмет своего восприятия или рассуждения, но и свое отношение к воспринимаемому, его оценку. *Поэтому основанием мысленного объединения различных сущностей часто оказывается не наличие у них одних и тех же объективных признаков, а сходство эмоционального отношения к ним человека.* Но тогда появляется возможность при описании мира соединять непосредственно воспринимаемые в нем свойства и черты с такими, которые порождены воображением автора подобного описания.

Способность метафоры соединять «несоединимое», связывать в единое целое характеристики, принадлежащие объектам различной природы (например, «смеющееся море», «железная воля»), позволяет строить картины действительности, какой она *может быть при некото-*

рых условиях, отсутствующих непосредственно «здесь и сейчас». В частности, метафоричность языков искусства дает возможность наглядно представить в качестве уже достигнутого результата, к которому люди только еще стремятся. *Воображаемая действительность расширяет представления людей об их возможностях взаимодействовать с реальным миром, заставляя думать о том, что могут быть условия, при которых этот мир изменится в нужном человеку направлении.* Тогда возникает цель — создать такие условия.

Тем самым метафорический контекст способствует выходу за рамки «сиюминутной данности», что обеспечивает человеку возможность сопоставлять разные способы понимания некоторой конкретной ситуации, избавляя его от догматизированного мышления, от абсолютизации лишь одной из возможных трактовок происходящего. Кроме того, метафора помогает представителям различных культур как-то понять друг друга. Знакомясь с различными воплощениями «воображаемой реальности» в искусстве даже весьма удаленных в пространстве и времени культур, люди могут осознать, чего хотели (или хотят) носители этих культур, на что они надеялись (или надеются), как они представляли и представляют себе свое место в окружающем мире.

В своей повседневной деятельности человек постоянно переходит от одних задач к другим. И для того, чтобы успешно действовать, ему необходимо уметь увидеть возможности, которые раньше не различались. Искусство накапливает результаты художественного творчества, выражающие не только уже осуществленные действия, но и такие, *которые лишь могли бы быть,* создает «возможные миры», с которыми люди пока не сталкивались в своей реальной жизни. Но достигнутое в воображении может быть воплощено в практике, если данный «возможный мир» становится значимым для людей. Действия человека отличаются от поведения остальных живых существ своей целенаправленностью, а это предполагает способность заранее предвидеть ожидаемый результат, без чего невозможно создавать и способы его достижения.

§12. Образное представление и художественная картина мира

В основе любой зрелой системы представлений о мире как о едином целом лежит некая образная картина. Она всегда несет на себе отпечаток творческих результатов, полученных художниками исторически определенного времени и определенной национальной культуры. В этом смысле искусство является одним из первых средств, с помощью которых формируются исходные мировоззренческие системы, и это одна из важнейших его функций. Но что значит само слово «искусство»? Всегда ли люди, употребляя его, имеют в виду один и тот же смысл? Как часто возникают споры при попытке дать какое-то единственно возможное определение этого термина?

Во многом это обусловлено разнообразием способов его употребления в естественных языках. Так, например, слово «искусный» применимо и к художнику, и к врачу, и к механику. Подобная многозначность от-

мечена еще в древности. В словаре В. Даля, например, указывается, что «искусность» подразумевает искусенность, опытность в каком-то деле. То есть «искусный» — значит «умелый». Но это же слово подразумевает какое-то испытание (искушение). Не обо всех смысловых оттенках подозревают люди сегодня, рассуждая об искусстве. И все же присутствует в нас неявное ощущение того, что те, кто занимается искусством, с одной стороны как бы проходят проверку (испытываются), стараясь сделать общедоступным свое состояние при восприятии действительности, с другой же сами выступают в роли испытателей, приписывая миру черты, порожденные человеческой фантазией художника.

Искусство, как сфера художественного творчества, связано с эмоциональным переживанием человеком чувственного восприятия им явлений действительности. В основе таких переживаний лежит особое отношение людей к миру, называемое «эстетическим». Оно проявляется тогда, когда внутреннее состояние человека не определяется никакими утилитарно-практическими соображениями. Если кто-то, скажем, рассматривая картину Рембрандта или Шагала, прикидывает, какую сумму он получил бы за это полотно, продав его на очередном международном аукционе, то вряд ли можно назвать его отношение к данной картине эстетическим.

Эстетическое отношение к миру проявляется в бескорыстном любовании явлениями природы или результатами человеческой деятельности в их оценке не как чего-то «полезного», но как «прекрасного». Любое общество включает в свою систему ценностей и такие свойства действительности, которые обеспечивают возможность удовлетворения духовных потребностей, обусловленных соответствующим типом культуры. Восхищаясь тем, что его поразило, человек стремится обратить внимание на это и других людей. С этой целью он создает поэмы, рисует картины, сочиняет музыку. Все подобные действия создают содержание такого вида деятельности, как искусство.

В самом общем значении *искусство можно определить как специфический вид деятельности, обусловленной эстетическим отношением к миру, и направленной на создание наглядных средств, выражающих внутреннее переживание человека при его восприятии явлений действительности.* Результаты этой деятельности представлены в виде определенной системы образов. Будучи основной формой художественного мышления, образ соединяет в себе духовную и предметно-материальную реальность, поскольку переживание художника, само по себе недоступное для восприятия другими людьми, воплощается в чувственно конкретном материале (красках, звуках, словах или особым способом организованных движениях). Это обеспечивает для художника возможность передавать информацию о своем внутреннем состоянии другим людям так, чтобы вызывать и в них соответствующее переживание.

Таким образом, *мировоззренческая функция искусства проявляется, прежде всего, благодаря тому, что оно является одновременно и формой духовно-предметного освоения окружающей действительности, и сред-*

ством человеческого самопознания. Действительно, создавая в результате своего творческого поиска новую систему образов, в которых выражено его видение каких-то явлений и событий, художник не только увеличивает число материальных ценностей соответствующего общества, но и может изменить представление этого общества о самом себе. А это, в свою очередь, способствует качественному изменению всей системы норм и идеалов, определяющих восприятие людьми условий и обстоятельств их жизни. Заставляя взглянуть на мир по другому, искусство открывает человеку какие-то новые цели и перспективы его бытия.

К тому же искусство, наряду с моралью, религией и правом, является еще и регулятором межчеловеческих отношений. Создаваемые художниками образы, в которых воплощаются коллективные представления о «Добре», «Зле», «Справедливости» или «Доблести», становятся наглядными эталонами, влияющими на поведение людей. Хорошо известно, как много подражаний вызывали, например, такие литературные персонажи, как Овод, Печорин или Базаров. В результате освоения художественных образов массовым сознанием, они превращаются в культурные ориентиры, задающие ценностную направленность жизнедеятельности всего общества в целом. Такое воздействие искусство оказывает благодаря тому, что художник, даже стремящийся как можно более точно изобразить некий фрагмент действительности, на самом деле всегда выходит за рамки «сиюминутной данности».

Хотя в своих произведениях их авторы достаточно часто наглядно изображают конкретных людей, знакомые всем вещи или явления, художественные образы на самом деле выражают человеческое отношение к действительности в не менее обобщенной форме, чем научные понятия. Наглядное изображение конкретных деталей позволяет выразить знание и о скрытых свойствах действительности. Строки О. Мандельштама:

Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени
И красок звучные ступени
На холст как стружья положил

— передают ведь не только зрительное впечатление от конкретной картины. Здесь и особое отношение поэта к жизни в целом. Космический масштаб человеческого бытия — одна из типичных черт поэзии Б. Пастернака. Можно ли было сказать:

Тенистая полночь стоит у пути,
На шлях навалилась звездами,
И через дорогу за тын перейти
Нельзя, не топча мироздания

— не ощущая себя частью целой Вселенной? Описывая некий частный жизненный случай, настоящий художник создает образец, который потом может определять восприятие множества людей, сталкивающихся с какими-то ситуациями, хотя бы отчасти сходными с изображенной в произведении искусства.

Процесс превращения отдельного образа в элемент культурного мировоззрения проходит через множество различных стадий. Часто в качестве исходного материала выступают персонажи, порожденные народной фантазией и выражающие коллективные представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Прометей, Тиль Уленшпигель, доктор Фауст, Демон — все они известны современному человеку по многочисленным произведениям искусства. Но придумали их не авторы этих произведений, они являются результатом народного творчества.

Лермонтовский Демон, например, воспринимается читателями как романтический бунтарь (что существенно расходится с традиционной религиозной трактовкой, рассматривающей Демона в качестве одной из форм «нечистой силы»). Мефистофель (также являющийся в церковной традиции носителем Зла) в знаменитой трагедии Гете «Фауст» предстает не столько охотником за человеческими душами, сколько мыслителем, стремящимся найти ответы на важные для человечества вопросы. А в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» Воланд (еще одно воплощение Дьявола) оказывается необходимой стороной Добра, без которой невозможно восстанавливать в мире нарушаемую людьми справедливость.

И поскольку разных художников привлекают разные черты избранного персонажа, постольку в культурном сознании определенной эпохи или определенного народа складывается некое «стереоскопическое» его восприятие, обусловленное пониманием того, что один и тот же образ может выражать существенно различные идеи. Закрепленные средствами искусства, такой образ становится средством направленного формирования общественного сознания. Те же Прометей или Фауст, русский Илья Муромец или немецкий Зигфрид не раз использовались (и продолжают использоваться) для построения всевозможных политических программ и идеологических концепций.

Опыт взаимодействия людей с окружающей действительностью порождает у них целый набор ожиданий определенного «ответа» со стороны мира на каждое конкретное действие. И хотя носителем такого рода ожиданий всегда является конкретный индивид, они никогда не выражают только его личностный опыт. Отношение каждого отдельного человека ко всему, с чем ему приходится сталкиваться в процессе своей повседневной жизнедеятельности, определяется в существенной степени мировоззрением той культуры, к которой он принадлежит. Его опыт формируется на основе опыта конкретного общества, социальной группы, регулируется представлениями и образами множества людей — соратников или противников. В свою очередь, обобщенный опыт коллектива способствует изменению и самого мировоззрения определенной эпохи.

Картина мира, создаваемая художниками каждой исторически конкретной эпохи, наглядно представляет для всех смутные ощущения, возникающие у людей этого времени при их общем взаимодействии с одними и теми же фрагментами действительности. Она выражает коллективные представления о том, в какой степени окружающий мир

освоен человеком, отделяет знакомые, привычные вещи и явления от тех, которые пока не очень понятны и потому могут таить в себе опасность. В любом образе, входящем в содержание художественной картины мира, содержится явная и скрытая информация не только о свойствах среды, уже обнаруженных и зафиксированных, но и о таких, которые хотелось бы найти.

Поэтому такая картина обеспечивает всем членам какого-то общества возможность взаимного понимания, позволяет координировать их совместные действия, направленные на достижение общей цели. Краски и слова, звуковые сочетания, создающие музыкальный ряд, сами предметы, отбираемые художником для выражения своего отношения к действительности — все это объединяется в некое целое душевным состоянием, в котором находится автор, создающий произведение искусства. И если ему удалось передать это состояние другим людям, тогда оно начинает влиять на особенности мировоззрения общества в целом. *Множество конкретных вещей — здания, картины, книги и музыкальные сочинения — в своей совокупности и задают образ, картину мира, определяющую человеческие цели и действия.*

Каждая культура создает свою «воображаемую реальность», выражая в ней мировосприятие своих носителей. И образы, представляющие содержание «желаемого состояния мира», позволяют связать прошлое и настоящее, настоящее и будущее как отдельных народов, так и человечества в целом. Такая особенность обусловлена тем, что хотя результаты художественного творчества обязательно отражают особенности какого-то национального сознания, само искусство по своей сути интернационально, поскольку воздействует на чувства людей, а их природа у всех достаточно одинакова.

Задания к Разделу II

Для самоконтроля:

1. Какую роль играет в человеческой истории возникновение и развитие науки?
2. Чем отличаются языки науки и искусства? Образные представления в науке и искусстве?

Для обсуждения:

1. Противостоят ли друг другу наука и религия?
2. Чем определяется представление об истинности знания?
3. Как человек понимает объясняемое?

Для самостоятельной работы:

1. Привести примеры метафор в научном знании.
2. Как влияют друг на друга искусство и наука?

НОВОЕ В ФИЛОСОФИИ

Проективный
философский словарь*

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ (Выпуск 12)

АВТОПОЛЕМОС (Autopolemos) – спор с самим собой. Автополемос видит во внутренней гармонии источник стагнации и смерти; жить полноценно – значит противоречить себе. Платон-философ против Платона-поэта, Пастернак-поэт против Пастернака-философа, Витгенштейн поздний против Витгенштейна раннего, Платонов-антикоммунист против Платонова-коммуниста, «Песни опыта» Блейка против его же «Песен невинности», «Даная» Рембрандта 1646-го – поверх холста «Данаи» 1636-го. Но ничто не может быть отвергнуто окончательно. «Жалкая беспомощность» двухголового человека (Парменид), вроде бы не способного, как буриданов осел, на последний выбор, превращается в абсолютную творческую силу, что мы можем наблюдать, например, в творчестве С. Кьеркегора – одновременно этика, эстетика и рыцаря веры.

В широком смысле автополемос присутствует в самых разных переживаниях: от сомнения до раскаянья, от чувства вины до рефлексивности как таковой, от аскезы до самоубийства, от борьбы с искушением до преодоления собственных пределов. В узком – это выдвижение против одного тезиса, с которым ты себя отождествляешь (ял), другого тезиса, не менее значимого для тебя. Эта «естественная антитетика разума» (И. Кант) коренится в исходной автополемичности существования, в базовой и нередуцируемой амбивалентной структуре перехода между подлинным (бытием самим собой) и неподлинным (бытием не самим собой), которую описал М. Хайдеггер.

1. Ахутин А.В. Тяжба о бытии. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

2. Библер В.С. Мышление как творчество. – М.: Политиздат, 1975.

3. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994.

* Издательство «Гуманитарий» готовит к изданию «Проективный философский словарь. Новые термины и понятия» под редакцией Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. Издание 2-е, дополненное. Фрагменты словаря регулярно публикуются на страницах журнала «Философские науки», начиная с № 10 за 2009 г.

4. Лехциер В.Л. Спор о споре или колючая изнанка методологии // Вестник Самарского государственного университета. – 2004. № 3 (33).

5. Лехциер В.Л. Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. – Самара: Самарский университет, 2007.

6. Савченкова Н.М. Альтернативные стили чувственности. – СПб.: С.-Петербургский ун-т, 2004.

В.Л. Лехциер

ПЕРЕ-ЖИВАНИЕ (Ex-perience)

Пере-живание, или жизнь в модусе «пере» (переходности) есть фундаментальный способ человеческого бытия. Феномен переходности описан в социальной теории, истории, антропологии (обряды перехода), лингвистике, психологии (тема транса и переходных возрастов), но ни эти науки, ни тем более формальная или диалектическая логика не схватывают существа «пере» как реального онтологического опыта, фундирующего все прочие явления переходности. «Пере» – это страдательно-респонзивный, событийно-незавершенный опыт экзистенциальной перемены. В отличие от мгновенных сказочных превращений, в которых действует автоматическая машинка преобразования, в человеческом экзистировании всегда есть выделенные место и время «пере», где при твоём же участии совершается событие твоего же преобразования. Внутри любого мгновенного обращения (примеры: от ап. Павла до Алеши Карамазова, который «вдруг» превратился из «юнца» в «бойца») мы обнаруживаем бытие-в-переходе, структуру *patos-respons* (вопрос-ответ), *промежуток*, насильственный перерыв обычной длительности, повседневного понимания мира и самопонимания, вызванный вторжением Иного и требующий твоего личного ответа на онтологическую задетость. Так совершается *переход через внутренние Альпы*.

«Пере» настаивает в любом регионе опыта, номинально как повседневном (болезнь, уколы совести или вызов любви), так и неповседневном (в религии, искусстве). Однако сингулярные «ключевые события» вторжения Иного, которые со мной *случаются*, лишь обостряют «абсолютное событие» (Ж.-П. Сартр) моей фактичности, *всегда* заданной мне в свете моей конечности. Это делает переживание в терминах М. Бахтина постоянным «предстоянием» себе, «еще-не-бытием», никогда не завершаемым опытом одновременно *бытия-под-вопросом* и *бытия-в-ответе*.

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х г. – М.: Русские словари; Языки русской культуры, 2003.

2. Вальденфельс Б. Мотив чужого. – Мн.: Прополис, 1999.

3. Лехциер В.Л. Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. – Самара: Самарский университет, 2007.

3. Тульчинский Г.Л. Разум, воля, успех. О философии поступка. – Л., 1990.

4. Щитцова Т.В. Событие в философии Бахтина. – Мн.: И.П. Логвинов, 2002.

В.Л. Лехциер

Антропологическая мера (Anthropological measure) в современных гуманитарных науках – интервал, система референции, предел, границы, диапазон «особости», индивидуальности, уникальности человека, условия его самоощущенности и качественной (специфически человеческой) определенности.

Для философии всегда был характерен интерес к отысканию адекватной антропологической меры, причем меры «естественной», вырастающей изнутри, из самой природы человеческого и способа его бытия. В связи с этим тема антропологической меры всегда была связана: с поисками сущности, идентичности и динамики человеческого, активностью человека в становлении и самополагании; с темой антропологических границ и пределов; с поисками адекватной шкалы и точки отсчета (системы референции) человеческого; а также с попытками философской и социокультурной экспертизы Иного (как того, что ограничивает собственно человеческое, и как того, что нередко задает антропологическую меру).

В ходе подобного поиска философское мышление, как правило, наталкивалось на логико-семантические парадоксы, многие из которых находили свое разрешение путем создания онтологий, а priori включающих трансцендентное «феноменальному» человеку и наличному человеческому опыту в качестве антропологической сущности и меры подлинности человеческого существования. Моделируемый философией человек тем самым обретал специфическую мерность или в отождествлении, или в противопоставлении Иному, тому, что выходило за рамки его наличного опыта и способа бытия. Сама же антропологическая мера оказывалась отражением противоречия между различными измерениями универсума или собственно человеческими модусами бытия.

Генезис данного понятия позволяет выявить ряд смыслов и коннотаций: эквивалент мудрости, гармонии и порядка; мера-пропорция; эталонный образец. Не менее важный момент связан с мерой как с «золотой серединой», размеренностью, равновесным центром между избыточностью и недостаточностью, а также с понятием оптимума и совершенства. Мера не просто существует объективно, но задается человеком, прилагается им к конкретным вещам и процессам. Человек выступает мерой всех вещей. Благодаря диалектической логике

Гегеля полисемантема меры приобретает динамику саморазвивающегося, самодвижущегося понятия, становится категорией, имманентно связанной с противоречием, с тенденцией к превышению и изменению наличной меры. При этом притязания на знание, определение, задание меры предполагают знание не только границ, но и того, что ограничивает Иного как другого, чужого, внеположенного, трансцендентного исходному состоянию или опыту. Попытки философии игнорировать «Иное» (упразднить инакость и инаковость как объективный факт и субъективный смысл) лишают философский вопрос о человеческом его качественной стороны.

Несмотря на то, что социокультурная действительность, гуманитарная литература и обыденная речь изобилуют нормами и стандартами, рассуждениями о мере человеческого в человеке (степени его гуманности, бесчеловечности и сверхчеловечности), вопрос о возможности аппликации категории меры к человеку и очеловеченному миру (вопрос об унификации, стандартизации меры, о валидности измерения собственно человеческого в каких-либо известных единицах измерения) до сих пор не разрешен положительно.

В философии принято выделять простую, или непосредственную меру, системную меру и реальную меру. Применительно к человеку аперспективная, фиксированная как наличное состояние современного человека совокупность признаков и черт человеческого как среднестатистического homo sapiens составляет его простую непосредственную меру. Системная мера определяется, принимая во внимание масштабные «системы погружения» (природа, социум, Вселенная и т.д.) человеческого, а также его положение внутри данных систем, отношение человека к границе (центральность, периферийность и т.д.). Системная мера задает многомерного человека, где некоторая связанность плюральных измерений обеспечивается за счет общего контекста системы. Реальная же (перспективная) мера, как мера человека, рассматриваемого с точки зрения всех его возможных (и невозможных) систем взаимодействия, где репрезентируется его качество, – есть иномерность – мера, задаваемая во взаимодействии и перспективе актуализации Иного, в том числе и онтологически за пределами человеческого.

Ю.В. Шичанина

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Неизвестное прошлое. Из истории философских форумов

О ВСЕМИРНЫХ ФИЛОСОФСКИХ КОНГРЕССАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

С.Н. КОРСАКОВ

На страницах журнала «Философские науки» читатели смогли ознакомиться с тем, как проходили VII (Оксфорд, 1930), VIII (Прага, 1934), IX (Париж, 1937), X (Амстердам, 1948), XI (Брюссель, 1953), XVIII (Брайтон, 1988), XIX (Москва, 1993) Всемирные философские конгрессы, и узнать, какое участие принимали в них отечественные философы¹. Многие из представленных в этих обзорах факты не были ранее известны у нас.

Недавние Всемирные философские конгрессы: XX (Бостон, 1998) и XXI (Стамбул, 2003), разумеется, напротив, на памяти у многих наших философов. Информация о них была широко представлена на страницах философских журналов². Само собой, это относится и к последнему, Сеульскому конгрессу (2008), работа и итоги которого обстоятельно освещались в журнале «Философские науки».

Что же касается Конгрессов конца 1950-х – начала 1980-х гг., то в их работе принимали участие философы нашей страны, и обзоры дискуссий на этих Конгрессах помещались на страницах советской философской печати. Это касается XII (Венеция, 1958)³, XIII (Мехико, 1963)⁴, XIV (Вена, 1968)⁵, XV (Варна, 1973)⁶, XVI (Дюссельдорф, 1978)⁷ и XVII (Монреаль, 1983)⁸ Всемирных философских конгрессов. Безусловно, эти обзоры носили на себе неизбывную печать идеологии, однако, по крайней мере, давали информацию для размышления.

Но первые шесть Всемирных философских конгрессов и поныне совершенно неизвестны у нас даже специалистам. А ведь в этих форумах участвовали русские философы, причем участие их было довольно активным. На I (Париж, 1900), II (Женева, 1904), III (Гейдельберг, 1908) и IV (Болонья, 1911) Конгрессы выезжали делегации философов из России. В V (Неаполь, 1924) и VI (Кембридж, США, 1926) Конгрессах принимали участие русские философы-эмигранты.

С тех пор минул век, многое было неоправданно вычеркнуто из истории отечественной философии – что приходится теперь с трудом восстанавливать. Сказывается и то, что Россию на этих Конгрессах

представляли не религиозные публицисты, пропагандировавшие «русскую идею», чьи сочинения ныне так популярны. В международном философском сообществе, напротив, ценились профессионалы, специалисты в области теории познания, логики, методологии науки и истории философии, такие, как Н.А. Васильев, В.Н. Ивановский, Б.В. Яковенко и др. Именно эти философы в основном выступали на Конгрессах с докладами и избирались от России в Международное бюро Конгрессов.

Обзоры первых Конгрессов без сомнения должны были публиковаться в русских философских журналах, так как представляли большой интерес для русского образованного читателя. Нами были предприняты систематические библиографические разыскания. Весьма информативным оказался составленный А.А. Ермичевым указатель философских статей из русских журналов начала XX в. Кроме того, использовались указатели журнала «Вопросы философии и психологии»⁹. Благодаря этим библиографическим пособиям удалось выявить напечатанные в русских журналах обзоры I, II и IV Конгрессов. Их авторами были известные русские философы Ю.И. Айхенвальд, Г.И. Челпанов и много сотрудничавший с русскими философами немецкий философ А. Руге¹⁰.

Составленная А.А. Ермичевым и А.М. Шитовым библиография работ Б.В. Яковенко¹¹, члена Комитета Всемирных философских конгрессов, помогла найти еще один обзор IV Конгресса, принадлежащий перу Б.В. Яковенко¹². Информация по Гейдельбергскому конгрессу была взята из книги В.А. Бажанова о русских логиках¹³. Брошюру с обзором этого Конгресса опубликовал в свое время выдающийся логик Н.А. Васильев¹⁴.

Публикацию о Конгрессе, состоявшемся в США на базе Гарвардского университета, удалось найти благодаря замечательному библиографическому справочнику Я.С. Розанова о советской послереволюционной философской литературе¹⁵. Конгресс этот проходил в 1926 г., как раз тогда, когда в СССР началось недолгое возрождение философских исследований, связанное с созданием А.М. Дебориным Института философии. Очевидно, по его инициативе в журнале «Под знаменем марксизма» был опубликован обзор этого Конгресса, подписанный инициалами М.Д.¹⁶ Псевдоним этот не расшифрован.

В «патовом» пространстве оказался только Неапольский конгресс. Статей по нему в отечественной периодике нам обнаружить не удалось. Вероятно, ему были посвящены публикации в русскоязычной эмигрантской литературе. Доклад, сделанный на этом Конгрессе Б.В. Яковенко, опубликован в сборнике трудов этого философа «Мощь философии»¹⁷.

Журнал «Философские науки» начинает публикацию обзоров первых Всемирных философских конгрессов из русских философских журналов начала XX века. Публикации будут сопровождаться биографической ссылкой и краткими сведениями об авторах статей.

Вот наш план публикаций:

I Конгресс. Париж, 1900.

Айхенвальд Ю.И. Международный философский конгресс в Париже // Русская мысль. 1901. Кн. 4. – С. 45 – 53.

II Конгресс. Женева, 1904.

Челпанов Г.И. II Международный философский конгресс в Женеве // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74 (IV). – С. 579 – 589.

III Конгресс. Гейдельберг, 1908.

Васильев Н.А. Третий Международный философский конгресс в Гейдельберге. 31 августа – 5 сентября 1908 г. – СПб., 1909. 35 с.

IV Конгресс. Болонья, 1911.

Руге А. Четвертый Международный конгресс по философии в Болонье // Вопросы философии и психологии. 1911. Кн. 108. – С. 394 – 431.

Яковенко Б.В. Четвертый Международный конгресс по философии // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. Часть 37. Новая серия. Январь. – С. 1 – 34.

VI Конгресс. США, Кембридж, 1926.

М.Д. VI международный философский конгресс // Под знаменем марксизма. 1927. № 2 – 3. – С. 200 – 210.

Мы планируем рассказывать также о тех философах, кто представлял на первых Всемирных философских конгрессах Россию. Читатель сможет ознакомиться с биографическим очерком о В.Н. Ивановском уже в этом номере. Впервые по архивному подлиннику будут опубликованы его воспоминания.

Мы открываем серию публикаций о Конгрессах статьей Ю.И. Айхенвальда. Напечатанный в 1901 г. в «Русской мысли» обзор I Всемирного философского конгресса написал известный литературный критик, переводчик и философ Ю.И. Айхенвальд (1872 – 1928), высланный из России в 1922 г. Ю.И. Айхенвальд был секретарем редакции журнала «Вопросы философии и психологии», работал в журнале «Русская мысль». Он перевел на русский язык сочинения Шопенгауэра и книгу о Шопенгауэре Куно Фишера¹⁸. Принадлежность Ю.И. Айхенвальду статьи о Парижском конгрессе определялся по указателю А.А. Ермичева. Статья подписана одним из литературных псевдонимов Айхенвальда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Философские науки. 2008. № 3; 2009. № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.

² См., например: К итогам XX Всемирного философского конгресса // Вестник Российского философского общества. 1998. № 3; XX Всемирный философский конгресс // Вопросы философии. 1999. № 5; Отзывы и мнения участников XXI Всемирного философского конгресса // Вестник Российского философского общества. 2003. № 3, 4; 2004. № 1.

³ См.: Доклады и выступления представителей советской философской науки на XII Международном философском конгрессе. – М., 1958;

Юлина Н.С., Михаленко Ю.П., Садовский В.Н. Некоторые проблемы современной философии. Критический обзор материалов XII Международного философского конгресса (Венеция, 1958). – М., 1960; *Митин М.Б.* О XII Международном философском конгрессе в Венеции // Вопросы философии. 1958. № 12; Философский конгресс в Венеции. – М., 1959; *Копнин П.В.* XII Международный философский конгресс. Заметки участника // Философские науки. 1959. № 1. – С. 233 – 238; *Мельвиль Ю.К.* О главных течениях идеалистической философии на XII Международном философском конгрессе // Вопросы философии. 1959. № 2.

⁴ См.: *Федосеев П.Н.* Торжество материализма и упадок буржуазной философии (XIII Всемирный философский конгресс) // Коммунист. 1963. № 16. – С. 37 – 47; Философия и современная эпоха: Об итогах XIII Международного философского конгресса. – М., 1964; О чем говорят философы мира: заметки участников XIII Международного конгресса философов в Мексике. – Киев, 1964; *Копнин П.В.* Человек и эпоха в современной философии: Заметки участника XIII Всемирного философского конгресса // Коммунист Украины. 1964. № 1. – С. 58 – 65.

⁵ См.: *Федосеев П.Н.* Об итогах XIV Всемирного философского конгресса // Вопросы философии. 1969. № 1. – С. 131 – 132; *Константинов Ф.В.* Советские делегаты об итогах XIV Всемирного философского конгресса // Вопросы философии. 1969. № 1. – С. 132 – 133.

⁶ См.: *Шевченко В.Н.* На XV Всемирном философском конгрессе // Философские науки. 1974. № 2. – С. 321; *Федосеев П.Н.* Итоги XV Всемирного философского конгресса // Вопросы философии. 1973. № 12. – С. 8 – 24; *Скирдо М.П.* Борьба идей на XV Всемирном философском конгрессе. – М., 1974; *Фролов И.Т.* Прогресс науки и будущее человека (Опыт постановки проблемы, дискуссии, обобщения). – М., 1975; *Старостин Б.А.* Философские конгрессы международные // Большая советская энциклопедия. Т. 27. 3-е изд. – М., 1977. – С. 421 – 422.

⁷ См.: *Федосеев П.Н.* Философия и мировоззренческие проблемы современной науки // Вопросы философии. 1978. № 12. – С. 34 – 49; Вопросы философии. 1979. № 1. – С. 72 – 87; *Федосеев П.Н.* Философия и научное познание // Правда. 1978. 18 сентября; *Фролов И.Т.* Жизнь и познание (очерк основных философских проблем современной биологии) // Вопросы философии. 1979. № 8. – С. 16 – 33; Философия и мировоззренческие проблемы современной науки: Материалы XVI Всемирного философского конгресса (Дюссельдорф, 27 августа – 2 сентября 1978 года). – М., 1981.

⁸ См.: *Смирнов Г.Л.* Философия и культура // Правда. 4 октября 1983; *Гуревич П.С., Лапин Н.И., Смирнов Г.Л.* К диалогу или к конфликту // Литературная газета. 26 октября 1983.; Философия и культура. – М., 1984.

⁹ См.: Философское содержание русских журналов начала XX века / Сост. А.А. Ермичев. – СПб., 2001; Указатель содержания журнала «Вопросы философии и психологии» // Вопросы философии. 1993. № 9. – С. 126 – 150; Вопросы философии. 1993. № 11. – С. 122 – 151; *Емельянов Б.В.* Русская философия на страницах русских журналов. – Екатеринбург, 2001.

¹⁰ См.: *Айхенвальд Ю.И.* Международный философский конгресс в Париже // Русская мысль. 1901. Кн. 4. – С. 45 – 53; *Челпанов Г.И.* II Международ-

ный философский конгресс в Женеве // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74 (IV). – С. 579 – 589; *Puze A.* Четвертый Международный конгресс по философии в Болонье // Вопросы философии и психологии. 1911. Кн. 108. – С. 394 – 431.

¹¹ См.: *Ермичев А.А., Шитов А.М.* Материалы к библиографии работ Б.В. Яковенко // *Яковенко Б.В.* Жизнь и философия Иоганна Готлиба Фихте. – СПб., 2004.

¹² См.: *Яковенко Б.В.* Четвертый Международный конгресс по философии // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. Часть 37. Новая серия. Январь. – С. 1 – 34.

¹³ См.: *Бажанов В.А.* История логики в России и СССР. – М., 2007.

¹⁴ См.: *Васильев Н.А.* Третий Международный философский конгресс в Гейдельберге. 31 августа – 5 сентября 1908 г. – СПб., 1909.

¹⁵ См.: *Розанов Я.С.* Философско-социологическая литература марксизма за первое десятилетие советской власти (1917 – 1927). – М., 1928. 319 с.

¹⁶ См.: *М.Д.* VI международный философский конгресс // Под знаменем марксизма. 1927. №№ 2 – 3. – С. 200 – 210.

¹⁷ См.: *Яковенко Б.В.* Мощь философии. – СПб., 2000.

¹⁸ См.: Айхенвальд Юлий Исаевич // *Алексеев П.В.* Философы России XIX – XX столетий. Биографии, идеи, труды. – М., 2002. – С. 31.

Аннотация

Во Всемирных философских конгрессах, начиная с Первого конгресса (Париж, 1900 г.), принимали участие русские философы. Обзоры Конгрессов публиковались в ведущих русских гуманитарных журналах. Авторами их были крупнейшие философы: Г.И. Челпанов, Н.А. Васильев, Б.В. Яковенко.

Ключевые слова:

философские конгрессы, история, Г.И. Челпанов, Н.А. Васильев, Б.В. Яковенко.

Summary

In the World philosophical congresses since the First congress (Paris, 1900) Russian philosophers took part. Reviews of the Congresses were published in most influential Russian humanitarian magazines. Authors of them were the largest philosophers: G.I. Chelpanov, N.A. Vasiljev, B.V. Jakovenko.

Keywords:

the philosophical congresses, a history, G.I. Chelpanov, N.A. Vasiljev, B.V. Jakovenko.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС В ПАРИЖЕ

Если понимать философию в том смысле, который ей придавали в старину и который имеет своих адептов еще и до сих пор, то может показаться очень странным такое сочетание слов: «конгресс философов». Не своеобразный ли это концерт, где каждый по очереди играет свою пьесу и затем удаляется? Иль это бранное поле, на котором теории и системы падают только для того, чтобы снова возродиться, подобно воинам. Вальгалы? Такие сомнения могло возбуждать еще и то обстоятельство, что устроителями философского турнира явились принципиальные метафизики и они должны были предоставить особым конгрессам именно те отрасли философии, которые уже заслужили титул позитивных наук, – психологию и социологию. Международный собор чистой мысли ограничился только четырьмя секциями: общая философия, логика и философия наук, этика, история философии.

Но тревожные и недоверчивые ожидания не сбылись. Рефераты были выслушаны не только с эстетическим любопытством, но и с живым стремлением взвесить в них истину и ошибки; прения, достаточно активные, все-таки скорее отличались сдержанностью, чем излишеством. Оказалось, что даже в области философии разделение труда сделало значительные успехи, и в большинстве случаев интереснее было учиться от референтов, чем возражать им.

Заседания происходили с 1 по 5 августа 1900 г. в лицее Людовика Великого, в разгаре всемирной выставки. Душою всей организации конгресса был секретарь редакции *Revue de métaphysique et de morale* Ксавье Леон со своими товарищами Кутюра и Галеви. Секретарями этической секции были избраны m-elles Бертши и Дарлю: на почве такой рационалистической науки, как философии, легче всего могло осуществиться женское равноправие, хотя бы и в столь невинной форме. По своему профессиональному составу конгресс был очень разнообразен; из иностранцев преобладали ученые, в особенности математики, – среди последних отметим нашего соотечественника профессора А.В. Васильева. Обратил на себя внимание своими рефератами Чатерджи (Chatterji), профессор индусской коллегии в Бенаресе. Личное ознакомление мыслителей друг с другом было очень плодотворно: недомолвки литературных работ, неподвижность печатных сочинений находили себе желанный корректив в устной, живой беседе, которая рассеивала много недоразумений, сделала яснее отвлеченные теории.

Конгресс был открыт главным президентом Бутру, который произнес очень содержательную приветственную речь. Он напомнил, что во время первой всемирной выставки, в 1855 году, Ренан выразил боязнь, как бы сооружение дворца промышленности не послужило симптомом интеллектуального падения и торжеством материи на счет духа. Как счастливо был бы изумлен великий скептик, если бы он мог видеть пятую выставку, которая созвала философский конгресс в обществе, по-видимому, все-

цело объятых интересами материальной культуры! После Шеллинга и Гегеля произошел глубокий разрыв между наукой и философией, до тех пор соединенными в одно идейное целое. Философия презрела науку, — наука выражала притязания на то, что она обойдется без философии. Не могло быть и речи о коллективном труде, когда представитель каждой отдельной философемы думал, что в своем индивидуальном сознании он обладает всей совокупностью условий, необходимых для изыскания истины. Но теперь все это изменилось. С одной стороны, философия пошла навстречу наукам, убедившись, что они ставят себе живые и реальные задачи, которыми она не может пренебрегать; с другой стороны, ученые, пережив энтузиазм принципа «наука для науки», почувствовали стремление завершить свое дело и придать ему общий смысл путем философского синтеза тех фрагментарных выводов, к которым они пришли уже в своих специальных занятиях. В этом союзе философия не потеряла своего характера, она не сделалась простым продолжением всех положительных наук, — она стала руководить ими. Философия протянула руку гениям науки, искусства, общественной практики, она спрашивает у них о фактах и реальностях, — но в то же время зовет их к идеальным целям человеческой жизни. Психология, например, приблизилась к строю наук биологических: она предполагает, что всякое душевное состояние находится в единообразном отношении к состоянию мозга; она исследует психические феномены, насколько это возможно, в их осязательных формах, которые поддаются анализу, измерению, эксперименту, — но в то же время психология сохранила свою относительную независимость и философский замысел, и, далекая от того, чтобы наподобие физиологии или анатомии видеть в простом объяснение сложного и раствориться в пыли элементарного, она самые элементы объясняет из их синтеза и ищет общих начал для частных явлений. То же и в теории познания: хотя ее фундаментом служат позитивные науки и из них черпает она свой материал, но в центре ее остается философская и оригинальная идея умственной активности; ее своеобразная задача состоит в том, чтобы раскрыть законы чистого мышления, чистого разума. Политика, восприняв в себе элементы философии, под молодым именем социологии берет у наук о материи все сведения, какие только они могут дать, — но она не растворяется в них, потому что ее специфический характер заключается в изыскании не того, как части определяют целое, а того, как целое определяет части. По тому же пути идут метафизика, логика, этика, история философии: они сближаются с фактами, питаются ими, но не переходят в них всецело. Философы не отождествились с учеными и все-таки усвоили себе по крайней мере некоторые из их черт: они тоже ищут теперь не удовлетворения индивидуальной потребности ума, не прекрасной творческой грезы, а общечеловеческой истины; и у них воцарился теперь коллективный труд, и они поняли, что сила в союзе. Правда, каждая отрасль философии склонна считать себя чем-то довлеющим, видит в себе целое и замкнутое, центр мысли, и она могла бы повторить о себе гётевский стих: *Du nennst dich einen Theil, und stehst doch ganz vor mir, —*

но такое разделение возможно только с внешней стороны; по существу же оно было бы интеллектуальной анархией, против которой восстает наша неискоренимая потребность в гармонии и единстве. Специальные и разнородные философские науки не являются последней гранью в эволюции философии, — они представляют собою только ассизный суд философии будущего. То стремление посмотреть на вещи *sub specie aeternitatis*, которое воодушевляло великих мыслителей прошлого, не исчезло и ныне. Но возможна ли такая энциклопедическая философия теперь, когда бесконечное развитие науки далеко превышает индивидуальные силы всякого, хотя бы и выдающегося ума? Конечно, для отдельной личности недоступна эта всеобъемлющая основа точных знаний, на которой только и может воздвигнуться универсальная философия. Но то, что не под силу одному, осуществляет ассоциация умов, которые обмениваются между собою сокровищами фактов и идей. От материальных встреч философов сближаются мысли, живое слово объединяет интеллигенции, и в наше время сознание индивидуума как бы теряет свою непроницаемость. Оболочка *я* утончается, стремится исчезнуть, подобно тому как небесный свод древних от орлиного зора Коперника истаял и распался, для того чтобы привести наш маленький мир в соотношение с неизмеримостью. Из отдельных сознаний формируется единый и общий дух, и если наши предки создали семейное, племенное, государственное сознание, то нам суждено осуществить сознание общечеловеческое — орган будущей великой философии. Но когда мы собираемся вместе для работы над этим синтезом духа, когда мы сообща думаем, то мы становимся не только одним умом, но и одной волей, одним чувством. И труд наш совершается не только во имя чистого сознания, но и во имя лучших идеалов жизни. Мы сошлись ради успеха философских наук, однако этот конгресс сослужит и иную службу: он объединит нас в близкую семью, он вызовет истинную дружбу, которая ни от кого не потребует отречения от своей индивидуальности, таланта и суждений и позволит каждому наслаждаться чужой активностью мысли как своею собственной. Конгресс — символ и очаг той дружбы, которая да распространится среди людей!

Эти мысли Бутру были приняты с горячим энтузиазмом, выразителем которого явился профессор Упсальского университета Geijer; от имени иностранцев он благодарил президента и комитет и приветствовал новую организацию умов и волю, которая стремится подняться выше национальных различий и «даже национальных предрассудков».

Первое заседание было соединенным: в нем сошлись члены философского конгресса и конгресса по вопросам высшего образования; оно было специально посвящено анализу преподавания философии, особенно в средних школах.

Затем во всех секциях был прочитан целый ряд сообщений и речей, из которых мы отметим лишь немногие, наиболее интересные и типичные для направлений современной философской мысли.

Одним из первых был прочитан реферат отсутствовавшего Б.Н. Чичерина «Метафизика есть ли наука?». Он напечатан в 54-й книге *Von-*

росов философии и психологии, куда мы и отсылаем интересующихся читателей.

Основная идея, проникавшая собою конгресс, — слияние философии и наук — была, кроме Бутру, приветствована знаменитым историком греческой науки Таннери. Как президент секции логики и истории наук, он обратил внимание на то, что самая эта секция служит доказательством такого слияния. «Я потому избран президентом секции, — говорил Таннери, — что мне симпатизируют ее организаторы; а эту симпатию я приобрел тем, что поощрял их, когда они были молоды, идти по избранной дороге знания. Одним я внушал не отворачиваться от философского умозрения, как венца частных истин; других, более интимных с метафизикой, чем с положительными науками, я склонял изучать последние в их деталях, которые отражают их истинный дух. В сущности единство философии и науки царило всегда, но только был период — долгий для нас, короткий для истории, — когда этого союза не замечали. В начале XIX века ученые в беспрестанном накоплении знаменательных фактов как бы не имели досуга выйти за рамки последних. Но кто же, вспомнив благие результаты этой поры фактицизма, решится бросить ученым горький упрек за это? С другой стороны, философское движение, созданное гением Канта, было так интенсивно, человеческое сознание было так глубоко взволновано им, что некоторые забыли все остальное, забыли строгую точность науки и ее метода. Но кто же станет отрицать всю плодотворность кантовской критики? В продолжение XIX века ученые приносили философам наиболее важные из своих выводов — как ценный материал для умозрения, и в свою очередь сами занимались разработкой таких философских проблем, как идея пространства и теория познания. Математическая логика — разве это не органический синтез науки и философии? Алгебра и логика — разве не позволяет их сочетание проникнуть в механизм дедукции? По истине можно сказать, что мнимый разлад философии и науки был следствием недоразумения со стороны некоторых философов и некоторых ученых: «своя своих не познаша».

В докладе проф. Тённиеса проводится мысль, что XIX век кончился, проникнутый идеей *творческого синтеза*, который должен объединить в законченную систему противоположавшиеся теории и понятия. «Творческий синтез» — это термин, который предложил Вундт для характеристики природы душевных состояний. Тённиес пользуется им для того, чтобы подчеркнуть не эклектическое, не случайное, а зиждательное направление современной мысли во всех ее сферах. Возрождаются былые идеи, на время подавленные критической и отрицательной философией. Физика XVII и XVIII веков знала материю, по своему существу инертную и получающую движение извне; физика XIX столетия, выдвигая момент живого творчества, провозгласила принцип энергии, богатой формами, принцип силы. Интеллектуалистическая психология прежнего времени уступила место психологии волюнтаристической, психологии воли, которая пытается из органических импульсов вывести элементарные функции чувствительности. Идея эволюции, в своей детской форме

встречающаяся еще у Аристотеля, достигает все большего и большего признания. Можно предсказать, что XX век, восприняв у Спенсера принцип эволютивной истории жизни, духа и культуры, у Конта — идею реорганизации социального строя, у Гегеля — идею метафизической обработки основ наших знаний, — XX век осуществит творческий синтез интеллектуальных систем, рожденных великими народами.

Илья Галеви резюмировал присланный на конгресс доклад профессора Г. Зиммеля *О религии с точки зрения теории познания*. Зиммель — социолог, и все явления духа он рассматривает как продукт общественных форм. Он игнорирует идеи и доктрины и влияние, которое они оказывают на исторический процесс. Сообразно его гносеологии, истина вовсе не есть согласие с объективной природой вещей, а произвольно-случайное приспособление, общее многим группам и представляющее собою более или менее стойкую полезность формул. Не только этика, но и логика имеет утилитарное происхождение и характер. Ту же формалистическую концепцию Зиммель прилагает и к религии. Он отделяет в последней форму от содержания, и его интересует не то, что почитается, а то, как и почему возникает почитание. Он устраняет из религии момент интеллектуальный и волевой, как недостаточно специфические и характерные для нее, и сводит ее к известному комплексу различных элементарных чувств. Религиозность — это одна из категорий чувства, которая придает свою тональную окраску тому или другому материальному содержанию, — будет ли последнее Бог, человек, народ или общественная группа.

В докладе под заглавием *Юм и современная философия* Делакруа указывает на то, что ассоциационизм, позитивизм, французский неокритицизм и современный немецкий эмпиризм свидетельствуют о жизненности философии Юма; ее игнорировал Кант, но в силу бессознательной инфильтрации феноменизм английского мыслителя проник в положительную философию.

Знаменитый комментатор критики Канта, проф. Файхингер, прислал реферат *о философии Ницше*. Автор высказал о своем замечательном соплеменнике мало нового; но интересно и симпатично то, что он совсем не отнесся к Ницше с обычным профессорским высокомерием. Он признает, что «сверхчеловеческие» теории не могут быть приняты вообще, как законченная система; но если смотреть на афоризмы Ницше, как на искры и лучи страстно ищущей мысли, то, при всем их несомненно опасном характере, они могли бы послужить стимулом к построению этики на новых и более глубоких основаниях.

Бутру высказал свои взгляды на *объект и метод в истории философии*. Историк философии беспристрастно ищет объективной истины; но в то же время он свободен в своем исследовании, и единственной целью является для него уважение к фактам и логике. История объективна, но в ее обширной сфере необходимо делать выбор, потому что нельзя всего пересказать из нее, нельзя охватить ее целиком. На чем же остановиться? Есть два ответа на предложенный вопрос, два метода. Можно искать у прежних авторов того, чем они приближаются к современному мировоз-

зрению; можно трактовать объект истории философии как законченное целое, в котором постепенно образовалась совокупность тех истин, какие являются достоянием наших дней. Но этот заманчивый способ телеологического объяснения не включает в себе внутренней гарантии и правильности. Ибо философия развивается не спокойно и последовательно, она знает бурные перевороты и волнения, те *corsi e ricorsi*, о которых говорил еще Вико; такова, например, кантовская революция, после которой нельзя уже смотреть на систему Локка, ее зародыш, с точки зрения XVIII столетия; таков девиз Целлера «возвращение к Канту», зовущий молодые поколения не вперед, а назад. Более надежен другой метод, в силу которого о прошлом судят как о прошлом и каждого писателя разбирают с его собственной точки зрения и в связи с его эпохой. Таким путем гораздо глубже можно проникнуть в изучаемый факт, т.е. в преемство мыслей и мирозерцаний. И это более справедливо по отношению к философам прошлого. «Объяснять писателя из него и для него, — сказал Гердер, — вот долг честного человека по отношению ко всякому другому честному человеку». Надо оставить в стороне конечные причины и держаться причин производящих, — надо идти не от настоящего к прошлому, а спускаться по той естественной лестнице, которую проложила история от прошедшего к настоящему.

Вслед за этим введением профессор Женевского университета Гур (Gourd) прочел доклад *о прогрессе в истории философии*, — одну из самых важных работ настоящего конгресса. Автор затронул очень серьезный и большой вопрос о том, движется ли вперед философия, не вращается ли она в заколдованном кругу одних и тех же веки неразрешимых проблем. Всякий несомненно признает за философией то достоинство, что она в гибкости своих построений конструирует формулы мира и жизни, приспособленные к нашей индивидуальности, и, не претендуя на вселенское значение, удовлетворяет субъективной «метафизической потребности», о которой так красноречиво говорил Шопенгауэр. Но, помимо этого чисто эстетического интереса и смысла, философия содержит в себе значительную долю объективных проблем, решение которых имеет существенную научную важность. Гур доказывает, что именно в этой научной области философии есть несомненный и реальный прогресс, — правда, медленный и скромный, исполненный приливов и отливов, но все-таки заметный. Мы знаем больше Аристотеля даже в философии, хотя он и превосходит нас гением. Этот прогресс философии состоит в двух поступательных движениях: одно направляется к науке, другое происходит в самой науке. Первое движение заключается в том, что философия становится все меньше и меньше интуитивной и мистической, принимая рационалистическую и объективную форму. Как и наука, она подчиняет произвольное знание знанию рефлексивному, и теперь уже не говорят в философии о преимуществе непосредственного созерцания и экстаза перед медленной точностью рассудочного анализа. Как и наука, для которой общим законом служит координация явлений, и философия стремится к универсальному и

необходимому, и понятие, доказательство, — это логическое орудие сближения фактов, играет в ней все возрастающую роль, вытесняя прежние элементы поэзии и мифологии. В то же время она освобождается из-под власти авторитетов. Оставаясь независимой от частных наук, она их систематизирует, — но с помощью их же процессов и в их духе. Для исполнения этой работы философия не должна выходить из сферы принципов и идей, присущих наукам феноменальным. Таким образом, философия сделалась наукой общих процессов человеческого духа и при этом ничего не потеряла в своем прежнем величии и даже в своих прежних притязаниях. Прогресс в самой философской науке сказывается в том, что проблемы получают решение и, решенные, делаются ступенями дальнейшего развития. Противники философии говорят, что она всегда трактует одни и те же вопросы; на самом же деле эти вопросы трансформируются и приобретают более определенный характер и более ясную постановку. Сравните проблему материи, как она была формулирована в древности, — и теперь. Кроме того, возникают новые вопросы, которые древним совсем не были известны, — например, вопрос о субъекте и объекте. Говорят, что перед философией всегда стоят одни и те же проблемы; на самом же деле остаются только имена, но под ними разумеются совершенно другие вещи. Сравните, например, греческий пантеизм и современный: какая значительная разница! Доктрины очищаются, подходят к своему типу, отбрасывают все излишние элементы. Говорят, наконец, что философия обильна противоречиями, но, во-первых, они не относятся больше к одним и тем же объектам, а, во-вторых, они вовсе не отличаются непримиримостью, если вспомнить, что всякая доктрина — это лишь определенная точка зрения на вещи и их транскрипция на известном языке. Для того, чтобы помирить эти противоречия, надо только освободиться от великого идола — отождествления умопостигаемого, научного объекта с самой реальностью. Наука и философия удаляются от того, что им дает действительность. На самом деле каждая доктрина выражает лишь один момент реальности, и можно установить иерархию истин, которые сначала кажутся противоречащими, а в сущности заключают в себе одна другую. На первом плане стоит эмпиризм; за ним следует и его объясняет рационализм, — они друг без друга обойтись не могут; самый рационализм поглощается в феноменальном идеализме. Так же обстоит с наукой, этикой, религией. Материализм и спиритуализм, свобода и предопределение — все обладают твердой и объективной истиной; но понять ее можно только в том случае, если ясно определить те проблемы, на которые эти решения претендуют ответить. Прогресс философии объединяет доктрины, не подавляя их, а указывая каждой ее место. Науке он отдает детерминацию, религии — не менее реальный остаток индетерминации, этике — спиритуалистический взгляд на душу и нравственную личность, который, однако, не мешает материализму быть руководящим методом физических и биологических исследований. И, наконец, каждому философия предоставляет избрать свою

систему, обнимающую низшие точки зрения, — как предоставляет каждому выбрать себе желательную роль в союзе человеческого труда.

Д-р Бонье высказался *об отношении интуиции пространства к интеллектуальным представлениям*. Автор исходит из того принципа, что психологические феномены не что иное, как движения мозгового субстрата; интеллект — это материя мягкой конституции, температура которой равна приблизительно 38°; вот почему каждая мысль, занимая определенный участок этой материи, необходимо имеет пространственный характер.

Фонтэн в докладе *об условиях ответственности* отметил, что идея ответственности в сфере труда подверглась трансформации. Если раньше ответственным за разные случайности во время работы был сам рабочий, то теперь он уступил эту роль своему патрону, который снабжает его *своими* орудиями производства. Из этого факта референт думает вывести заключение, по которому экономическое состояние общества всегда является основой идеи ответственности.

Лаланд, Гелон и приват-доцент Московского университета В.Н. Ивановский внесли свои проекты о средствах для выработки определенной философской терминологии, которая носила бы общий для всех национальностей характер.

Проф. Пароди ознакомил членов конгресса с весьма оригинальной теорией Дюрана (де Про), — теорией *полизоизма* или *политсихизма*, в силу которой наш организм обладает не одним психическим центром, а бесчисленным количеством особых индивидуальностей, соответствующих нервным центрам: каждый из последних представляет собою зоонит, или зойд, т.е. некоторое элементарное животное.

Г-жа Бертши сообщила о деятельности нью-йоркской Society for Ethical Culture и о положении университетов во Франции; Поль Дежарден — о деятельности Union pour l'action morale.

Много рефератов было посвящено философии математики и механики, были очень интересные для специалистов сообщения о разных моментах философии Платона и Аристотеля.

Вообще в разных рефератах были затронуты почти все кардинальные темы философии и ее истории. Конгресс оказал на всех участников очень бодрящее впечатление, и они вынесли из него глубокую уверенность, что союз философии и наук становится все теснее и плодотворнее*.

* Материалом для этого краткого очерка послужили обстоятельный отчет о конгрессе, данный редакцией журнала *Revue de métaphysique et de morale* (1900, № 5), и статья А. Lalande в № 11 *Revue philosophique* за 1900 г.

Ю.А.

ПРОФЕССОР В.Н. ИВАНОВСКИЙ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

С.Н. КОРСАКОВ

В истории русской философии многие страницы остаются пока еще «неразрезанными», а многие имена не востребованы так, как они того заслуживают. В их числе — профессор Владимир Николаевич Ивановский. Он не принадлежал к числу адептов «русской идеи», поборников национально-религиозного возрождения или политизированных публицистов, которые ныне значатся в ряду первейших философов России. В.Н. Ивановский всю жизнь трудился над собственно философскими проблемами, т.е. вопросами теории познания, логики и методологии науки, истории философии. Именно поэтому он не вписался ни в религиозную философию так называемого Серебряного века, ни в догматически обкорнанную философию сталинского времени. Такова, видимо, специфика отечественной интеллектуальной традиции, оставляющей профессиональную философию где-то в стороне от мейнстрима, каким бы он ни был. Возможно, время для новой жизни трудов В.Н. Ивановского еще придет, когда мы станем больше ценить в философии не публицистические изыски, а то, что можно назвать, и что сам Ивановский называл «научной философией».

Владимир Николаевич Ивановский родился 13 (25) июля 1867 г. в Вышнем Волочке. Его прадед был протоиереем Покровско-Левитинской церкви в Москве, дед — причетником, а отец преподавал греческий язык в Нижегородской духовной семинарии. Рано остался сиротой. Окончив гимназию, поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Зарабатывал на жизнь частными уроками, книгоношеством. В университете слушал лекции В.О. Ключевского, П.Н. Милокова, Ф.Ф. Фортунатова, П.Г. Виноградова, В.И. Герье. За зачетное сочинение «Ульрих фон Гуттен — рыцарь-гуманист» получил у В.И. Герье отметку «весьма удовлетворительно». В студенческие годы частным образом посещал Анатомический театр университета, читал книги по физиологии, патологии, терапии, другим медицинским наукам.

В 1892 г. В.Н. Ивановский опубликовал первую печатную работу в журнале «Вопросы философии и психологии», и весной 1893 г. получил от редактора журнала Н.Я. Грота приглашение занять место секретаря редакции. Работу в редакции совмещал с должностью секретаря Московского психологического общества, вел преподавательскую деятельность. Ивановскому принадлежит много переводов сочинений крупных философов и психологов: Милля, Минто, Бэна, Паульсена, Джемса.

В 1899 году Ивановский был утвержден в звании приват-доцента Московского университета.

В.Н. Ивановский был не только философом, но и поэтом. Стихи были для него своеобразной потребностью, формой выражения тех чувств, которые вызвали в его душе жизненные события¹. Ивановского как поэта ценили современники. Вяч. Иванов посвятил ему четыре стихотворения в своем сборнике «Прозрачность» (1904): «La faillite de la science», «Обновление», «Аспекты» и «Переводчику».

Получив заграничную командировку в 1900 г., В.Н. Ивановский прослушал курсы по философии и психологии в университетах Берлина, Парижа, Оксфорда. В Париже он посещал лекции Бергсона, Бутру, Леви-Брюля, Жанэ, в Оксфорде — Ф.К.С. Шиллера. Читал лекции в Русской школе общественных наук, основанной в Париже М.М. Ковалевским.

С 1904 года В.Н. Ивановский был приват-доцентом историко-филологического факультета Казанского университета. Здесь провел замену курсовой системы преподавания на предметную. Выступая перед студентами, Ивановский не только нес им знания, но и вдохновлял на высокое общественное служение, подчеркивая огромную роль университетски образованных людей в развитии и укреплении культуры в стране. Он прививал ученикам ценности строгого мышления, критического отношения к религиозно-идеалистическим изыскам. Дом Ивановского всегда был открыт для его слушателей. Среди его учеников создатель воображаемой логики Н.А. Васильев, известный переводчик досократиков А.О. Маковельский, профессор Московского пединститута А.А. Красновский. Ставший впоследствии членом-корреспондентом АН СССР А.О. Маковельский определял философскую позицию учителя как гносеологический критицизм и отмечал в качестве важнейшей особенности его творчества стремление изучать проблемы теории познания в тесной связи с психологией.

В 1909 г. В.Н. Ивановский выпустил «Введение в философию», получившее благожелательный отзыв Э.Л. Радлова. В 1910 год Ивановским была защищена диссертация на тему «Ассоцианизм гносеологический и психологический», которую И.И. Лапшин назвал «ценным трудом», а А.Н. Бернштейн — совершенно исключительным исследованием, какого нет во всей мировой философско-психологической литературе.

Будучи во время зимних каникул 1905 года в Петербурге, В.Н. Ивановский оказался свидетелем событий «кровавого воскресенья». Потрясенный увиденным, Ивановский активно включился в общественную борьбу того времени, часто выступал с публичными лекциями, в которых призывал к демократизации режима в стране. Причем выступал он не только в Казани, но и в Москве, Петербурге, приехав в родной Вышний Волочок, прочитал здесь лекцию о Герцене. В Казани Ивановский принял участие в заседании местной общественности, в ходе которого обсуждался вопрос о необходимости введения в России народного представительства.

Подобная общественная активность Ивановского вызвала раздражение попечителя Казанского учебного округа А.Н. Деревницкого, что не могло не сказаться на служебной карьере Ивановского. Министерством народного просвещения Ивановский был занесен в списки «штрафников». В 1911 г. новый министр народного просвещения Л.А. Кассо стал проводить крайне реакционную политику в области высшего образования, составной частью которой было увольнение либеральных профессоров и преподавателей из университетов. Еще в 1910 г. историко-филологический факультет Казанского университета возбудил перед министерством ходатайство о конкурсном замещении второй профессуры по философии, имея в виду при этом кандидатуру Ивановского. Однако в августе 1911 г. в обход всех норм университетской автономии, без какой-либо процедуры избрания Кассо самочинно назначил профессором философии Казанского университета И.И. Ягодинского. В 1912 г. по предложению попечителя Казанского учебного округа Деревницкого Ивановского лишили права читать оплачиваемые курсы. Тем самым перед ним была закрыта перспектива стать профессором университета. В.Н. Ивановский оставил университет и уехал за границу.

С 1912 года В.Н. Ивановский жил в Мюнхене. В это время им был написан «Опыт истории ассоцианизма», частично позднее опубликованный, в «Ученых записках» Казанского университета. В.Н. Ивановский был одним из немногих русских философов, пользовавшихся признанием в международном философском сообществе. Это и не удивительно. Здесь ценили не бойких публицистов, а профессиональных философов, таких, как гносеолог В.Н. Ивановский, логик А.Н. Васильев, историк философии Б.В. Яковенко. В 1900 г. на Первом Международном философском конгрессе в Париже В.Н. Ивановский выступал с докладом. Резюме доклада было опубликовано в посвященном Конгрессу номере журнала «Revue de metaphysique et de moral». Вместе с профессором А.Н. Васильевым он был избран членом Международного комитета философских конгрессов от России. Ивановский был переизбран в этот Комитет и в 1904 г. на Втором Конгрессе, проходившем в Женеве, где он также выступал. В 1904 — 1914 гг. Ивановский состоял членом Кантовского философского общества в Галле и в 1913 и 1914 гг. принимал участие в съездах этого Общества.

В.Н. Ивановский успел вернуться в Россию в 1914 г. перед самым началом Первой мировой войны. При переезде он потерял почти всю свою научную библиотеку — девять пудов книг, большей частью изученных им, с пометками на полях. В 1914 — 1917 гг. В.Н. Ивановский был приват-доцентом Московского университета. Он выступал в качестве оппонента на защитах диссертаций Б.П. Вышеславцева, Г.Г. Шпета, В.В. Зеньковского.

После Февральской революции 1917 г. все назначенцы Кассо были уволены со своих должностей, в связи с чем в Казанском университете открылась вакансия профессора философии. Младшие преподаватели историко-филологического факультета, в большинстве своем ученики

Ивановского, обратились в апреле 1917 года в совет факультета с предложением пригласить на кафедру философии Ивановского. В своем письме они писали, что именно ему они обязаны выработкой своего научного мировоззрения, вспоминали о том, как он будил мысль, вносил широкий общественный взгляд в дело преподавания и выражали благодарность за то, что он умел привлечь их к самостоятельной научной работе, в том числе по переводу философских первоисточников². Ходатайство молодых преподавателей поддержал известный историк философии и логик профессор А.Д. Гуляев. В письме в ученый совет факультета от 6 мая 1917 г. Гуляев напомнил о «совершенно недопустимом» способе замещения должности профессора философии, который имел место в 1911 г. Далее Гуляев дал высокую оценку философским работам Ивановского, отметив их ясный и простой язык, сочетающийся с большим знанием дела. Гуляев обратил внимание и на деятельность Ивановского как переводчика, написав, что своими переводами философских первоисточников тот оказывает ощутимую пользу развитию философского образования в России. «Ивановский — педагог по призванию, педагог умелый и талантливый, любящий молодежь», — завершал свое письмо А.Д. Гуляев³.

В.Н. Ивановский был избран профессором Казанского университета, затем был профессором и одно время ректором Самарского университета, профессором Белорусского государственного университета и по совместительству — действительным членом Института научной философии МГУ по отделу методологии. В этот период им было написано «Методологическое введение в науку и философию». В 1923 году вышла первая часть книги, вторую же Ивановский частично печатал в «Трудах» Белорусского университета и хотел издать отдельной книгой. В этой связи он обратился за содействием к А.М. Горькому. Он писал Горькому 20 марта 1926 г.: «В философии я держусь “научных” точек зрения, являюсь сторонником “научной” философии, и мои главные интересы — это связь отдельных сторон культуры, в частности, науки, философии, религии, общественности, их взаимовлияния, их эволюция и т.д.». Продолжая характеризовать свои философские позиции, Ивановский писал, что основное внимание уделяет вопросам философского осмысления методов науки: «Ничто так не роднит человека с научным мышлением, как понимание методологии и динамики науки, овладение ее внутренней интимной стороной, ее историей и т.д.»⁴. 25 апреля 1926 г. Горький написал Ивановскому из Соренто, что «изо всех мною прочитанных книг русских философов, Ваша книга удивила меня простотой и ясностью языка, а также строгой последовательностью изложения»⁵. К сожалению, ходатайства Горького перед советскими издательствами о выпуске книги Ивановского успеха не имели.

Первая часть «Методологического введения...» получила критический отзыв Г.К. Баммеля на страницах журнала «Под знаменем марксизма»⁶. Но общественная атмосфера тогда было еще достаточно демократичной, и Ивановский смог выступить в том же журнале с «Ответом

тов. Баммелю»⁷. Современный анализ «Методологического введения...» дает И.Ю. Алексеева на страницах известного словаря П.В. Алексеева «Философы России XIX — XX столетий». Она отмечает оригинальность концепции «научной философии» В.Н. Ивановского, его глубокое знание истории мысли⁸.

Поле деятельности Ивановского и как ученого, и как преподавателя все более сужалось. В мае 1923 года Ивановский вместе со Шпетом и другими представителями дореволюционной профессуры был исключен из числа действительных членов Института научной философии МГУ. С осени 1924 года в университетах, в том числе и в Белорусском было прекращено преподавание логики, методологии науки и истории философии. В.Н. Ивановский был вынужден перейти на чтение психологии. В 1926 году В.Н. Ивановский в последний раз побывал за границей. Он участвовал в работе VI Международного философского конгресса в США и вновь был избран в состав Международного комитета философских конгрессов. В 1926 году он заболел и в 1927 г. вышел на пенсию.

В 1928 году В.Н. Ивановский переехал в Ленинград. Здесь он обратился за содействием в получении научной работы к В.И. Вернадскому. Вернадский поставил вопрос о привлечении Ивановского к работе перед Комиссией по истории знаний АН СССР. По рекомендации Вернадского Ивановский был принят в число членов Комиссии. 27 мая 1928 году Ивановский выступил в КИЗ с докладом «Генезис ассоциационной психологии и ассоцианизма». Но сотрудничество с КИЗ длилось недолго. 3 декабря 1929 года комиссия по проверке аппарата АН СССР постановила исключить из членов КИЗ Вернадского, Ивановского и целый ряд других выдающихся ученых⁹.

Ивановский стал готовить очерк истории философии в современной России с анализом последних работ Радлова, Шпета и др., но о публикации такой книги не могло быть и речи. Единственная форма научной работы, которая могла быть для него доступна некоторое время — это подготовка статей для первых томов «Большой советской энциклопедии». Им были написаны статьи: «Августин», «Апперцепция», «Ассоцианизм», «Аристотель» и др. Для «Энциклопедического словаря» Граната Ивановским были написаны статьи «Философия», «Фихте».

Ученик Ивановского Маковельский пытался выдвинуть кандидатуру учителя в состав Академии наук. В черновике соответствующего письма Маковельский писал, что «во всех своих работах В.Н. Ивановский не только стоит на уровне современной европейской науки, но его творческий ум в каждом изучаемом предмете умеет открыть новые стороны и указать новые точки зрения». «Методологическое введение...» в отношении вопроса о классификации наук Маковельский назвал «самым лучшим, что написано на эту тему в русской литературе», а сделанные Ивановским переводы А. Бэна и Дж. Ст. Милля назвал «безукоризненными по точности и изяществу»¹⁰. Излишне говорить, что до рассмотрения кандидатуры Ивановского в академии дело не дошло.

В 1936 году в Институте философии АН СССР началась подготовка к предстоящему в 1937 г. 300-летию юбилею «Рассуждения о методе» Декарта. В этой связи было решено подготовить посвященный Декарту сборник, в который включить новые переводы неизвестных на русском языке работ Декарта. Обратились к Ивановскому как специалисту по философскому переводу. В 1936 – 1937 годы он несколько месяцев работал по договору в Институте философии АН СССР, усиленно занимаясь переводом сочинений Декарта с латинского и французского языков. Приходилось часто ездить в Москву, где Ивановский не имел места для ночлега и был вынужден жить в нескольких десятках километров от столицы. Вызванное этими обстоятельствами переутомление привело к образованию мозгового тромба 7 сентября 1937 г. Несколько месяцев В.Н. Ивановский пролежал в постели, после чего двигался с трудом и страдал головными болями. Посвященный Декарту сборник из-за беспечности ответственной за его подготовку сотрудницы Института философии М.Ф. Якобсон не был готов к сроку и не вышел. Перевод Ивановского остался в рукописи и не был опубликован.

Последняя научная работа, которой занимался В.Н. Ивановский, это заказанная ему Психологическим институтом через посредство Н.А. Рыбникова «история психологии в России от П.Д. Юркевича до наших дней». Завершить рукопись В.Н. Ивановский не успел. Он умер 4 января 1939 г. Его похоронили в Ленинграде на Смоленском кладбище. В августе 1968 г. прах В.Н. Ивановского был перевезен в Москву и захоронен на Старом Востряковском кладбище. Ученик Ивановского профессор А.А. Красновский опубликовал на смерть учителя прочувствованный некролог в журнале «Советская педагогика»¹¹.

Философское творчество В.Н. Ивановского практически не исследовано. Ему посвящены лишь небольшие статьи, вроде заметки М. Иосько «Поэт-философ» в журнале «Неман»¹². Дочери В.Н. Ивановского Елена и Татьяна сохранили архив отца, и не просто сохранили. Научный архив профессора Ивановского передан на государственное хранение в Центральный Московский архив-музей личных собраний и доступен исследователям. Это – крайне редкий в нашей стране пример бережного отношения к научному наследию философа. Основываясь на документах этого архива П.В. Алексеев написал биографическую статью о В.Н. Ивановском для своего словаря «Философы России»¹³. Хотелось надеяться, что найдется исследователь русской философии, который на основе всестороннего анализа архива и трудов В.Н. Ивановского напишет его обстоятельную научную биографию.

Труды В.Н. Ивановского по методологии науки давно заслуживают переиздания, либо же – первой публикации по тексту архивного источника. Пусть шагом к этому послужит публикация его воспоминаний, которые философ писал незадолго до смерти. Воспоминания эти невелики по объему, не окончены, возможно, что это был лишь первый вариант текста, но болезнь и смерть оборвали работу над ним. Ценность их в том, что они содержат такие черточки из жизни русского философ-

ского сообщества конца XIX – начала XX вв., которые мы нигде больше не сможем почерпнуть.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Включил В.Н. Ивановский стихи и в текст своих воспоминаний, но в настоящей публикации они не приводятся.

² См.: Центральный Московский архив-музей личных собраний. Фонд 66. Опись 1. Дело 14. Лист 1.

³ Там же. Лист 3.

⁴ Там же. Дело 30.

⁵ Там же. Дело 32.

⁶ См.: Под знаменем марксизма. 1923. № 6 – 7. – С. 270 – 272.

⁷ См.: Под знаменем марксизма. 1923. № 10. – С. 242 – 249.

⁸ См.: Алексеева И.Ю. Ивановский Владимир Николаевич (Окончание статьи) // Алексеев П.В. Философы России XIX – XX столетий. – М., 2002. – С. 366 – 367.

⁹ См.: Комиссия по истории знаний. 1921 – 1932 гг. – СПб., 2003. – По указателю имен.

¹⁰ Центральный Московский архив-музей личных собраний. Фонд 66. Опись 1. Дело 14.

¹¹ См.: Красновский А.А. Памяти профессора В.Н. Ивановского // Советская педагогика. 1939. № 3. – С. 158 – 159.

¹² См.: Иосько М. Поэт-философ // Неман. 1969. № 7.

¹³ См.: Алексеев П.В. Философы России XIX – XX столетий. – С. 365 – 366.

Аннотация

В.Н. Ивановский – выдающийся русский философ, специалист в области теории познания. Он пользовался большой международной известностью, представлял Россию на Всемирных философских конгрессах. Творчество В.Н. Ивановского мало изучено.

Ключевые слова:

В.Н. Ивановский, теория познания, философские конгрессы, Институт философии.

Summary

V.N. Ivanovsky – the outstanding Russian philosopher, the expert in the field of the theory of knowledge. He used the big international popularity, represented Russia on the World philosophical congresses. V.N. Ivanovsky's works are investigated insufficiently.

Keywords:

V.N. Ivanovsky, the theory of knowledge, the philosophical congresses, Institute of philosophy.

ВОСПОМИНАНИЯ

В.Н. ИВАНОВСКИЙ

Начну с внешней истории моей жизни. Я – сын учителя греческого языка в Нижегородской духовной семинарии. Родился 13 июля 1867 г.; отец умер в 1874 г., мать в 1878 г. Воспитывался с двумя сестрами и братом в семье отца матери; в детстве видел и перенес много тяжелого. Начал давать уроки и репетировать с 15 лет.

С 1876 по 1885 г. учился в I Московской гимназии. В 1885 г. поступил в Московский университет на историческое отделение историко-филологического факультета; постепенно стал переходить от истории к философским наукам. Будучи на втором курсе, я начал внимательно штудировать «Систему логики» Дж. Ст. Милля; в 1888 – 1890 г. слушал лекции проф. М.М. Троицкого по логике и психологии (преподавание профессоров Н.Я. Грота и Л.М. Лопатина). В октябре 1890 г. окончил испытания в Государственной испытательной комиссии и получил диплом I степени.

В 1891 – 1892 гг. давал частные уроки и читал очень внимательно ряд сочинений по психологии: сочинения А. Бэна во французском переводе («Чувства и интеллект», «Эмоции и воля»), «Основания психологии» Г. Спенсера, сочинения проф. М.М. Троицкого (особенно его «Науку о духе») и др.

Когда я читал «Науку о духе», я с волнением обратил внимание на то, что все, что, как мы говорим, мы познаем и знаем, складывается в нас по естественным, природным законам, и что тот образ «действительности», какой мы создаем, есть продукт этих законов. Конечно, реальность независима от нас (я всегда был настроен материалистически); однако, тот образ, какой мы имеем о реальности, составляется нами в зависимости от всех условий, влияющих на наше мышление.

Тот образ реальности, какой имеет в своем уме дикарь, так же объясняется материалами и условиями его возникновения, как и научная картина мира. Всякое познание есть закономерный, естественный процесс природы, и надо изучить этот закономерный механизм познания.

Конечно, продукты познания не все равноценны; одни грубы и, при анализе, распадаются и опровергаются новыми наблюдениями, опытами и размышлениями; другие более стойки. Но полная истина есть идеал, пока еще не достигнутый: всякая истина есть предпоследняя, и сзади нее может оказаться более глубокое соотношение элементов.

В свете этих мыслей я стал изучать то, что сделано уже в области механизма познания; и тут остановился на важном, хотя и элементарном факте связывания, ассоциирования элементов познания. Постепенно я пришел к мысли заняться разбором проблемы ассоциаций.

По моему мнению, надо было вновь поднять вопросы об элементарных состояниях познания – те, какими занимались, с одной стороны,

Локк, Беркли, Юм, а с другой – Фихте, Шеллинг, Гегель. Только надо было избежать скептических выводов Юма (и частью Беркли) и познавательной мифологии Фихте и Гегеля.

Отсюда и вышла моя работа об ассоцианизме, имевшая столь несчастную судьбу. Наряду с ней я имел в виду сделать пересмотр других форм познавательного процесса, в частности – всех основных моментов логического процесса.

С 1893 по 1896 г. я служил секретарем редакции журнала «Вопросы философии и психологии». Журнал этот был задуман в 1889 г. Н.Я. Гротом в виде беспартийного альманаха и сначала действительно не имел никаких спиритуалистических тенденций. Однако проф. Грот вел его так беспринципно, так мало над ним работал (у Н.Я. Грота была одна всепоглощавшая страсть – женщины), что для меня довольно скоро выяснилась невозможность принести пользу, работая в журнале; и весной 1896 г. я отказался от места его секретаря. Н.Я. Грота отличали необузданная чувственность, неустойчивость мысли и воли, какая-то наивная самовлюбленность, всегда поражавшие меня легкомыслие и непоследовательность. Н.Я. Грот описал сам себя в статье «Секрет творчества» в 17-й книжке «Вопросов философии и психологии». Н.Я. Грот не имел в философии никаких определенных, выработанных воззрений. У него все решало настроение момента. От этого его «воззрения» совершенно нельзя было принимать всерьез.

В это время мне удалось получить работу по новому переводу «Системы логики» Дж. Ст. Милля; в то же время я стал энергично пополнять пробелы своего философского образования и стал готовиться к испытаниям на степень магистра философии. Постепенно, в процессе работы над переводом «Системы логики», мне стала выясняться основная односторонность Милля: его сенсуализм. Милль все проблемы логики сводит к одной – к процессу обобщения (индукция и дедукция); но он не изучает, не исследует самого обобщаемого материала, считает его сразу готовым, ставит его на одну доску с элементарными чувственными состояниями, что, конечно, неверно.

В 1896 г. держал экзамены на магистра философии Юрий Петрович Бартнев, сын члена Совета Министерства народного просвещения и издателя «Русского архива». Юрий Петрович был человек совершенно неспособный, до крайности ленивый. Когда на первом же экзамене ему пришлось отвечать, какие основные принципы всего сущего признавал Аристотель, он, подумав, ответил: «материю... и движение». После такого ответа его экзамены были прекращены.

Осенью 1896 г. Н.Я. Грот сказал мне: «Держите экзамен на магистра. Я уверен, что у Вас не прилипнет язык к гортани, как у Бартнева». В декабре 1896 г. тяжело захворал мой дед, в семье которого я жил после смерти отца и матери; в конце февраля 1897 г. он скончался, а с апреля того же года я засел за подготовку к испытаниям на магистра.

Это было жуткое для меня время. Переводом «Системы логики» Милля, чтением лекций по психологии на Педагогических женских курсах

(по 6 руб. за лекционный час) я зарабатывал 120 руб. в месяц. На эти деньги мы больше двух лет жили с моим братом, только что кончившим медицинский факультет Московского университета и бесплатно работавшим в московской Басманной больнице.

Кроме того, я много работал в качестве секретаря Московского психологического общества, секретаря и редактора изданий Комиссии для организации домашнего чтения; вел и другие работы, — и переутомился до такой степени, что через два года я ни о чем не мог начать думать без головной боли и тошноты.

Центральный кружок Психологического общества состоял из университетских философов — Н.Я. Грота, Л.М. Лопатина, С.Н. Трубецкого, В.П. Преображенского, А.С. Белкина и др., из психиатров: С.С. Корсакова, А.А. Токарского, А.Н. Бернштейна, С.А. Суханова, Н.Н. Баженова, Г.И. Россолимо, Н.П. Постовского и др.; из ученых разных специальностей (зоолог Н.А. Иванцов, математики — Н.И. Шишкин, П.В. Преображенский и др.), затем из ряда лиц, посторонних университету.

Я прямо не выносил спиритуалистического религиозного блудословия, которое иногда раздавалось в Психологическом обществе. И главное, — что все это было крайне легкомысленно: люди шли по какому-то шаблонному течению, без самостоятельного убеждения (у большинства). Л.М. Лопатин был человек убежденный, Вл. С. Соловьев тем более. Но Грот и еще кое-кто были просто поверхностные люди, не говорившие, а «болтавшие» что придется. Они роняли научный престиж ученого общества.

Я тогда был, как я уже сказал, к несчастью, еще недостаточно начитан, недостаточно «учен», чтобы начать с ними открытую борьбу. Я боялся, что они меня закидают ученостью, ссылками на авторитеты.

Общий тон частных собраний, происходивших обычно после заседаний Психологического общества в отдельном кабинете трактира Тестова на Театральной площади, всегда поражал меня тем, что участники их — люди высокообразованные, проявляли такое равнодушие к тем общественным проблемам, которыми в основном (часто не смея открыто выступать) жил и дышал я. Грот, Трубецкой почти не бывали на таких трактирных собраниях; очень редко, в свои приезды в Москву, появлялся на них Вл. С. Соловьев.

Два слова о нем. Вл. С. был, несомненно, идейным центром «религиозной» группы русских философов. Он вышел из среды московского либерального славянофильства и примыкавшей к нему группы духовенства. Визионер, фантаст — он был глубоко убежден в том, что (как он однажды выразился) в основе мир не таков, каким он кажется чувствам: в основе его лежит духовное начало. В своих «Трех встречах» он описал свои визионерские свидания с воплощением женственного мирового начала — с «Софией», мировой мудростью. Когда он решил, что эта «София» требует от него поездки в Египет, он отправился в Каир, и, выйдя из города к пирамидам, встретился с группой арабов, принявших его за черта (он был одет во фрак, и фалды фрака арабы приняли за хвост черта). В другой раз, когда Вл. С. ехал в лодке где-то около Неаполя, он решил,

что «морские черти» требуют от него выкупа, и стал бросать в море мелкие монеты. Лодочник стал отнимать у Вл. С. деньги и едва не утопил его, приговаривая, что — чем бросать деньги в море, лучше их отдать ему.

Схема общественного порядка у Вл. С. была по сути буржуазной и носила характер довольно бледного либерализма. Царь, первосвященник и «пророк» (представитель общественного мнения, публицист, парламентарий) — таковы были три основные силы общества. В вопросах экономических, в своих отношениях к социализму Вл. С. не занимал ясной и отчетливой позиции.

Вл. С. обладал большим юмором. Однажды, когда я сидел за секретарской работой в редакции «Вопросов философии и психологии», Вл. С. заехал за мной и позвал меня завтракать все в тот же трактир Тестова. По дороге мы с ним заехали за В.П. Преображенским (в Городскую управу, где тот работал в отделении смет и отчетов). За завтраком Вл. С. рассказал схему рассказа, пришедшего ему в голову в этот день.

Вот эта схема. Н.Я. Грот живет будто бы на даче под Москвой, в Петровско-Разумовском. Там же живет разведенная жена московского вице-губернатора Екатерина Ивановна Баратынская, прикосновенная (как и Н.Я. Грот) к толстовским изданиям «Посредника», а также несколько рядовых «толстовцев». Толстовцы эти нередко упоминают о Гроте: «пойдем к Гроту», — говорят они. Полиция, следящая за ними, решает, что дело идет о том гроте около озера в Петровско-Разумовском, в котором Нечаев с товарищами убили когда-то студента Иванова, и подозревает, что готовится новое преступление. Толстовцы заходят иногда в этот грот, но вовсе не с преступными целями. Наконец, всех арестуют. В приговоре стоит: «Профессора Грота, по ошибке принятого за тот грот, в котором был убит студент Иванов, от суда и следствия освободить, строжайше предписав ему, однако, быть впредь более осторожным. Екатерину Ивановну Баратынскую выписать из мест, населенных губернаторами и вице-губернаторами».

В ноябре 1897 г. я сдал первый магистерский экзамен, а в декабре 1898 г. последний. Одновременно с работой по сдаче этих испытаний, я читал все, что мог достать по вопросам марксизма. Особенно сильное впечатление произвела на меня плехановская книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», затем книга Ленина (В. Ильина) «Развитие капитализма в России» и разные статьи Ленина в журналах «Новое слово» и «Начало» («Сисмонди и наши отечественные сисмондисты» и др.). Целый поток новых точек зрения, новых фактов и теорий нахлынул на меня. Я просиживал нередко ночи, читая и обдумывая прочитанное.

В 1899 г. я прочел в факультете две пробных лекции, а летом того же года получил звание приват-доцента философских наук. На 1900 и 1901 гг. мне была назначена Министерством народного просвещения стипендия для заграничной поездки (по 100 р. в месяц). В марте 1900 г. я выехал из Москвы. Летний семестр этого года я провел в Берлине, а в августе перебрался в Париж, где тогда была открыта Международная выставка.

В Берлине я слушал лекции Паульсена (по психологии), Штумпфа (по истории философии), Зиммеля и еще нескольких приват-доцентов — не только из интереса к содержанию их лекций, но и для практики в понимании немецкой речи.

В Париже я посещал много курсов в Коллеж де Франс, в Сорбонне, в Высшей нормальной школе, в Школе политических наук (зимой 1900 — 01 гг.). Осенью 1901 г. я переехал в Англию.

В Англии я жил сначала в Лондоне, потом несколько месяцев на южном берегу, близ городка Борнемуса, а затем в Оксфорде. Живя на южном берегу Англии, я наконец выправил свое здоровье, подорванное многими годами сверхсилой работы. Переехав с южного берега Англии в Оксфорд, я там стал заниматься в прекрасной библиотеке Бодли.

Весною 1902 г. я вернулся в Париж. Зимой 1902 — 03 гг. я читал лекции в парижской Вольной русской школе, послужившие зачатком моих позднейших курсов «Введения в философию». В эту зиму в Париж приезжал В.И. Ленин, прочитавший в Вольной школе прекрасную лекцию — помнится, по аграрному вопросу в России.

В начале лета 1903 г. я вернулся в Россию, сначала в Москву, а затем с января 1904 г. переехал в Казань приват-доцентом с правом чтения обязательных для студентов курсов. С весеннего семестра 1904 г. я начал преподавать в Казанском университете, где читал обычно «введение в философию», психологию и историю новой философии, а в течение нескольких лет также и педагогику.

1904 г. прошел незаметно в усиленной работе над читаемыми курсами и в занятиях со студентами. На зимние каникулы 1904 — 05 гг. я поехал в Москву, а оттуда в Петербург — повидать кое-кого из старых московских друзей, перебравшихся на работу в северную столицу.

В Петербург я попал на другой день после 9 января 1905 г. Я видел телеги с трупами, которых везли по Невскому на кладбища, видел и всей душой переживал общее негодование.

С января 1905 г. меня охватил порыв революционного настроения: я отдался агитации среди студенчества, читал лекции рабочим (на Алафузовском заводе в Казани, в казанских клубах — смешанной публике; и везде проводил мысль о необходимости борьбы не на жизнь, а на смерть со старым порядком, с царским режимом.

При этом я исходил в моих революционных настроениях не столько из партийных, специфически пролетарских, социалистических точек зрения, сколько из отвлеченных идей социальной справедливости и социального мира. В этом была слабость моей позиции: в ней было еще слишком много остатков интеллигентского гуманизма; оказалось, что мало было познакомиться с идеями социализма, проникнуться симпатией к трудящимся: надо было еще глубоко отождествить себя с этими трудящимися. Этого я тогда сделать не был в состоянии.

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство уволило всех профессоров, назначенных противозаконно министром Кассо, в том числе и проф. Ягодинского. Историко-филологический факультет

Казанского университета поручил проф. Александру Дмитриевичу Гуляеву указать желательного кандидата на вторую кафедру философии. А.Д. Гуляев указал на меня, а 6 мая 1917 г. представил в факультет заявление. В том же заседании факультета с поддержкой моей кандидатуры выступил проф. Е.Ф. Будде. И, наконец, моя кандидатура была поддержана «младшими» преподавателями факультета (приват-доцентами), вошедшими в факультет с заявлением. Кандидатура моя прошла очень хорошо как в факультете, так и в Совете университета, и я стал исполняющим должность ординарного профессора. Мне в это время было уже 50 лет.

В сентябре 1917 г. я приехал в Казань, чтобы возобновить преподавание в университете после пятилетнего перерыва. Через месяц грянула Великая Октябрьская революция. События одно другого значительнее ежедневно волновали до глубины души. Однако, в университете работа не прекращалась; студенты усердно работали. Профессора и преподаватели читали на множестве образовательных, популярных курсов.

Летом 1918 г. я принял приглашение перейти на кафедру в новооткрытый Самарский университет, где вскоре был выбран в ректоры. В Самарском университете я работал три года — вплоть до большого голода 1921 года, когда вынужден был искать другого места для работы, так как в Поволжье жить стало очень тяжело.

Я получил место в только что открывшемся университете — Белорусском (в Минске), и с октября 1921 г. начал в нем чтение лекций. В Минске я работал шесть лет — с 1921 по 1927 г., когда по расстроенному здоровью вышел в отставку, получив персональную пенсию.

Выйдя в отставку, я имел в виду последние годы моей жизни провести в каком-нибудь крупном университете, читая (по-прежнему на правах приват-доцента) необязательные курсы, в которых я хотел подвести итоги умственной работы за всю мою деятельность. В 1928 г. я переехал в Ленинград. Однако, к глубокому моему сожалению, мне не было разрешено начать там преподавание, и труд всей моей жизни начал плесневеть и разрушаться. Мне пришлось взять место библиотекаря на Ленинградской сельскохозяйственной опытной станции (в 4 км от станции Сиверской).

Оттуда я в 1933 г. переехал в г. Пушкин (тогда Детское село), где живу и сейчас.

С 1935 г. я, по приглашению Института философии Всесоюзной Академии наук, работаю при этом Институте, выполняя — по договорам — отдельные его задания. Я написал для коллективной «Истории философии» статью о патристической философии, а с 1936 г. работаю над переводом, с латинского и французского языков, сочинений Декарта.

Источник:

Центральный Московский архив-музей личных собраний.
Фонд. 66. Опись 1. Дело 8.

СОЦИОЛОГИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ЕЕ ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА

Л.Г. ТИТАРЕНКО

11 – 17 июля 2010 года в Гетеборге (Швеция) состоялся очередной, XVII конгресс Международной социологической ассоциации (МСА) – самой массовой международной организации по социальной науке. Поскольку в глобальном мире все взаимосвязано, включая и поле научной деятельности, подобные масштабные конгрессы всегда интересны не только для представителей одной социальной науки, непосредственно организующей это мероприятие, но и для всех ученых, работающих в социально-гуманитарном исследовательском поле. По этой причине представляется необходимым рассказать о социологическом конгрессе для представителей философского знания. Тем более, что сама тематика XVII конгресса была обозначена довольно пространно – «Социология в движении». Она предполагала раскрытие динамики изменений внутри самой социальной науки, рассмотрение масштабов и существа «подвижек», которые имеют место в разных странах на локальном уровне и на уровне глобальных изменений (например, в какой мере изменения в социологии отражают изменения самой социальной реальности, насколько адекватные «выходы» из проблем предлагают). Главной целью научных дискуссий был поиск ответа на поставленную проблему – куда же движется современная социальная наука?

Напомню: МСА была создана в 1949 г. по инициативе ЮНЕСКО. Первоначально она объединяла только ученых из стран Запада. Однако ассоциация изначально мыслилась как инструмент кооперации, научного обмена идеями, средство сосуществования ученых разных стран, независимо от идеологии. Советские социологи появились на конгрессах значительно позже и выполняли не только научную, но и идеологическую миссию: мир находился в состоянии «холодной войны», а конгрессы позволяли осуществлять непосредственное общение между учеными, представлявшими противостоящие друг другу политические блоки. Поскольку в 1960-х советские социологи еще не имели своих «собственных» научных степеней, они были, как правило, философами по статусу и образованию, что не мешало им успешно работать в формате социологических конгрессов. Еще позднее, в связи с распадом системы колониализма, на конгрессах появились социологи из стран «третьего мира» – сначала как реципиенты западного знания, а потом и его создатели. Как правило, конгрессы проводятся в развитых странах Европы и Америки, хотя в 1970 – единственный раз – конгресс был проведен в социалистической стране (Болгарии), а позднее – 4 раза в развивающихся странах. В принципе, такое положение дел отражает саму историю дисциплины, которая зародилась в Западной Европе – на протяжении всего XIX в. развивалась

по-преимуществу там (остальные страны в лучшем случае заимствовали европейские достижения). В начале XX века «мировой центр» социологии переместился в США, где впервые были развернуты широкомасштабные эмпирические исследования, социология была поставлена на службу обществу и государству. Практически почти весь прошлый век можно рассматривать как период развития и доминирования американской социологии (лишь в конце века, по мнению ряда историков социологии, Западная Европа смогла вернуть себе лидерство в социологической науке). Сегодня все больше стран со всех континентов заинтересованы в сотрудничестве посредством МСА.

С организационной точки зрения, конгрессы МСА – это регулярно проводящиеся форумы, на которые собираются представители национальных социологических ассоциаций, являющихся членами МСА. Конгресс имеет общую тему, которую заранее выбирает Исполком МСА во главе с президентом. На конгрессе одновременно идут пленарные заседания различной направленности, работают многочисленные интегративные секции, исследовательские комитеты, рабочие и временные группы по интересам, в которых задействовано несколько тысяч ученых разных стран.

На конгрессе в Швеции зарегистрировалось для участия более 5 тыс. человек. Ученые из стран Первого мира составляли большинство (всего более 3,5 тысячи). Для сравнения: из США было более 500 человек, чуть меньше из Германии, Великобритании, Латинская Америка – около 400, страны Азии – около 500. Центральная и Восточная Европа была представлена 170 участниками (более половины – из Польши). Что касается социологов из стран бывшего СССР, их было немного (из России 111, и менее 20 из всех остальных). Одна маленькая и небогатая (по европейским меркам) Португалия прислала больше участников, чем все страны СНГ.

Означает ли это низкий статус социологии в странах СНГ и, шире, в бывших странах Второго мира, незаинтересованность в международных связях? Отчасти, наверное, и так: социально-гуманитарные науки переживают сейчас не самый удачный период развития. Большую роль играет также «фактор времени»: в странах Запада социология институционализировалась в XIX в., получила признание в университетах, поэтому количество кафедр социологии там значительно больше, а социологи непосредственно включены в процесс принятия политических решений (например, Гидденс консультировал британского премьера Тони Блэра, институты Евросоюза постоянно обращаются к социологам для изучения тех или иных проблем). Очевидны и другие причины: экономические (нехватка средств на широкое участие в международных конгрессах), культурные (плохое знание английского языка, являющегося рабочим языком конгресса), социальные (отсутствие корреляции между престижем социолога в своей стране и его участием в международных форумах, низкая заинтересованность научных учреждений и университетов быть представленными на конгрессе), собственно академические (низкая степень участия наших ученых в международных сравнительных исследованиях, результаты которых, как правило, и докладываются на конгрессах) и др. Россия пытается сохранить достаточно высокую представительность, продвигать своих ученых в международные организации, создавать новые исследовательские комитеты, готовить молодое поколение ученых к активной работе на международном уровне (на конгресс в Швеции приехала большая группа мо-

лодых российских социологов, для которых был получен спонсорский грант). Поэтому российские социологи – единственные из региона, кто представлен в руководящих органах МСА. Этот факт дает России шанс на выдвижение в повестку дня следующего конгресса тех исследовательских проблем, которые являются для нее актуальными, ибо повестка дня конгресса – это всегда поле для конкуренции стран, регионов, отдельных ученых и исследовательских подходов. На сегодня, с учетом распада СССР, проигравшего в «холодной войне», проблемы бывших стран социализма (включая Россию) очень мало представлены в научном сообществе на международном уровне. В целом, интереса к бывшему «Второму миру» на глобальном уровне уже нет, тогда как представители Индии, Бразилии и ряда других незападных стран пользуются большим вниманием международного социологического сообщества. Участие в конгрессе 30-ти социологов из Китая было преподнесено как колоссальный успех МСА (раньше граждане КНР не приезжали на конгрессы). Так политика (возможно, даже помимо желания руководства МСА) вторгается в сферу науки и диктует ей свои правила игры.

На сегодня труды ученых-общественников из России, СНГ мало известны на международной арене (за редкими исключениями, конечно), а их научные результаты, как правило, недооценены. Между тем, еще далеко не полностью проанализирован сам процесс разрушения СССР и его глобальные последствия. Не только иностранные ученые, но и представители постсоветского пространства в первую очередь должны быть заинтересованы и в философско-социальном осмыслении перемен, и в том, чтобы новые теории, созданные специально для России или региона, были позиционированы на международном уровне. Отдельные достижения в этом направлении бесспорны.

К числу российских достижений я бы отнесла теорию институциональных матриц С.Г. Кирдиной, которая связана как с концепцией К. Поланьи, так и с динамической моделью развития России А.С. Ахиезера, теорию трансформационного процесса Т.И. Заславской, эмпирические наработки по экосоциологии, исследование элит и др. Распад СССР был знаменательной «глобальной переменной», достойной внимания социальных теоретиков всего мира. Концептуальное осмысление причин последовавших неудач России на пути «трансформации к рынку и демократии» также могло бы привлечь значительно больше западных авторов, чем это случилось в реальности (сошлемся на тот факт, что за прошедшие 20 лет не так много западных теоретиков поделились своим мнением по этому поводу на страницах российских журналов, а в мировой социологической периодике, например, эта тема уже сошла на нет. На заседаниях прошедшего конгресса в Гетеборге активно обсуждались такие социально-философские темы, как множественные модерны, осевые цивилизации, что позволяло Японии, Китаю, Бразилии оставаться постоянно на слуху. Но среди этих тем не нашлось специального места для российской цивилизации и тем более для вариантов цивилизаций постсоветских (только одна интегративная секция была посвящена странам БРИК, где была достаточно широко представлена Россия, но лишь как одна из стран этой группы). Может быть, уже пришло время создать свои собственные «региональные» теории, адекватно объясняющие постсоветскую реальность, и затем активно их отстаивать на международном уровне? Сегод-

ня, как вполне справедливо утверждает польский социолог П. Штомпка, уже «невозможно получить высокое признание в дисциплине, если писать только на своем национальном языке и публиковаться только в своей стране»¹.

Организационной кульминацией конгрессов являются выборы нового руководства МСА – президента, вице-президентов, исполкома. Как правило, трудно заранее определить, кого конкретно изберут на тот или иной пост. Между тем, от результатов этих выборов может зависеть многое: размер регистрационного взноса для участников из разных стран (он постоянно растет), конкретный отбор приглашенных докладчиков на будущий конгресс, число заседаний того или иного комитета, место проведения форумов и пр. Особенно всех интересует выбор президента.

Из 17 президентов МСА только два были из стран «Третьего мира» (представитель Бразилии Ф. Кардозо и Индии – Т.К. Оомен), один из тогдашнего «Второго мира», мира социализма (Я. Щепаньский). Только один раз президентом избиралась женщина – М. Арчер (Великобритания). Всего же лидерами мировой социологии пять раз становились представители США, 3 раза – Британии, по два – Франции и Польши, по одному разу – Италии, Швеции, Германии. Двух кандидатов на этот пост выдвигают заранее, из членов руководящих органов ассоциации (обычно либо из членов исполкома, либо из руководителей престижных исследовательских комитетов). Голосуют не все члены МСА, а довольно узкий круг представителей исполкома и национальных ассоциаций. В Гетеборге была интрига: в выборах участвовали кандидаты от США и Бразилии. До конца выборов было неясно, кому отдадут предпочтение – Майклу Буравому из университета Беркли (Калифорния, США) или Элизе Райс из университета Рио де Жанейро (Бразилия). Несмотря на то, что, как правило, выбирают нового президента не только за личные заслуги и предшествующую активную деятельность в МСА, но и с учетом «очередности» и удельного веса страны, которую он представляет (с этой точки зрения, страна из группы БРИК была более ожидаемой, как и женщина), больше голосов набрал американец, который и будет руководить ассоциацией в ближайшие 4 года. В порядке компенсации, наверное, среди новых вице-президентов большинство женщин, представляющих как «Первый», так и «Третий мир» (здесь МСА строго следовала принципу сбалансированного представительства регионов). России удалось увеличить членство в исполкоме: кроме Н.Е. Покровского, который и ранее там успешно работал, туда была избрана Е.А. Здравомыслова (оба – активные участники западных и мировых форумов, которые работают на уровне социальных теорий, выходя в своих исследованиях за рамки социологии).

Анализ организационных аспектов показывает, что мировая социология находится в процессе изменений, «перестройки», а не кризиса (в отличие от глобальной мировой системы). МСА продолжает расти: это уже не элитный клуб западных участников, а демократическое сообщество. Среди ее членов все больше становится представителей стран Азии, Африки, Латинской Америки. Их концепция достойна достаточно серьезного изучения. Эти авторы активно включаются в работу МСА, публикуются в международных изданиях на английском языке, выдвигая проблемы своего региона как более актуальные, требующие мирового внимания. Социология в полной мере стала глобальной. Что касается постсоветских социологов, им пора

реорганизоваться и не только изучать свое общество эмпирически (что на сегодня остается главной формой участия наших ученых в международных исследованиях), но и самим выдвигать, как минимум, адекватные теории среднего уровня, которые затем можно было бы обсуждать с коллегами из других регионов. Ведь и сегодня остается актуальным выдвинутый Р. Мертоном принцип науки — организованный скептицизм²: он требует свободных научных дискуссий, открытости к критике и готовности корректировать свои концепции по мере осознания имевшихся ошибок или получения новых научных данных. Только на фундаменте организационного скептицизма формируется и поддерживается международная репутация ученого, его научный престиж, достигается признание в мировом научном сообществе.

В работе конгресса принимало участие много известных ученых, предметную область исследований которых можно определить и как социологию, и как социальную философию, и социальную географию, историю, поскольку сближение социальных дисциплин, «размывание» их границ — закономерность сегодняшнего развития науки. На конгрессе в Гетеборге можно было встретить многих «мировых «звезд» — кроме тех, которые из-за возраста (И. Валлерстайн), болезни (З. Бауман) или большой занятости (Э. Гидденс) не смогли приехать: А. Турен, М. Кастельс, Р. Коллинз, У. Бек, П. Штомпка, Д. Александер и многие другие, чьи имена также входят в список лидеров в своих областях социологического знания — Р. Сведберг, Э. Тириахьян, С. Сассен, Д. Урри, С. Уолби, Б. Виттрок, Г. Дэви, К. Калхун, С. Аржоманд, Р. Коннел. Уже этот факт позволяет считать конгресс квинтэссенцией развития современной социологической мысли, или хотя бы ее высококачественной презентацией. Каждый из мэтров выступал по своей «главной теме», поскольку все темы так или иначе находятся «в движении», изменении, т.е. соответствуют обозначенной на конгрессе проблеме «движения на марше». Поэтому обсуждение различных аспектов основной проблемы было разнообразным и интересным.

Было выделено пять подтем для пленарных заседаний, проходивших параллельно: насилие и конфликты, устойчивое развитие и экология, разнообразие и неравенство, действие и воображение, религия и власть. Трудно сказать, какая из указанных подтем вызвала больше внимания социологов: пленарные заседания были самыми посещаемыми. Каждое заседание предполагало полемику между докладчиками и подведение итогов дискуссионтом (хотя, как правило, никаких «окончательных решений» не было найдено, даже по тем вопросам, где это было крайне актуально, — например, по поводу путей решения арабо-израильского конфликта на Ближнем Востоке). На пленарных заседаниях выступали кандидаты в президенты, а также прежние, ныне здравствующие президенты МСА, участвовавшие в конгрессе (М. Арчер, А. Мартинелли, П. Штомпка), так как это является давней традицией конгрессов.

Уходящий с поста президента МСА Мишель Веверка выделил одну из главных, на его взгляд, тенденций современной социологии: отказ от всеохватывающих универсальных теорий, способных объяснить весь мир. Можно расценивать эту тенденцию как превалирование методологического индивидуализма над холизмом (конечно, это лишь тенденция, которая не означает, что больше не осталось универсалистов: методологический плюрализм позволяет социологам следовать любой парадигме, речь идет,

скорее, о росте интереса к локальному, конкретному в научном исследовании). Нынешние социологи менее амбициозны и больше ориентированы на микроуровень и отдельные проблемы, нежели на большие нарративы. Вместе с тем, для анализа своего конкретного предмета исследования они постоянно обращаются к другим социальным наукам. Стирается грань, которая отделяла социологию от антропологии, социальной психологии, политической и социальной философии, истории: их содержание вовлекается в процесс социологического исследования, а границы становятся подвижными. Исследуя социальное, социология должна также обращаться к культуре и религии, так как последние помогают по-новому осмыслить классические проблемы: эксплуатация, разнообразие, война, насилие и др. Однако социологи не могут и не должны обходиться без «общего видения» ситуации; поэтому задача состоит в том, чтобы создавать новые теории и подходы, которые позволили бы им этого достигнуть, не апеллируя к старым теориям, которые уже устарели (функционализм, феноменология). Данная тенденция свидетельствует об определенном «размывании» предмета социологии: это уже не только «социальное», но и «культурное», «политическое», «религиозное» (список можно продолжить). Насколько долгосрочной будет эта тенденция, с одной стороны, ведущая к расширению поля социологического исследования почти до бесконечности, включения в него все новых компонентов, а с другой — ставящая тем самым под вопрос самостоятельный статус социологии как науки о социальном? И не приведет ли эта тенденция к превращению социологии в исследовательское поле междисциплинарных исследований?

Вторая знаменательная тенденция, отчетливо проявившаяся на конгрессе: укрепление взаимосвязи социологии и естественных наук. Современная социология не может обойтись без опоры на естественные науки. Изучая социальное, мы должны исходить из факта, что общество — это часть природы. Поэтому законы природы всегда лимитируют социальные процессы, ставят им естественные рамки, что, однако, не подменяет социальное природным, а предполагает их гармоничное соединение в науке. Большое внимание к естественным наукам, окружающей среде — вероятно, и отражение кризисного состояния, переживаемого сегодня миром, и продолжение традиций, которые в последней трети прошлого века активно развивал так называемый Римский клуб: созданные под его эгидой доклады имели междисциплинарный характер и послужили международному сообществу тревожным сигналом о необходимости срочных измерений — и в науке, и в мире. Именно признанием необходимости дальнейшего сближения социальных и естественных наук был обусловлен тот факт, что на первое пленарное заседание конгресса был приглашен с докладом Нобелевский лауреат в области химии, тайваньский профессор Х.Т. Ли, который и подчеркнул идею единства наук о природе и обществе. Забвение этой связи и «естественных пределов» человеческой деятельности приводит к катастрофам (например, к допущению обществом разрушительных глобальных климатических изменений ради увеличения прибыли).

Обе указанные тенденции подтверждают: современный глобальный мир требует глобального мышления, которое позволяет аналитически соединять разные подходы, взаимообогащает их содержание, а также (и это, возможно, главное сегодня) позволяет социологам предлагать конкретные пути решения

проблем, делает их научную деятельность общественно полезной, не замкнутой в «башне из слоновой кости», называемой академической наукой.

М. Кастельс в докладе «Сетевые войны в сетевом обществе» предложил свою теорию войны в новых условиях, показал, как изменяется само представление о войне, действия ее участников, а также последствия таких войн. Сетевые войны в еще большей степени могут увеличить неравенства, существующие между странами по экономическим и политическим причинам. Таким образом, власть, которую получили или могут получить в сетевом информационном обществе отдельные акторы, поистине велика (так, даже журналисты, которые обнаружили и открыли для свободного доступа секретную информацию Пентагона об операциях США в Афганистане и Ираке, т.е. использовали метод сетевого шпионажа, нанесли огромный ущерб американской армии, а ведь речь идет о единственной в современном мире супердержаве». Даже такая страна не может обеспечить себе «сетевой» безопасности, что же остается говорить о более слабых?).

В своем докладе «Исторические изменения и вызовы социологии» **Э. Райс** также показала новые проблемы, проистекающие из тех изменений, которые произошли в современной реальности. Например, раньше считалось бесспорным, что демократия обеспечивает прогресс общества, т.е. его движение вперед. Сегодня необходимо переосмыслить развитие демократии в мире, так как в ряде случаев нет причин считать демократию источником или даже условием экономического или социального прогресса. Выступавший на пленарном заседании директор института социологии Китайской Академии наук **Пейлин Ли**, например, доказывал на основе масштабных эмпирических данных, что твердая государственная власть Китая (которую весьма проблематично считать демократичной) обеспечила стране процветающую рыночную экономику, рост благосостояния, увеличение численности «среднего класса», т.е. те результаты, которых не могут добиться некоторые вставшие на путь либеральной демократии посткоммунистические страны. Очевидно, что современный мир чрезвычайно усложнился, поэтому те вопросы, которые, казалось, были давно решены в классической социологии, теперь переосмысливаются по-новому, требуют иных подходов, с учетом нового культурно-исторического контекста. Это по-своему продемонстрировал и **Р. Коллинз**. Он показал правомерность использования микросоциологического подхода и индивидуалистической методологии в социологическом исследовании насилия и на конкретных примерах продемонстрировал различные методические приемы, которые помогают социологу добиться при таком исследовании валидных результатов.

Нельзя обойти вниманием и многочисленные и плодотворные дискуссии по проблеме «**Религия и власть**». Прежде всего, факт отказа от теорий секуляризации уже никем не оспаривается. Напротив, стало «общим местом» в социологии утверждать, что религия по-прежнему играет весьма важную роль в обществе (и не только, например, фундаменталистская версия ислама в арабских странах, но и другие конфессии). Этот тезис, впрочем, как показал **Х. Йоас**, не означает, что в мире не осталось предпосылок и стимулов к секуляризации; просто эти два процесса не взаимоисключающи. Во-вторых, религия больше не рассматривается как часть системы культуры: поднимает-

ся проблема необходимости их методологического и предметного разграничения. В-третьих, социологи отказались от признания того, что рационализм эпохи Просвещения неминуемо вел к закату религиозности; утверждается, что религиозность может ужиться с рационализмом, который оставляет за первой значительное пространство действия. Дискуссии вызвали следующие вопросы: превращается ли ислам в наиболее агрессивную религию современности; потеряло ли свою привлекательность христианство; как соотносятся мировые религии с новыми религиозными движениями и т.п. Было рассмотрено и много частных проблем. Так, **Х. Казанова** показал, чем отличается сходные, на первый взгляд, понятия секулярное и профанное, сакральное и религиозное, и почему их нельзя употреблять как синонимы. Ясно, что проблематика социологии религии находится сегодня в фокусе внимания мировой социологии.

Нельзя не упомянуть работу исследовательского комитета по исследованию теории и практики отчуждения. Он объединяет, скорее, теоретиков, социальных философов, поскольку сама тематика требует обращения к трудам Гегеля, Маркса, представителей Франкфуртской школы и т.п. Полагаю, российским ученым будет небезынтересно узнать, что многие члены данного исследовательского комитета — убежденные западные марксисты. Среди них много тех, кто блестяще знает работы и Маркса, и западных марксистов (здесь по-прежнему иконографической фигурой является Грамши), и советских философов разных времен, умеет применить теорию отчуждения к практике исследования современности. Для них теория отчуждения сохранила свою актуальность и продуктивность: на ее основе исследуются самые разные социальные процессы — от традиционной сферы труда до музыкальной субкультуры и повседневной жизни. Думается, что такое уважительное и лишенное политической конъюнктурности отношение к марксизму может служить хорошим примером и для ученых, живущих на постсоветском пространстве.

Активное обсуждение актуальных проблем современности, которое собрало вместе такое большое число социологов всего мира, поневоле наталкивает на не новый уже вопрос о роли социолога в современном мире и его взаимоотношениях с практикой. На этот счет нет единой позиции. Одни по-прежнему считают, что социолог — прежде всего, теоретик, который призван объяснять происходящее и излагать свои идеи в публикациях, быть «выше реальных процессов». Другие утверждают обратное: подобно Ч.Р. Миллсу, социолог должен учить общество, как соединять теорию с практикой для того, чтобы совершались реальные социальные изменения. Наконец, есть мнение, что социолог — это квалифицированный эксперт, который продает свои знания клиенту-заказчику, поставляя тому необходимые данные. Среди нынешних социологов можно легко найти представителей каждой из этих позиций. Интересно отметить, однако, что и Мишель Веверка, и Майкл Буравой придерживаются активной позиции в профессиональной деятельности, т.е. считают социологию инструментом социальных перемен, а самого социолога — публичной фигурой. По их мнению, социолог не должен оставаться равнодушным к тому, что он изучает, и как будут использованы его результаты. Как подчеркнул Веверка, «производство социологических знаний и проверка их релевантности на практике должны осуществляться

как единый процесс»: социолог не только конструирует фундамент для принятия практических социально-политических решений, он может сам предложить практические шаги по реализации своих идей, дать рекомендации для практических политиков. Между прочим, именно такую задачу перед европейскими учеными в области социальных наук ставит Европейская Комиссия: наличие рекомендаций, релевантных политической практике (необходимых для решения тех или иных социальных проблем), внедрение рекомендаций — непременные условия проведения всех исследований, финансируемых Еврокомиссией.

В принципе, в этом нет ничего нового: ученые всегда заинтересованы в доведении своих исследовательских результатов до практики. Особый акцент на практическом внедрении результатов означает, что как бы ни хороша была теория, она должна служить практике. Видимо, все-таки каждый ученый сам должен решать, какую роль для себя он изберет в обществе — публичного трибуна, эксперта или академического ученого, увлеченного поиском истины.

Подводя итог краткого анализа прошедшего конгресса, можно резюмировать: социология достаточно успешно развивается сегодня уже не только в странах Запада, но и во всем мире. Впереди ее ожидают новые изменения, повороты, которые неизбежны в связи с постоянным изменением самого общества и усложнением институциональной структуры дисциплины. Постоянное осмысление происходящих перемен как в науке, так и в обществе — базовая функция, присущая социальной науке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Штомпка П.* Одна социология или много? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 4. — С. 46.

² *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. — М.: Хранитель, 2006. — С. 770.

Наши авторы

Глинчикова Алла Григорьевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН.

Гусев Станислав Сергеевич — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургской кафедры философии Академического университета — Научно-образовательного центра нанотехнологии РАН.

Корсаков Сергей Николаевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, доцент кафедры философии Тверского государственного университета.

Лехциер Виталий Леонидович — доктор философских наук, профессор кафедры философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета.

Межуев Вадим Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН.

Руткевич Алексей Михайлович — доктор философских наук, профессор, декан факультета философии Государственного университета — Высшей школы экономики, заведующий сектором современной западной философии Института философии РАН.

Соколова Римма Ивановна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН.

Спиридонова Валерия Игоревна — доктор философских наук, старший научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН.

Титаренко Лариса Григорьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Шевченко Владимир Николаевич — доктор философских наук, заведующий сектором философских проблем политики Института философии РАН, профессор кафедры философии Российской академии государственной службы при Президенте РФ (РАГС).

Шичанина Юлия Владимировна — доктор философских наук, доцент кафедры философии и культурологии философского факультета Южно-Российского гуманитарного института.

Шупер Вячеслав Александрович — профессор, доктор географических наук, Институт географии РАН, Российский университет дружбы народов.

CONTENTS
CULTURE AND CIVILIZATION

	Dominant ■	
<i>Kh.E. MARINOSYAN</i>	Modernization Imperatives of National state in the Globalization age	5
	The future of Russia: strategy of philosophical comprehension ■	
<i>V.M. MEZHUYEV</i>	Russian Modernization and Culture	18
<i>A.G. GLINCHIKOVA</i>	Liberal values and problems of Russian modernization	32
	Social and cultural vectors of civilizational development ■	
<i>THE EDITORIAL</i>	Philosophy and Political Strategies of Russian Power	44
<i>V.N. SHEVCHENKO</i>	Modernization or National Way of Russian Development?	46
<i>V.I. SPIRIDONOVA</i>	The Revolutionary Face of Russian Modernization	60
<i>R.I. SOKOLOVA</i>	The «Male» and «Female» civilization: Theory and Reality	72
	MAN AND WORLD	
	Civilization facets ■	
<i>V.A. SHUPER</i>	Russia between West and China	86
<i>A.M. RUTKEVICH</i>	The Catholic reactionary Nicolas Gomez Davila	98
	EDUCATION AND SOCIETY	
	School of philosophizing ■	
<i>THE EDITORIAL</i>	Philosophy – to be in school!	111
<i>S.S. GUSEV (St. Petersburg)</i>	The fundamentals of philosophy Part II. What can I know?	
<i>(St. Petersburg)</i>	Chapter 6. Art as a way of understanding	
	§ 11. Special features of artistic cognition	
	§ 12. The image-bearing idea and art picture of the world	113
	NEW IN PHILOSOPHY	
	Projecting Philosophical Dictionary ■	
	Dictionary items (Issue 12)	
<i>V.I. LECHTSIER (Samara),</i>	Autopolemos	
<i>Yu.V. SHICHANINA (Rostov-on-Don)</i>	Experience	
	Anthropological measure	120
	SCIENTIFIC LIFE	
	The Unknown past. ■	
From the history of philosophical forums		
<i>S.N. KORSAKOV</i>	On the World Philosophical Congresses in the early 20 th century	124
<i>Yu.I. AICHENVALD</i>	The International Philosophical Congress in Paris	129
	Archival publications ■	
<i>S.N. KORSAKOV</i>	Professor V.N. Ivanovsky and his memoirs	137
<i>V.N. IVANOVSKY</i>	Memoirs	144
	Surveys, announcements and other information ■	
<i>L.G. TITARENKO (Belarus)</i>	Sociology in the global world: its past, present and future in the light of the World congress	150